



ISSN 2072-9391

**№ 3 (75)
сентябрь
2025**

ЧЕСТЬ, ЗНАНИЯ, ЗАКОН

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

**Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов**



ISSN 2072-9391
№ 3 (75) Сентябрь 2025
№ 3 (75) September 2025

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2025

Главный редактор
Синенко Сергей Андреевич, доктор
юридических наук, доцент, начальник
Академии управления МВД России. Москва.
Российская Федерация.
Заместитель главного редактора
Бобе Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника Академии
управления МВД России. Москва.
Российская Федерация

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2025
№ 3 (75)

Сентябрь
Журнал
издается с декабря
2006 г.

Редакционный совет

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Майдыков Анатолий Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации;

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
Гаврилин Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;
Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;
Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе);
Дильбарханова Жанат Рахимжановна, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова;
Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Киричек Евгений Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России;
Кононов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Лексин Иван Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Можалева Ирина Павловна, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника центра – начальник отдела планирования и контроля научных исследований научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1;
Осокин Роман Борисович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;

Росинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Сейтенов Калиолла Кабеевич, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан;
Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Павличенко Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
Победкин Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Пожарский Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе;
Поздняков Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России;
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;
Репьев Артём Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ);
Солдатов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Старостин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Тишутина Инна Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
Целев Валерий Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Шарипова Алия Рашитовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Мартыненко Наталья Эдуардовна (секретарь), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

Editor-in-Chief

Sergey A. SINENKO, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Lyudmila N. BODE, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS OF THE MANAGEMENT ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2025 № 3 (75)

September

The Journal has been
published since December
2006

Editorial Council

Suren A. Avakyan, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation;

Larisa I. Beliayeva, Dr. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Anti-Crime Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Anatoly F. Maydykov, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department for the Study of History Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Igor M. Matskievich, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Elena R. Rossinskaya, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Head of the Department of Forensic Examinations, O. E. Kutafin Moscow State Law Academy. Moscow, Russian Federation;

Kaliolla K. Seytenov, Dr. of Law, Professor, First Vice-Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Moscow, Russian Federation;

Boris S. Ebzeev, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Irina A. Andreyeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Mikhail Yu. Voronin, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;

Yurij V. Gavrilin, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Management of Crime Investigation Agencies, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Boris Ya. Gavrilov, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Oleg A. Dizer, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Chief (for Scientific Work) of I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Zhanat R. Dilbarkhanova, Dr. of Law, Professor, Deputy Head, Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Astana. Republic of Kazakhstan;

Mikhail P. Kireev, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Internal Affairs Bodies in the Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Evgeniy V. Kirichyok, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Anatolij M. Kononov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Strategic Management Problems of the Scientific Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Ivan V. Leksin, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty, Lomonosov Moscow State University. Moscow. Russian Federation;

Irina P. Mozhaeva, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Center – Head of the Department of Planning and Control of Scientific Research at the Scientific Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia of the Center for Command and staff exercises. Moscow. Russian Federation;

Kirill V. Murav'ov, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Sergej A. Nevskij, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center № 1. Moscow. Russian Federation;

Roman B. Osokin, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;

Nikolay V. Pavlichenko, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Alexander V. Pobedkin, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Dmitry V. Pozharsky, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work; Ufa, Russian Federation;

Alexander N. Pozdnyakov, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Vladimir M. Redkous, Dr. of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation;

Artem G. Repyev, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT). Moscow. Russian Federation;

Alexander P. Soldatov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the Development of Complex Problems of law enforcement at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Sergej A. Starostin, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;

Aleksandr A. Tarasov, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;

Inna V. Tishutina, Dr. of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;

Valeriy F. Tsepelev, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;

Aliya R. Sharipova, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;

Natalia E. Martynenko (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation

Над номером работали:

Я. В. Артемьева

Техническая верстка С. Х. Аминова,
А. М. Чайкина

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75592 от 19 апреля 2019 г.

При использовании материалов ссылка на журнал «Труды Академии управления МВД России» обязательна.

Подписано в печать 30.09.2025.
Формат 60×84 1/8.

Объем 19,5 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 62 экз. Заказ № 43у.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8. Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: rio_aumvd@mvd.ru
Сайт: <https://a.mvd.rf/folder/6891081>.

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати РИО Академии управления МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8. Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Труды Академии управления МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Академия управления МВД России, 2025

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2025
№ 3 (75)

Сентябрь
Журнал
издается с декабря
2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Косых А. А.** Телеологические основы юридической рекомендации 8
- Николюк В. В.** Великая процессуальная эволюция (размышления над книгой А.В. Победкина «Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства») 18
- Попов В. В.** Субъективные права как мера свободы: проблемы теории и практики в контексте прагматического аспекта анализа 28
- Салтыков К. Г.** Один тезис Президента Российской Федерации В. В. Путина о юридической терминологии 38
- Самodelкин А. С., Мелихов А. И.** Институциональные различия между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в свете теории национальной безопасности 46
- Уваров М. А.** Трансформация права собственности в условиях цифровизации: публично-правовой подход 58

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

- Борисов А. В., Поликарпов И. А.** Историческая политика Российской империи в период Думской монархии 69

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Княжев В. Б., Егоров К. А.** От управления по ситуации — к ситуационному управлению в различных условиях обстановки 78
- Кононов А. М.** Актуальные проблемы и перспективы совершенствования административно-правового обеспечения механизма управления органами внутренних дел 85
- Репьев А. Г.** Теоретическая концепция формирования законодательства в сфере легкового такси: классические подходы унификации и экспериментальные методики 93

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Гайкин М. С., Яджин Н. В. Криминалистическое значение использования экспозиции учебных наглядных пособий – объектов взрывотехнической экспертизы в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел 102

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Баранов В. В. Подразделения киберполиции как элемент государственной системы информационного противоборства в условиях гибридных угроз 109

Гаврилин Ю. В., Курилов С. И. Возмещение ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом 123

Грибунов О. П., Берестенников А. Г., Агафонов А. С. О некоторых вопросах рассмотрения прокурором жалоб в порядке статьи 124 УПК РФ 134

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Ульянов А. Д., Мейрхан Д. М. Проблемы и основные направления совершенствования управления в органах внутренних дел Республики Казахстан по противодействию наркопреступности на базе инновационных технологий 145

Трибуна молодого ученого

Агабекова Л. Г. К вопросу о соотношении общерегулятивных, абсолютных и относительных правоотношений 154

Шакиров А. Г. О сущности оперативного управления органами внутренних дел Российской Федерации в особых условиях 161



Worked with issue:

Ya. V. Artem'eva

Technical layout S. H. Aminov, A. M. Chaikin

The journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is required.

Print is signed 30.09.2025.

Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 19,5 p. s.

Circulation 500 copies.

First edition: 62 copies. Order № 43u.

Published 4 times a year.

Address of the Editorial Office and Publisher: 125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.
Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: rio_aumvd@mvd.ru
Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing of the Publishing Department of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and High Education the Russian Federation journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is included in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published by scientific specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2025

№ 3 (75)

September

The Journal has been
published since December
2006

CONTENT

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

- Kosykh A. A.** Teleological Basis of Legal Recommendation 8
- Nikolyuk V. V.** The Great Procedural Evolution (Reflections on A. V. Pobedkin's Book "The Main Provisions of the Russian Criminal Procedure Code as a System of Guarantees for the Publicity of Criminal Proceedings")..... 18
- Popov V. V.** Subjective Rights as a Measure of Freedom: Some Problems of Theory and Practice in the Context of the Pragmatic Aspect of the Analysis . 28
- Saltykov K. G.** One Thesis of the President of the Russian Federation Vladimir Putin on Legal Terminology 38
- Samodelkin A. S., Melikhov A. I.** Institutional Differences between Operational-Investigative, Intelligence and Counterintelligence Activities in the Light of National Security Theory 46
- Uvarov M. A.** Transformation of Property Rights in the Context of Digitalization: A Public Law Approach 58

HISTORY OF STATE-LEGAL THOUGHT

- Borisov A. V., Polikarpov I. A.** Historical Policy of the Russian Empire during the Period of the Duma Monarchy..... 69

STATE MANAGEMENT: METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

- Knyazhev V. B., Egorov K. A.** From Situation Management to Situational Management in Various Environments 78
- Kononov A. M.** Current Problems and Prospects for Improving the Administrative and Legal Support of the Mechanism Management of Internal Affairs Bodies 85
- Repev A. G.** The Theoretical Concept of the Formation of Legislation in the Field of Passenger Taxis: Classical Unification Approaches and Experimental Methods 93

For attention of the authors

The journal "Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the "Science" section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double "blind" peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

- Yadzhin N. V., Gaikin M. S.** The Criminalistic Significance of Using the Exposition of Educational Visual Aids – Objects of Explosive Expertise in the Operational and Official Activities of Internal Affairs Bodies 102

JUDICIAL POWER, PROSECUTOR'S SUPERVISION, LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Baranov V. V.** Formation of Specialized Cyber Police Units in the Russian Federation in the Context of Information Warfare 109
- Gavrilin Y. V., Kurilov S. I.** Compensation for Damage Caused by Theft Committed Remotely 123
- Gribunov O. P., Berestennikov A. G., Agafonov A. S.** On Some Issues of the Prosecutor's Consideration of Complaints in Accordance with Article 124 of the Code of Criminal Procedure 134

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

- Ul'yanov A. D., Meirkhan D. M.** Problems and Main Directions Management Improvements in the Internal Affairs Bodies of the Republic of Kazakhstan on Countering Drug Crime based on Innovative Technologies 145

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

- Agabekova L. G.** On the Question of the Correlation of General Regulatory, Absolute and Relative Legal Relation 154
- Shakirov A. G.** On the Essence of Operational Management of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Special Conditions 161



НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

Косых Алексей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: lexovip36@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-8-17

Дата поступления статьи: 16 июня 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Alexey Alekseevich Kosykh,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemynskikh St., 8
E-mail: lexovip36@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Телеологические основы юридической рекомендации Teleological Basis of Legal Recommendation

Аннотация

Актуальность: в современных условиях приобретают все большее распространение документы рекомендательного характера: рекомендации, методические рекомендации, временные рекомендации, отзывы, рекомендательные письма и другие. Юридическая рекомендация стала неотъемлемым элементом в механизме государственного управления. Выступая одновременно правовым средством, самостоятельным методом государственного управления и обладая спецификой нормы, юридическая рекомендация позволяет судить о своей универсальности и применимости в механизме правового регулирования общественных отношений.

Постановка проблемы: вопросы целесообразности использования правовых средств, установления целевых ориентиров и выбора необходимых для их достижения методов правового воздействия, а также вопросы, связанные с динамикой постановки, корректировки и достижения правовых целей, представляются

Abstract

Relevance: in modern conditions, recommendation documents are becoming increasingly widespread: recommendations, guidelines, temporary recommendations, reviews, letters of recommendation, and others. Legal advice has become an integral element in the mechanism of public administration. Acting simultaneously as a legal instrument, an independent method of public administration and possessing the specifics of the norm, the legal recommendation allows us to judge its universality and applicability in the mechanism of legal regulation of public relations.

Problem statement: the issues of the expediency of using legal means, setting targets and choosing the methods of legal influence necessary to achieve them, as well as issues related to the dynamics of setting, correcting and achieving legal goals, seem relevant, requiring theoretical and methodological substantiation and scientific resolution. The content of the goals of any legal phenomenon is mandatory in understanding its essence and functional features.

актуальными, требующими теоретико-методологического обоснования и научного разрешения. Содержание целей любого правового феномена является обязательным в познании его сущности и функциональных особенностей.

Цель исследования: посредством теоретического анализа обосновать выявление телеологических основ юридической рекомендации.

Методы исследования: выводы основываются на использовании материалистической диалектики, сравнительно-правовом методе, формально-юридическом анализе.

Результаты и ключевые выводы: 1) определена основная цель юридической рекомендации, которая состоит в ориентации адресата рекомендации следовать наиболее целесообразному с точки зрения субъекта правотворчества варианту правового поведения; 2) предложена классификационная модель целей юридических рекомендаций: в зависимости от сроков реализации цели юридической рекомендации делятся на ближайшие и перспективные; в зависимости от реальности достижения правового результата без использования дополнительного правового инструментария – реальные и нереальные цели; в зависимости от осознанности и адекватности потребностям субъектов правоотношений цели юридической рекомендации делятся на истинные и ложные; в зависимости от своего объема – на общие и частные.

Ключевые слова: право; рекомендация; юридическая рекомендация; юридическая цель; цель юридической рекомендации.

The purpose of the study is to substantiate the identification of the teleological foundations of a legal recommendation based on a theoretical analysis.

Research methods: the conclusions are based on the use of materialistic dialectics, the comparative legal method, and formal legal analysis.

Results and key conclusions: 1) the main purpose of the legal recommendation is defined, which consists in orienting the addressee of the recommendation to follow the most appropriate legal behavior option from the point of view of the law-making subject; 2) a classification model of the goals of the legal recommendations is proposed: depending on the timing of the implementation, the goals of the legal recommendation are divided into immediate and prospective; depending on the reality of achieving a legal result without using additional legal toolkit – real and unrealistic goals; depending on the awareness and adequacy of the needs of the subjects of legal relations, the goals of a legal recommendation are divided into true and false; depending on their scope, they are divided into general and private.

Keywords: law; recommendation; legal recommendation; legal purpose; purpose of legal recommendation.

Гносеология телеологических основ юридической рекомендации предполагает установление и анализ системы целей, но, прежде чем о них говорить, необходимо четко осознавать, что представляет собой цель, каковы признаки, позволяющие классифицировать систему и определить иерархию целей, дифференцировать основополагающие юридические цели от косвенных, цели от функций или задач. За последние десятилетия правовую доктрину дополнили немало работ по проблемам целеполагания в праве. Как справедливо отмечают В.А. Толстик и А.В. Азархин, целеполагание для различных отраслей гуманитарного знания «стало модной темой» [13, с. 72]. В стремлении придать своему научному труду элементы новизны или желая усилить актуальность, ученые делают небезуспешные попытки выявить и раскрыть цели того или иного правового явления. Вместе с тем в погоне за новизной зачастую упускаются из виду многие детали методологического характера при определении объема

и содержания юридических целей, построении классификационных моделей, что приводит к неполноте и незавершенности исследования.

К сожалению, не всегда цели, обозначенные в тексте правового акта рекомендательного характера, являются обоснованными, реальными и достижимыми с точки зрения сущности и функциональных возможностей рекомендации. Равно как и отсутствие указания на цель юридической рекомендации или ее «размытость», неопределенность в тексте правового акта приводят к переоценке возможностей рекомендации, неоправданным правовым ожиданиям и в целом гипертрофированному отношению к данному правовому средству. Поэтому установление телеологических основ выступает неотъемлемой задачей познания сущности такого правового феномена, как юридическая рекомендация.

Цель в философии. Решение поставленной задачи выявления телеологических основ юридической рекомендации будет неполным вне фи-

лософского подхода к понятию и содержанию категории «цель». Для правовой доктрины философское знание выступает своеобразным образовательным стандартом, тем массивом знаний, который обеспечивает единство и целостность всей юридической науки. Невозможно понять природу, сущность, функциональные особенности правового явления без знаний базовых философских категорий, таких как «сущность», «форма», «связь», «система», «содержание» и других. Нельзя не вспомнить справедливую критику профессора В. М. Сырых в адрес ученых, пренебрегавших законами философии в своих исследованиях [16]. Убедительными и бесспорными в этой связи видятся слова известного советского правоведа М. С. Строговича: «Любая отраслевая юридическая наука обречена на неуспех, в ней неизбежно происходят срывы, ошибки, если она в какой бы то ни было мере отмежевывается от философии, исходя из ложных соображений, будто философские основы правоведения — это дело только общей теории права» [15, с. 76–77].

Одними из первых на проблемы понимания целей указали в своих трудах древнегреческие философы. В трудах Сократа телеологические основы прослеживаются в идеях о внешней целесообразности или разумной пользе, некоего промысла, независимого от кого-либо. Более определенной и ясной следует назвать телеологию Аристотеля. В «Политике» Аристотель писал: «...растения существуют ради живых существ, а животные — ради человека; домашние животные служат человеку как для потребностей домашнего обихода, так и для пищи, а из диких животных если не все, то большая часть — для пищи и для других надобностей...» [3]. Аристотелевский подход к пониманию предназначения вещей дает основания полагать о таком свойстве цели, как имманентность. Данное свойство присуще и правовым целям.

Ф. Аквинский писал, что «всякое действие низшей природы имеет конечной целью человека как наиболее совершенного» [1, с. 56]. В своих произведениях он обосновывал иерархию вещей, одни из которых приближены к божественной благодати, а другие — отдалены. «В итоге, — отмечает В. А. Куприянов, — менее совершенные имеют посредников при общении с божественной благодатью посредством более совершенных и имеют именно в них свою непосредственную цель» [9, с. 45–46]. Безусловно, институт юридической рекомендации в современном понимании вряд ли был знаком средневековым мыслителям, но условную параллель между ролью посредника в лице юридической рекомендации и целью правового регулирования — удовлетворением потребностей

участников общественных отношений — мы можем провести.

В трудах Х. Вольфа мы впервые встречаем термин «телеология». Сформулированные телеологические идеи Х. Вольфа, отличающиеся ярко выраженным антропоцентризмом и рационализмом, стали отправной точкой в формировании взглядов Г. Гегеля, И. Канта, Ф. Шеллинга. Разумное начало философии Х. Вольфа (о чем можно судить уже по названиям его трудов «Разумные мысли о Боге, мире и человеке», «Разумные мысли о силах человеческого разума и его правильном использовании в познании истины» «Разумные размышления о целях природных явлений») показано в тесной взаимосвязи с опытом.

Существенный вклад в развитие философского учения о цели внес Р. Иеринг. Выдвинутые выдающимся немецким правоведом суждения «нет деяния без цели», «цель является творцом всего права», «действовать и действовать ради какой-либо цели — значит одно и то же», «причина относится к области прошедшего, цель — к сфере будущего» стали аксиоматичными для многих ученых и составили основу телеологической концепции правопонимания. Ряд усилий предпринято Р. Иерингом в части обоснования рационализма в праве, что подтверждается вниманием к вопросу сознательного и бессознательного в направлении деятельности человека. Так, в одном из главных сочинений Р. Иеринга «Цель в праве» в переводе В. Р. Лицкого содержится такое умозаключение: «...у животных для хотѣнія, а вмѣстѣ с тѣмъ и для цѣли, не требуется самосознания. И сумасшедшій дѣйствует, на сколько такое выраженіе может быть примѣнимо къ его поступкам, не безцѣльно; его дѣянія отличаются отъ дѣяній разумного чловѣка не отсутствіем цѣли, а исключительностію, аномальностію ея...» [6, с. 14].

В отечественной правовой доктрине тема правовых целей выступала предметом правового анализа трудов ученых дореволюционного (Н. М. Коркунов, Б. А. Кистяковский, Е. Н. Трубецкой), советского и постсоветского периодов (С. С. Алексеев, Д. А. Керимов, А. И. Экимов, Л. С. Явич). В последние годы юридические цели подвергались анализу в работах М. В. Бавсуна, М. А. Куликова, С. В. Максимова, А. В. Малько, Е. А. Мызниковой, М. А. Темирханова С. Ю. Филипповой, Т. Я. Хабриевой, К. В. Шундикова и других ученых.

Цель юридической рекомендации. Проведенный анализ существующих подходов позволяет заключить, что цель — это философская категория, отражающая осознаваемый результат мыслительной деятельности в виде идеальной модели, обусловленный потребностями челове-

ка и представляющий определенную ценность. Логическим переходом от философской категории «цель» к пониманию цели юридической рекомендации является понятие юридической цели. В качестве основы предлагается взять определение, предложенное в М. А. Куликовым в своей докторской диссертации: «юридическая цель — это созданная государством или им санкционированная модель определенного социального состояния, процесса или явления, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся участники правоотношений» [8, с. 52]. В числе признаков юридической цели необходимо назвать:

- сознательный характер, который состоит в ясном понимании желаемого результата, его измеримости, прогнозировании необходимых средств и возможных барьеров; обусловлен особенностями мыслительной деятельности человека, направленной на удовлетворение интересов или потребностей;

- выступает идеальным желаемым мыслительным образом модели социального явления, состояния или процесса, на достижение которого направлено действие правовых норм или иных правовых средств;

- создается или санкционируется государством, что предполагает как непосредственное участие государственных органов в создании правовых целей, так и их опосредованное участие с помощью дозволения или делегирования негосударственным организациям нормотворческих полномочий;

- обеспечивается юридическими средствами: правовыми инструментами и технологиями, которые позволяют удовлетворить существующие потребности и интересы субъектов правоотношений.

Переходя к цели юридической рекомендации, необходимо отметить несколько важных моментов.

Во-первых, целью юридической рекомендации выступает тот правовой результат, который определяется субъектом правотворчества в ходе создания рекомендации. Это может быть как вполне осознаваемый образ желаемого результата в виде предлагаемой юридической рекомендацией конкретной модели наиболее целесообразного с позиции субъекта правотворчества правового поведения, так и абстрактный результат, выражающийся в конструкциях «повышение эффективности правового регулирования» или «оказание методологической помощи». В одних случаях цель юридической рекомендации выражает общие потребности всего общества на конкретном историческом этапе, в другом — интересы отдельной социальной группы. В этом состоит диалектическое единство конкретного и абстрактного, объек-

тивного и субъективного, общего и частного, индивидуального и коллективного в содержании цели юридической рекомендации.

Во-вторых, цель юридической рекомендации побуждает субъектов правоотношений к позитивному правовому поведению. Предлагаемая юридической рекомендацией модель правового поведения направлена на стимулирование правомерного поведения и ограничение противоправного поведения, недопущение злоупотребления правом или совершения обхода закона. Юридическая цель — это всегда правомерный ориентир правового поведения субъекта правоотношения. Как справедливо заметил М. А. Куликов, «юридическая цель может выполнять роль как правового стимула, так и правового ограничения, будучи своеобразным координатором общественных отношений» [8, с. 57].

В-третьих, если юридическая цель может не всегда отражать интересы и потребности субъектов правоотношений, то цель юридической рекомендации будет всегда отражать интерес субъекта правотворчества. Выступая специфическим методом государственного управления, опирающимся на совокупность рекомендательных норм, юридическая рекомендация выражает потребность государства в качественном улучшении механизма правового регулирования, повышении его эффективности, устранении негативных дефектов и издержек. В этом ключе цель юридической рекомендации выступает своеобразным индикатором его эффективности¹. Соотношение результата действия юридической рекомендации с той целью, которая закладывалась в ходе ее создания, позволяет говорить о степени эффективности данного правового средства, его полезности для урегулирования общественных отношений.

В. М. Баранов и Д. Е. Маслов отмечают, что целью юридической рекомендации выступает «более точное, но при этом единообразное регулирование общественных отношений» [4, с. 26], поскольку, как полагают ученые, юридическая рекомендация носит конкретизирующий характер. Разделяя в целом указанную позицию, необходимо констатировать, что, действительно, довольно большое количество юридических рекомендаций в общем объеме рекомендательных актов преследуют названную цель. В качестве примера приведем оформленные письмом МВД России Методические рекомендации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия и безопасности дорожного движения при перевозках организован-

¹ Так, С. С. Алексеев отмечал, что «фактическая эффективность — это соотношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие юридические нормы» [2, с. 96].

ных групп детей автомобильным транспортом. Целью данных методических рекомендаций определено «формирование единого подхода к организации и осуществлению перевозок организованных групп детей»². Далее текст документа содержит две задачи, на решение которых направлены методические рекомендации:

– инкорпорация правовых норм в обеспечение безопасности при перевозке организованных групп детей автомобильным транспортом;

– распространение положительного опыта по предотвращению неблагоприятного воздействия на организм детей вредных факторов и условий, связанных с пребыванием в стационарных условиях зон обслуживания пассажиров и в пути следования автомобильным транспортом.

В информационном письме Банка России «О рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития)» целью рекомендаций выступает «гармонизация методологий и практики присвоения ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития)»³. Другими методическими рекомендациями Банком России определена цель «обеспечение единства подходов к предоставлению финансовых продуктов»⁴. В утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 октября 2018 г. № 2258-р методических рекомендациях по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства сформулирована следующая цель: «формирования единого подхода к созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства»⁵. Направленные письмом Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 26 фев-

раля 2021 г. № 00-10-30-04/1101 методические рекомендации разработаны с целью «обеспечения единообразия реализации обязательного медицинского страхования в части информационного сопровождения застрахованных лиц»⁶.

Приведенный перечень можно продолжать достаточно долго. Поэтому еще раз отметим, что довольно большой объем юридических рекомендаций преследует цель достижения единообразного регулирования общественных отношений. Но не все. Потенциал юридической рекомендации не ограничивается названной целью. В ст. 27 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» закреплена обязанность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) направлять в органы государственной власти и местного самоуправления заключение с рекомендациями мер восстановления нарушенных прав и свобод граждан⁷. Причинами допущенных нарушений могут выступать не только отсутствие единообразия в механизме правового регулирования или несогласованность действий правовых норм, но и пробелы законодательства, несовершенство правоприменительной практики, отсутствие или необеспеченность механизма реализации прав граждан и другие. По итогам 2024 г. в адрес органов государственной власти Уполномоченным было внесено «166 заключений, предложений и рекомендаций в целях устранения причин и условий, способствующих нарушению прав граждан, совершенствованию правового регулирования соответствующих секторов общественных отношений»⁸. Поэтому адресованные органам и должностным лицам публичной власти рекомендации Уполномоченного преследуют конечную цель усиления правовых гарантий соблюдения прав и свобод граждан в ходе выявления и устранения причин допущенных органами государственной власти и местного самоуправления нарушений.

² Методические рекомендации по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия и безопасности дорожного движения при перевозках организованных групп детей автомобильным транспортом : письмо МВД России от 21 сентября 2006 г. № 13/4-4738 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

³ О рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) : информационное письмо Банка России от 30 июня 2023 г. № ИН-02-05/46 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

⁴ Методические рекомендации Банка России по предоставлению потребителям финансовых продуктов (дополнительных услуг) в дистанционных каналах : утв. Банком России от 27 декабря 2024 г. № 22-МР // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

⁵ Об утверждении методических рекомендаций по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 18 октября 2018 г. № 2258-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 44. Ст. 6777.

⁶ Методические рекомендации (вместе с «Методическими Рекомендациями по взаимодействию участников обязательного медицинского страхования при информационном сопровождении застрахованных лиц на всех этапах оказания им медицинской помощи») : письмо ФФОМС от 26 февраля 2021 г. № 00-10-30-04/1101 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

⁷ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ : в ред. от 29 мая 2023 г. : принят Гос. Думой 25 декабря 1996 г. : одобрен Советом Федерации 12 февраля 1997 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.

⁸ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf> (дата обращения: 01.06.2025).

В ряде случаев целью юридической рекомендации выступает информирование участников общественных отношений: оказание содействия в получении правовой информации о правах, обязанностях или запретах. Приказом Минрегиона России от 8 августа 2013 г. № 341 утверждены методические рекомендации по информированию граждан о правовых механизмах, регулирующих деятельность в области долевого строительства. Название данного документа говорит само за себя: цель рекомендаций — осуществление правового информирования граждан. В самом же документе определены три специальные цели:

— унификация проведения информационно-разъяснительных мероприятий для граждан органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (в этом прослеживается цель единообразного регулирования общественных отношений);

— обобщение и анализ контролирующими органами работы, проводимой органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере долевого строительства;

— профилактика нарушений прав граждан, участвующих в долевом строительстве⁹.

Следует заметить, что юридическая рекомендация выступает достаточно эффективным и удобным правовым средством в достижении цели распространения правовой информации [12]. Возможность информационно-правового, воспитательного воздействия на сознание, волю и поведение участников общественных отношений определяет ценность юридической рекомендации как инструмента, стремящегося в большей степени к воздействию силой убеждения, достижению понимания и поддержки со стороны общества проводимой государственной политики, открытости и прозрачности правового регулирования, исключая использование мер государственного принуждения. В утвержденном приказом Минфина России от 22 сентября 2015 г. № 145н Методических рекомендациях по представлению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов и отчетов об их исполнении в доступной для граждан форме закреплена цель «реализации принципа прозрачности (открытости) бюджетной системы Российской Федерации путем обеспечения информирования граждан (заинтересованных пользователей) о бюджетах субъектов Российской Федерации и местных бюджетах в доступной форме»¹⁰.

Проводя телеологический анализ юридических процедур, профессор В. А. Толстик справедливо подметил, что цели юридической процедуры не должны противоречить целям первичных (материальных) правовых предписаний, для реализации которых процедура была установлена [14, с. 85]. Полагаем, применимость данного тезиса к целям юридической рекомендации не вызовет серьезной критики. Важно понимать, что цели юридической рекомендации не должны противоречить целям, которые преследует правотворческий орган в ходе создания правовых норм (правовых актов), а также общим целям правового регулирования.

В одной из своих научных работ, посвященных рекомендательным нормам советского права, В. Л. Кулапов отмечает, что правоприменительные рекомендации способствуют «наиболее целесообразной трансформации предписаний правовых норм в правомерную деятельность субъектов» [7, с. 31]. Из этого можно сделать вывод, что юридическая рекомендация выполняет роль своеобразного посредника для правовой нормы, указывающего на необходимость наиболее целесообразного варианта правового поведения и предостерегающего от обусловленного объективными и субъективными причинами своевольного толкования и, как следствие, осуществление нежелательного для государства поведения.

Таким образом, резонно задаться вопросом: какова основная цель юридической рекомендации? Проведенный анализ позволяет выдвинуть следующий тезис: *цель юридической рекомендации состоит в ориентации адресата рекомендации следовать наиболее целесообразному с точки зрения субъекта правотворчества варианту правового поведения*. Подобная трактовка цели в полной мере увязывается и с содержанием понятия юридической цели, и с содержанием понятия цели правового регулирования. Достижение названной цели осуществляется при помощи системы функций, при этом каждый рекомендательный акт или рекомендательная норма являются специфическим, самостоятельным правовым средством, направленным на достижение специальных целей. Отметим некоторые из них:

- методическое обеспечение правоприменительной практики;
- организация работы в различных сферах;

⁹ Об утверждении методических рекомендаций по информированию граждан о правовых механизмах, регулирующих деятельность в области долевого строительства : приказ Минрегиона России от 8 августа 2013 г. № 341 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

¹⁰ Об утверждении Методических рекомендаций по представ-

лению бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов и отчетов об их исполнении в доступной для граждан форме : приказ Минфина России от 22 сентября 2015 г. № 145н : в ред. от 29 сентября 2023 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

- формирование и реализация единого подхода в правовом регулировании общественных отношений;

- повышение эффективности в реализации контрольно-надзорных полномочий органов публичной власти;

- выявление возможных рисков, возникающих в ходе правоприменительной деятельности;

- предупреждение совершения правонарушений;

- обеспечение устойчивого функционирования органов и организаций системы публичной власти;

- реализация положений нормативных правовых актов, документов стратегического планирования, указаний органов публичной власти;

- правовое просвещение и правовое информирование граждан.

Перечисленными целями не ограничивается потенциал использования рекомендаций в управленческой деятельности. Все они находятся не только в иерархической зависимости, но и характеризуются наличием прямых и обратных связей, формируют единую систему целей и способствуют усилению связей правового массива с реальной практикой, снижению издержек и повышению эффективности механизма правового регулирования.

Основываясь на выработанных и обоснованных в теории права классификационных моделях [8; 10; 11; 17; 18], предлагаем следующую классификацию целей юридической рекомендации.

1. В зависимости от сроков реализации (алгоритмической обусловленности этапов достижения) цели юридической рекомендации делятся на *ближайшие* и *перспективные*. Ближайшими целями юридической рекомендации будут выступать уточнение содержания правовых норм и дача разъяснений по их применению, снижение рисков и негативных последствий в правоприменительной деятельности, оперативная реализация управленческих решений, оказание методической помощи. Все ближайшие цели, как правило, достаточно конкретно определены во вводных частях рекомендательных актов.

Некоторые ученые предлагают по данному основанию дифференцировать цели на ближайшие и конечные. В частности, Д. В. Пожарский, классифицируя цели государства, полагает, что конечная цель в гносеологическом отношении «более сложна, противоречива и метафизична, чем ближайшая» [11, с. 33]. Полагаем, что дополнение данной классификации третьим элементом вполне допустимо. Термин «перспективный» означает «относящийся к перспективе, предусматривающий реализацию в будущем». В то время как «конечный» в большей степе-

ни характеризует завершающий этап, означает «находящийся в конце чего-либо». Ближайшие, перспективные и конечные цели юридической рекомендации образуют иерархическую зависимость, при которой реализация каждой последующей цели зависит от выполнения предыдущей.

Достаточно наглядно такую зависимость можно проследить на примере целей рекомендаций международных организаций. В качестве ближайшей цели будет выступать оценка целесообразности использования тех или иных положений рекомендаций в национальной правовой системе [5]. Перспективной целью выступает внедрение положений рекомендаций в законодательство. Конечные цели рекомендаций международных организаций – выработка и внедрение взаимоприемлемых подходов по вопросам правового регулирования и гармонизация национальных правовых систем.

2. Цели юридической рекомендации можно дифференцировать на *реальные* и *нереальные*. Основанием для выделения указанных целей является достижимость правового результата без задействования дополнительных организационно-правовых ресурсов. Реальными целями юридической рекомендации будут те, которые достижимы данным правовым средством самостоятельно на момент создания и закрепления в тексте документа. Полагаем, данная классификация является весьма условной ввиду осознанного характера цели юридической рекомендации, предполагаемого предвидения желаемого результата, а также необходимых средств для ее достижения. Как показывает практика, полномочия государственных органов позволяют обеспечить любую юридическую рекомендацию изданием нормативного правового акта, внесением законотворческой инициативы, выделением материальных ресурсов, кадровым обеспечением и иными управленческими решениями. При делении целей на реальные и нереальные применительно к юридической рекомендации следует исходить из сущности, возможностей данного правового средства в части достижимости результата на момент его подготовки и издания.

Реальными целями юридической рекомендации будут цели разъяснить, оказать практическую помощь, выработать и усовершенствовать навыки правоприменительной деятельности, показать особенности правильного заполнения документов, разработать информационный материал. В качестве примера нереальной цели юридической рекомендации приведем цель, изложенную в методических рекомендациях по организации деятельности организаций, реализующих дополнительные образовательные программы спортивной подготовки с учетом применения норм Федерально-

го закона от 30 апреля 2021 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». В документе отмечается, что рекомендации «направлены на создание единого физкультурно-спортивного образовательного пространства»¹¹. Как представляется, одних методических рекомендаций для создания единого образовательного пространства будет недостаточно.

3. В зависимости от правильности постановки, осознанности и адекватности потребностям субъектов правоотношений цели юридической рекомендации делятся на *истинные* и *ложные*. Истинные цели юридической рекомендации — это социально обусловленные, определяемые в результате тщательной проработки потребностей в рекомендательном воздействии. Ложные цели свидетельствуют о неверной оценке сложившейся обстановки, о заблуждении в потребности рекомендательного воздействия применительно к конкретной жизненной ситуации. Ложными будут признаваться цели, декларируемые в текстах рекомендательных актов как общественные, которые направлены на удовлетворение интересов отдельных привилегированных групп.

Рассмотрение рекомендации как средства однозначно императивного, содержащего общеобязательные правила поведения, свидетельствует о ложном характере понимания целей данного правового средства. Включение в текст рекомендательных актов терминов «вправе», «обязан», «запрещено», «требую» свидетельствует о ложном характере целей, которые могут декларироваться в значении методического обеспечения или достижения единства правового регулирования. Изданные Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека рекомендации по организации работы сферы услуг по профилактике COVID-19 содержат весьма строгие предписания: ограничение контактов между работниками (п. 5), исключение ожидания обслуживания (п. 5.2), запрет приема пищи на рабочих местах (п. 5.6), соблюдение принципов социальной дистанции — 1,5 метра (п. 5.2, 5.3, 6), отстранение от рабо-

ты лиц из группы риска (п. 17) и другие¹². Подобные конструкции вводят в заблуждение субъектов правоотношений относительно содержания и целей рекомендаций, которые могут быть интерпретированы ложно. Цель рекомендаций не сводится к пополнению государственного бюджета штрафными санкциями за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности. Истинная цель рекомендаций — обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения и предотвращение распространения COVID-19.

4. В зависимости от своего объема цели юридической рекомендации делятся на *общие* и *частные*. Общая цель направлена на достижение общего результата действия рекомендательного акта или рекомендательной нормы. Частная цель выступает обязательным условием и во многом средством достижения общей цели. В свою очередь, общая цель выступает для частных целей тем ориентиром, на достижение которого направлено действие юридической рекомендации. Деление целей на общие и частные позволяет говорить об уровне подходе в целеполагании юридических рекомендаций.

В качестве примера приведем утвержденные приказом Минтруда России от 31 января 2022 г. № 36 Рекомендации по классификации, обнаружению, распознаванию и описанию опасностей. В тексте Рекомендаций определена цель — «оказания методической и практической помощи... в целях обеспечения правильности и полноты установления опасностей, воздействующих на работников в процессе трудовой деятельности, а также источников этих опасностей у конкретного работодателя для эффективной реализации процедуры управления профессиональными рисками в системе управления охраной труда»¹³. Указанная цель является общей, ее достижение зависит от выполнения частных целей: осуществления сбора исходной информации; формирования перечня документов и материалов, описывающих технологические процессы; анализа результатов оценки условий труда, статистических данных проявления опасностей; установления соответствия объектов возникновения опасности; обследования рабочих мест и иных объектов исследования и других.

В юридической литературе можно встретить и другие основания для классификации пра-

¹¹ Методические рекомендации по организации деятельности организаций, реализующих дополнительные образовательные программы спортивной подготовки с учетом применения норм Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: утв. Минспортом России 9 августа 2023 г., Главным государственным санитарным врачом Рос. Федерации 10 августа 2023 г., Рособрназором 9 августа 2023 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

¹² О направлении рекомендаций по организации работы сферы услуг по профилактике COVID-19 : письмо Роспотребнадзора от 21 апреля 2020 г. № 02/7500-2020-24 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

¹³ Об утверждении Рекомендаций по классификации, обнаружению, распознаванию и описанию опасностей : приказ Минтруда России от 31 января 2022 г. № 36 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

вовых целей. На наш взгляд, представленные критерии наиболее полно отражают их сущность, а также позволяют обосновать и выделить функции юридической рекомендации, что является закономерным с точки зрения познания сущности и внутренней логики исследуемого правового явления. Таким образом, в рамках данной статьи удалось определить те-

леологические основы юридической рекомендации, основную цель юридической рекомендации – ориентация адресата рекомендации следовать наиболее целесообразному с точки зрения субъекта правотворчества варианту правового поведения, а также предложить классификационную модель целей юридической рекомендации.

Список литературы:

1. *Аквинский Ф.* Учение о душе / пер. с лат. К. Бандуровского, М. Гейде. СПб. : Азбука-классика, 2004. 480 с.
2. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М. : Статут, 2010. 782 с.
3. *Аристотель.* Политика // Гражданское общество в России. Научная электронная библиотека : сайт. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (дата обращения: 13.06.2025).
4. *Баранов В. М., Маслов Д. Е.* Юридическая рекомендация: доктрина, практика, техника : монография. М. : Проспект, 2021. 256 с.
5. *Бризкун К. А.* Влияние рекомендательных актов международных организаций на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 227 с.
6. *Иеринг Р.* Цель в праве // Сочинения Рудольфа фон-Иеринга / пер. В. Р. Лицкого [и др.]; под ред. В. Р. Лицкого. Т. 1. СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. 412 с.
7. *Кулапов В. Л.* Рекомендательные нормы советского права : монография / под ред. М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1987. 110 с.
8. *Куликов М. А.* Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 412 с.
9. *Куприянов В. А.* Трансформация телеологии в неклассической философии : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2017. 197 с.
10. *Мызникова Е. А.* Цели в праве: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 215 с.
11. *Пожарский Д. В.* Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 418 с.
12. *Современные технологии правового просвещения молодежи: зарубежный и отечественный опыт : монография / С. Ю. Кашкин [и др.]; под общ. ред. А. Я. Сухарева.* М. : Мир науки, 2020. 361 с. // Издательство «Мир науки» : сайт. URL: <https://izd-mn.com>.

References:

1. *Akvinskij F.* Uchenie o dushe / per. s lat. K. Bandurovskogo, M. Gejde. SPb. : Azbuka-klassika, 2004. 480 s.
2. *Alekseev S. S.* Problemy teorii prava : kurs lekcij // Sbornie sochinenij : v 10 t. T. 3. M. : Statut, 2010. 782 s.
3. *Aristotel'.* Politika // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii. Nauchnaya elektronnyaya biblioteka : sayt. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf (data obrashcheniya: 13.06.2025).
4. *Baranov V. M., Maslov D. E.* Yuridicheskaya rekomendaciya: doktrina, praktika, tekhnika : monografiya. M. : Prospekt, 2021. 256 s.
5. *Brizkun K. A.* Vliyanie rekomendatel'nyh aktov mezhdunarodnyh organizacij na razvitie mezhdunarodno-pravovyh i vnutrigosudarstvennyh norm Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 227 s.
6. *Iering R.* Cel' v prave // Sochineniya Rudol'fa fon-Ieringa / per. V. R. Lickogo [i dr.]; pod red. V. R. Lickogo. T. 1. SPb. : N. V. Murav'ev, 1881. 412 s.
7. *Kulapov V. L.* Rekomendatel'nye normy sovet-skogo prava : monografiya /pod red. M. I. Bajtina. Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1987. 110 s.
8. *Kulikov M. A.* Manipulirovanie celyami i sredstvami v pravovom regulirovanii: problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2023. 412 s.
9. *Kupriyanov V. A.* Transformaciya teleologii v neklassicheskoj filosofii : dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 2017. 197 s.
10. *Myznikova E. A.* Celi v prave: teoretiko-pravovoj analiz : dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011. 215 s.
11. *Pozharskij D. V.* Ohranitel'naya funkciya gosudarstva (teoretiko-metodologicheskie problemy) : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2015. 418 s.
12. *Sovremennye tekhnologii pravovogo prosveshcheniya molodezhi: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt : monografiya / S. Yu. Kashkin [i dr.]; pod obshch. red. A. Ya. Suhareva.* M. : Mir nauki, 2020. 361 s. // Izdatel'stvo «Mir nauki» : sayt. URL: <https://izd-mn.com/PDF/62MNNPM20.pdf> (data obrashcheniya: 03.06.2025).

- com/PDF/62MNNPM20.pdf (дата обращения: 03.06.2025).
13. Толстик В. А., Азархин А. В. Некоторые теоретико-методологические проблемы целеполагания в законодательстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 72–75.
 14. Толстик В. А. Телеологический анализ юридических процедур // Эффективность юридических процедур: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2016. С. 80–101.
 15. Строгович М. С. Философия и правоведение (некоторые методологические вопросы юридической науки) // Советское государство и право. 1965. № 12. С. 74–82.
 16. Сырых В. М. Материалистическая теория права: Избранное. М. : РАП, 2011. 1260 с.
 17. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М. : Статут, 2011. 320 с.
 18. Шундигов К. В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 182 с.
 13. Tolstik V. A., Azarhin A. V. Nekotorye teoretiko-metodologicheskie problemy celepolagan-
iya v zakonodatel'stve // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2010. № 6 (76). S. 72–75.
 14. Tolstik V. A. Teleologicheskij analiz yuridicheskikh procedur // Effektivnost' yuridicheskikh procedur: teoriya, praktika, tekhnika : sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. N. Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2016. S. 80–101.
 15. Strogovich M. S. Filosofiya i pravovedenie (nekotorye metodologicheskie voprosy yuridicheskoy nauki) // The Soviet State and Law. 1965. № 12. S. 74–82.
 16. Syryh V. M. Materialisticheskaya teoriya prava: Izbrannoe. M. : RAP, 2011. 1260 s.
 17. Filippova S. Yu. Chastnopravovye sredstva organizacii i dostizheniya pravovyh celej. M. : Statut, 2011. 320 s.
 18. Shundikov K. V. Celi i sredstva v prave : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1999. 182 s.

Для цитирования:

Косых Алексей Алексеевич. Телеологические основы юридической рекомендации // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 8–17.

For citation:

Kosykh Alexey Alekseevich. Teleological Basis of Legal Recommendation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 8–17.

Николюк Вячеслав Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
Российская Федерация, 121069, г. Москва,
ул. Поварская, д. 25, стр. 1
E-mail: nvv56@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-18-27

Дата поступления статьи: 9 августа 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Vyacheslav Vladimirovich Nikoluyk,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Chief Researcher at the Research Center № 5,
All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 121069, Moscow,
Povarskaya St., 25, Builoling 1

E-mail: nvv56@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Великая процессуальная эволюция (размышления над книгой А. В. Победкина «Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства»)

The Great Procedural Evolution (Reflections on A. V. Pobedkin's Book "The Main Provisions of the Russian Criminal Procedure Code as a System of Guarantees for the Publicity of Criminal Proceedings")

Аннотация

Актуальность: настоящий материал – полемические размышления о наиболее значимых для современной науки уголовного процесса и правоприменения теоретических положениях, концепциях, отражающих уголовно-процессуальное законодательство de lege lata, и интересных, своевременных предложениях ученых-процессуалистов de lege ferenda.

Постановка проблемы: предмет и предпосылки для такой полемики predetermined фактом выхода в свет оригинальной, острой и пропитанной идеями о русском самосознании монографии, посвященной преимущественно идеологическим основам российского уголовного процесса, его духовно-нравствен-

Abstract

Relevance: this material is a polemical reflection on the most significant theoretical provisions and concepts for modern science of criminal procedure and law enforcement, reflecting the criminal procedure legislation de lege lata and interesting, timely proposals of procedural scientists de lege ferenda.

Statement of the problem: the subject and prerequisites for such a controversy are predetermined by the fact of the publication of an original, sharp and imbued with ideas about Russian self-awareness monograph devoted mainly to the ideological foundations of the Russian criminal process, its spiritual and moral content, ways out of the crisis of criminal proceedings, through which the ju-

ному содержанию, путям выхода из кризиса уголовного судопроизводства, посредством которого осуществляется судебная власть в сфере уголовной юстиции.

Цель исследования: способы подачи материала, связанного с содержанием анализируемого исследования, подразумевают продолжение полемики с участием автора, а также иных ученых и практических работников, равнодушных к вопросам уголовно-процессуальной защиты граждан, юридических лиц, общества от совершаемых в отношении них преступлений.

Методы исследования: общенаучные (логический, исторический, системный, а также анализ и синтез), частнонаучные (структурно-функциональный, сравнительно-правовой, метод толкования).

Результаты и ключевые выводы: акценты в полемических размышлениях расставлены по таким вопросам, которые, во-первых, относятся к разряду вечных, «стержневых» в уголовном процессе (задачи уголовного суда, принципы уголовного процесса, беспристрастность суда, соотношение и совмещение требований установления объективной истины, публичности, презумпции невиновности) и, во-вторых, актуальны и нуждаются в рассмотрении и решении с учетом объективных факторов, непосредственно влияющих на консервативную концепцию доказывания по уголовным делам, обрядность уголовного судопроизводства, особенно его судебных стадий, связь народа (населения) с уголовным процессом (цифровизация, аналогия закона, потеря контактов следственных органов с трудовыми коллективами и др.).

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; принципы уголовного процесса; состязательность; публичность; презумпция невиновности; установление истины; духовно-нравственные ценности; идеология; уголовно-процессуальный закон.

dicial power is exercised in the sphere of criminal justice.

Purpose of the study: the methods of presenting the material related to the content of the analyzed study imply the continuation of the controversy with the participation of the author, as well as other scientists and practitioners who are not indifferent to the issues of criminal procedural protection of citizens, legal entities, society from crimes committed against them.

Research methods: general scientific (logical, historical, systemic, as well as analysis and synthesis), specific scientific (structural-functional, comparative-legal, method of interpretation).

Results and key conclusions: the polemical reflections focus on issues that, firstly, are eternal, “core” in criminal proceedings (tasks of the criminal court, principles of criminal proceedings, impartiality of the court, the relationship and combination of requirements for establishing objective truth, publicity, presumption of innocence) and, secondly, are relevant and need to be considered and resolved taking into account objective factors that directly affect the conservative concept of proof in criminal cases, the rituals of criminal proceedings, especially its judicial stages, the connection of the people (population) with the criminal process (digitalization, analogy of the law, loss of contacts between investigative bodies and work collectives, etc.).

Keywords: criminal proceedings; criminal justice; principles of criminal proceedings; adversarial proceedings; publicity; presumption of innocence; establishment of the truth; spiritual and moral values; ideology; criminal procedure law.

В 2024 г. издательством «Юрлитинформ» выпущена книга видного российского ученого-процессуалиста А. В. Победкина «Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства» [6].

Желание ответить автору интереснейшей работы возникло сразу же после ее прочтения. Книга воплощает оригинальную композицию, придающую исследованию теоретического характера (основной качественный признак, отличающий монографию от учебного издания, научно-практического пособия, научно-методических рекомендаций) многовекторность. Центральное в данном произведении

научное направление, изучающее и формирующее современные представления об общих началах уголовного судопроизводства и способах их модернизации, гармонично усиливается дополнительными научными разработками, содержащими не только собственно информацию из области уголовного процесса, правосудия, но и результаты историко-политического и философско-правового анализа указанных в названии книги проблем.

Дополнительный интерес монографии А. В. Победкина придает обрамление ее структурных элементов (вступительное слово, предисловие, все без исключения главы, параграфы)

цитатами, высказываниями известных и авторитетных личностей – философов, ученых, конструкторов, писателей, литературных критиков, строками из стихотворений поэтов. Очевидно, что анализируемое произведение, если рассмотреть использованные в нем цитаты и высказывания неординарных персон, представляющих разные эпохи, страны, сферы профессиональной деятельности, отысканы и объединены автором не случайно и не только для того, чтобы показать свои вдохновение, эрудицию, украсить текст, придать ему дополнительную аргументированность. Они тщательно осмыслены профессором А. В. Победкиным, представлены в книге ровно в том количестве, объеме и содержании, чтобы организовать их в системное единство, что в итоге, на наш взгляд, существенно усилило научную и культурную стороны произведения.

Отдельно хочется остановиться на таком элементе монографии как «посвящение».

Обычно к надписи на странице, следующей за титульным листом литературного произведения, адресуемого автором близким ему людям (родителям, супруге или супругу, учителю, научному наставнику, другу) либо неопределенному кругу лиц, оказавшим серьезное влияние на жизненный путь автора, его судьбу, то есть надписи, являющейся посвящением, относятся формально, не вникая в его содержание. Сам факт посвящения А. В. Победкиным своего искреннего сочинения всем прогрессивным ученым-процессуалистам, которые «не прогнулись» перед реформаторами уголовно-процессуального законодательства на рубеже XX–XXI веков, сохранили близкие им принципиальные позиции и «время которых наконец-то пришло», заслуживает внимания и может рассматриваться как акт поддержки «здоровых сил» в науке уголовного процесса. К сожалению, текст посвящения недостаточно конкретен и точен, не исключает двоякое его понимание и истолкование.

Анализируемый структурный элемент монографии содержит неоднозначные положения и не дает четкого ориентира в установлении адресата обращения автора с призывом воспользоваться текущей ситуацией в стране для совершенствования УПК РФ. В ходе работы с монографией приходилось не единожды задавать самому себе вопрос: по каким критериям следует выделять ученых, «принципиально оставшихся на позициях, которые они считали правильными»? Вряд ли найдется исследователь, который в момент обоснования своей позиции признает приведенные им аргументы неправильными. Поэтому данный критерий не срабатывает. Соответственно, повисает в воздухе и включенное в посвяще-

ние положение о том, что в настоящий момент наконец-то пришло время для ученых-процессуалистов, не сдавших своих принципиальных позиций при смене в 2001–2002 годах процессуальных кодексов. Подразумеваются ли посвящением ученые-процессуалисты, категорически не разделявшие ментально и «на бумаге», то есть в соответствующих публикациях, прозападные модели уголовного судопроизводства, однако оказавшиеся в положении вынужденных наблюдателей в режиме реального времени за фактическим их внедрением в российский УПК, в конечном итоге принятом в 2001 г.?

Таким образом, применительно к настоящему исследованию такой его элемент, как «посвящение», призванное отразить тот «накал страстей», который сопровождал реформу уголовно-процессуального законодательства в конце XX и начале XXI века, если и найдет тех, кому он адресован, но с трудом.

Приступив к более детальному изучению монографии с целью подготовки научной рецензии, предназначенной для опубликования, автор этих строк сразу столкнулся с проблемой определения формы научной оценки сочинения А. В. Победкина.

С одной стороны, можно было бы остановиться на стандартном научном рецензировании, показав достоинства и недостатки книги, оценив ее структуру, логику изложения и прочее. Однако социолого-правовое исследование А. В. Победкина, ставшее результатом глубокого переживания (или точнее проживания!) его автором каждого высказанного им тезиса, усиленного точно подобранными эпиграфами, категорически не заслужило такого формализма! Рассматриваемая работа напоминает исследование В. Т. Томина «Острые углы уголовного судопроизводства» [10], которое, появившись на излете существования Советского Союза, приобрело позднее, без преувеличения, «культовый» статус в среде ученых-процессуалистов.

Указанные причины не позволяют вписать предполагаемый вариант рецензирования в известные литературные или научные стандарты, а поэтому, учитывая фактор научности, академичности книги А. В. Победкина, назовем его полемическим размышлением о наиболее значимых для современной науки уголовного процесса и правоприменителя теоретических положениях, представленных в монографии.

Полемические размышления намеренно не содержат «поглавного» анализа материала, изложенного в книге, в них сосредоточено внимание на ее фундаментальных выводах, являющихся каркасом авторской научной концепции.

Идеологический компромисс или идеологическое поражение. Первая группа авторских суждений, обратившая на себя внимание, встре-

чается уже в самом начале книги, в параграфе, посвященном идейной основе отечественного уголовного судопроизводства. А. В. Победкин правильно пишет в нем о чуждой «англо-американской» идеологии, ставшей смысловым фундаментом действующего закона¹, иллюстрируя свое утверждение описанием тех «перипетий», которыми сопровождалась процедура его скоропалительного принятия Государственной Думой РФ в 2001 г. [6, с. 16–18].

Сам тезис не вызывает возражений. Отмеченная автором книги «эклeктичность» современного уголовно-процессуального закона — во многом следствие воздействия, оказанного на законодателя со стороны западных «партнеров» России и представителей «либеральной» общественности, их стремления научить нас жить по навязанным, цинично обернутым в оболочку «всеобщности» и «общечеловечности» стандартам, что, в общем-то, не скрывалось и не скрывается. Именно оно, это воздействие, порой переходящее в откровенное давление (достаточно красноречиво об этом говорят стенограммы парламентских слушаний по обсуждению отдельных разделов проекта УПК РФ), а не какое-то «единодушное» признание цивилизационных стандартов западного, в первую очередь англо-саксонского, правосудия, стало причиной появления действующего закона. Все это верно. Но тогда обоснован ли вывод А. В. Победкина о некоем «идеологическом компромиссе», лежащем в основе УПК РФ 2001 г. [6, с. 19]?

Как представляется, никакого компромисса при принятии последнего кодекса не было. О компромиссе уместно говорить, когда положения закона, пройдя через «сито» многолетней практической апробации, отвергаются или модифицируются под конкретные реалии, российские менталитет и национальные традиции, бесцеремонно отринутые законодателем в начале 2000-х. Имеется гораздо больше оснований заявить об идеологическом поражении с тяжелейшими для российской судебной и правоохранительной системы последствиями, которые в полный голос заявляют о себе только сегодня, когда дезориентированный правоохранитель, поставленный перед чрезвычайно болезненной нравственной проблемой выбора между законностью или справедливостью — «россияне с совестью не могут жить по таким правилам», не выдерживает морального испытания и либо уходит из системы

совсем, либо идет на «делку» с самим собой [6, с. 226].

Признать это чувствительное поражение автору книги (как, собственно, и всем нам), видимо, очень сложно. Отсюда и попытки А. В. Победкина сгладить ситуацию, его оговорки об универсальности некоторых идей, «которые полезны для уголовного судопроизводства любой страны, где право не пустой звук...» [6, с. 27], что несколько размывает общее впечатление о принципиальной позиции автора.

В частности, безусловным подтверждением «нравственной зрелости человечества» [6, с. 223] и одним из столпов современного уголовного процесса А. В. Победкин называет презумпцию невиновности, неоднократно подчеркивая это на страницах своего исследования [6, с. 27, 223–225 и др.], что, на первый взгляд, выглядит вполне оправданным — презумпция невиновности «обласкана» и наукой, и законодателем, относясь к числу тех феноменов, целесообразность существования которых не подлежит не то что возражению, но даже какому бы то ни было сомнению. Некоторые сомнения возникают относительно предлагаемого А. В. Победкиным «мирного» сосуществования презумпции невиновности еще с одной органической присущей уголовному судопроизводству идей о необходимости «стремления к истине» [6, с. 230], которая «окроплена многовековой мудростью нашего народа» [6, с. 231] и должна быть включена в число принципов уголовного судопроизводства.

Но как совместить эти несовместимые логические конструкции? Истина (а она может быть только объективной, так как субъективная истина — это не истина, а представление о ней) исключает презумпцию невиновности, по той простой причине, что та допускает принятие неистинных итоговых решений по делу (например, оправдание при недоказанной причастности лица к совершению преступления). Это неоднократно подчеркивалось в советской теории уголовного процесса, которая, как известно, в целом не рассматривала презумпцию невиновности в качестве потенциально правовой нормы. Причем происходило это не по причине дефицита знаний по данному вопросу, слабой его разработанности в теории уголовного процесса советскими учеными, а в силу принципиальной несовместимости презумпции невиновности с объективной истиной. Выбор был сделан в пользу истины — ценности «для всех», в противовес презумпции невиновности — ценности «для каждого». С этой точки зрения именно принцип объективной истины является гарантией публичности уголовного процесса, тогда как презумпция невиновности — объективное препятствие для этого.

¹ Здесь и далее употребляется термин «уголовно-процессуальный закон» в буквальном смысле, как синоним наименования основного кодифицированного акта в сфере уголовно-процессуального регулирования — Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК РФ).

В 2001 г. законодатель признал презумпцию невиновности и тем самым «обрек» УПК РФ на включение в него целого ряда других, также весьма жестко критикуемых А. В. Победкиным нормативных конструкций. В частности, в первую очередь здесь нужно упомянуть о состязательности. Как бы каждый из нас не относился к ней, состязательность — это неразрывно связанный с презумпцией невиновности конструктив. Раздельное их рассмотрение теряет смысл. Отсутствие состязательности автоматически нивелирует презумпцию невиновности, что и было реализовано советским законодателем.

Отсюда вывод: презумпция невиновности, несмотря на присущую ей внешнюю «человекоцентричность», — эгоистичное по своей природе положение, абсолютно игнорирующее публичные интересы. Более того, презумпция невиновности, вознесенная на уровень закона, по сути, детерминирует тип уголовного процесса, одновременно препятствуя влечению в ткань уголовно-процессуального права норм и институтов, отражающих публичные интересы.

Беспристрастность суда. Весьма любопытная часть исследования А. В. Победкина — его рассуждения о суде и беспристрастности судей.

В контексте анализа проблемы «суд и беспристрастность судей» в монографии А. В. Победкина обсуждается принципиально иная ситуация. По мнению авторитетных правоведов, в частности члена-корреспондента АН СССР М. С. Строговича, суд объективным не может быть сам по себе — беспристрастным арбитром в споре двух сторон из-за объективно присущей суду ангажированности.

Так, в ходе полемики с известным русским ученым И. В. Михайловским и не менее знаменитым советским процессуалистом Н. Н. Полянским в 1939 г. М. С. Строгович высказал свою позицию относительно беспристрастного суда и утверждал, что такового, то есть беспристрастного, суда ни в одной стране мира нет и быть не может [9, с. 52].

Полностью разделяя приведенную позицию, А. В. Победкин утверждает: «Право — явление производное. Оно подвержено влиянию экономики, политики, геополитики и никогда не бывает «чистым». Право всегда защищает определенные классы, слои, группы... Соответственно, правоохранительная система, и суд в частности, никогда не может быть абсолютно нейтральной» [6, с. 24].

В итоге, опираясь на мнение М. С. Строговича, А. В. Победкин приходит к следующему выводу: «Суд всегда и везде защищает интересы тех, кто стоял за формированием законодательной власти, чьи интересы выражены в законе прямо или косвенно» [6, с. 25]. Очень

резкий по форме и спорный по содержанию вывод. Что вызывает несогласие?

В первую очередь его опровержимость. История знает немало примеров, когда при беспрецедентном давлении на суд он остается беспристрастным. Классический случай — дело Веры Засулич, рассмотренное 31 марта 1878 г. Петербургским окружным судом под председательством А. Ф. Кони, с оправданием подсудимой. Документально подтверждено, что министр юстиции Пален требовал от А. Ф. Кони обвинительного приговора [3, с. 5–23].

Таким образом, раз беспристрастность — вполне реальное явление, точка зрения о существовании объективных причин, не позволяющих суду быть независимым, научно не доработана.

Неубедительна и аргументация, привлеченная для поддержки рассматриваемой точки зрения. Ссылку на цитату из работы 1939 г., при всем безусловном авторитете М. С. Строговича, вряд ли можно расценивать в качестве значимого фактора. Нужно учитывать, что этой позиции уже 86 лет, она сформировалась в государстве с совершенно иным общественно-политическим укладом, который диктовал науке свои, отличные от современных, объективные детерминанты. Использовать приведенное высказывание в качестве весомого научного доказательства сомнительно.

Если следовать культовой цитате М. С. Строговича буквально: суд — это «наймит» на службе правящей верхушки. Но он же говорил совершенно об ином. Суд в понимании М. С. Строговича — это защитник интересов общества, членами которого судьи сами являются. Суд через судебные правоприменительные решения реализует волю общества (публичные интересы), которые должны быть воплощены в законе. Только так, а не иначе, нужно понимать принцип верховенства закона, которому суд подчинен, как единственному и безусловному императиву. Другое дело, что закон зачастую идет вразрез с интересами общества (что, кстати, не всегда зло, ибо потакание всем его интересам всегда заканчивалось плохо для государства), а еще хуже — выражает интересы некоторой его части, обычно относимой к финансово-олигархической «элите». Однако причем здесь суд и судья? Судья в своей деятельности сам заперт в жесткие рамки закона, который, надо признать, очень часто несовершенно. Но он обязан принимать решения в строгом соответствии с законом. Или А. В. Победкин призывает судей разрешать судебные дела (неважно какие, уголовные, гражданские, административные...) по высшему праву, руководствуясь личными судейскими представлениями о справедливости или абстрактными, в силу личного же их характера, «духовно-нравственными ценностями»? Вопрос, разумеется, риторический.

Преклоняясь перед научным наследием М. С. Строговича, не можем удержаться от реплики по поводу формата использования ряда его высказываний при обсуждении в книге феномена «беспристрастность суда и судей». Алгоритм этот выглядит весьма упрощенно и укладывается, как уже можно было заметить из предыдущего изложения, в следующую схему: а) воспроизведение часто цитируемого категоричного по форме и, возьмем на себя ответственность утверждать, бездоказательного по содержанию утверждения М. С. Строговича, отвергающего любые теоретические позиции, допускающие в качестве цели уголовного процесса не только осуществление карательной власти, но также ограждение невиновного от произвольного преследования и несправедливого обвинения; б) безоговорочное следование точке зрения М. С. Строговича, суть которой заключается в том, что беспристрастный суд — это миф и не более того; в) пренебрежение анализом контраргументов оппонентов при наличии таковых.

Так, на странице 24 книги А. В. Победкина указывается, что в Очерках общей теории уголовного процесса, изданных в 1927 г., Н. Н. Полянский говорил, что в задачи уголовного процесса не входит осуществление карательной власти государства [7, с. 31]. Доверчивый исследователь, почитающий труды классиков-предшественников, окажется в неловком положении, на веру восприняв это утверждение. Но ознакомление с оригиналом источника показывает, что этому вопросу Н. Н. Полянский уделил самостоятельный очерк «Цель уголовного процесса», основу которого составили положения более 100 изученных им литературных источников на русском и иностранных языках. Ознакомление с очерком в интересующей нас части вскрывает всю глубину поставленной проблемы, сформулированной Н. Н. Полянским, следующим образом: «Точно ли уголовный процесс служит исключительно для цели осуществления карательной власти государства?».

Ответ на данный вопрос пытаются формулировать многие ученые-процессуалисты, изучающие механизм целеполагания в уголовном судопроизводстве. Полагаю возможным ограничиться выбором трех позиций, не умаляя теоретической значимости других.

Взгляда на уголовный процесс как на средство осуществления права государства на наказание, сочетающегося с доктриной, рассматривающей уголовный процесс преимущественно как гарантию прав граждан, привлекаемых к суду, и в особенности самого драгоценного из них — личной свободы, придерживался И. В. Михайловский [5, с. 334]. Сразу же отметим: автор фактически является сторон-

ником двойной цели уголовного процесса: осуществление карательной власти государства и ограждение невиновного от уголовного преследования. Уголовный процесс, таким образом, проявляет себя и как универсальная процессуальная форма.

Высоко оценивая результаты проведенного П. И. Люблинским исследования «Свобода личности в уголовном процессе» (1905 г.), Н. Н. Полянский обращает внимание на настойчивость автора в выдвижении на первый план (в сравнении с правом государства на наказание) значения определенных судопроизводственных порядков как правовых гарантий личной свободы [4, с. 4–7].

Итак, в теории уголовного процесса, начиная с первого десятилетия XXI века, развивалась теоретическая платформа «цели уголовного процесса», благодаря которой сохранялся (а не противопоставлялся) допустимый баланс в уголовно-процессуальном целеполагании применительно к итоговым решениям уголовного суда. При этом реализация судом права на наказание не препятствует постановке перед уголовным процессом других целей.

Принципы уголовного процесса. Еще одним разделом работы, вызвавшим живой интерес, стала глава, в которой А. В. Победкин изложил свое видение системы принципов уголовного судопроизводства (параграф 2 главы 4).

Данная проблематика, надо признать, всегда была беспроблемна и в научном, и в теоретическом, и в дидактическом аспектах независимо от того, на каком уровне, в самостоятельной книге или отдельной научной статье, она рассматривается. Тему принципов уголовного судопроизводства «нельзя обойти», так как они в решающей степени оказывают влияние на феномены институционализации и концептуализации в теории уголовного процесса и уголовно-процессуальном законодательстве. Казалось бы, этого вполне достаточно, чтобы актуализировать любое исследование, проводимое в данном направлении. Но и тут А. В. Победкину удалось вдохнуть в изучение принципов уголовного судопроизводства известную долю эмоциональности.

Автор, искренне переживающий за идейность, духовность отечественного уголовного процесса, соответствующий раздел книги назвал «Принципы уголовного судопроизводства: вернуться к идейности (отрицание истины как отрицание совести)». Ознакомление с его содержанием недвусмысленно указало на категоричность и жесткость позиции А. В. Победкина, воспринимающего каждый отдельный принцип, названный законом, как идею, объединяющую определенную группу духовно-нравственных ценностей, отличающихся от мно-

гочисленных вполне понятных приземленных требований (охрана имущества, собственности лица; разумный срок уголовного судопроизводства; охрана прав и свобод человека и гражданина), уводящих любого, соприкасающегося с законом субъекта (правоприменитель, участник уголовного процесса, иное лицо) за границы духовно-нравственной атмосферы, сопровождающей решение человеческих судеб. Чтобы не быть голословными, выделим две следующие цитаты автора.

Первая выражает отношение к положениям, закрепленным в главе 2 УПК РФ в качестве принципов, и сводится к тому, что они «не могут претендовать на роль принципов в связи с их откровенно конкретным регулятивным характером, и прежде всего по причине неспособности поднять содержание уголовно-процессуального права до уровня российской духовной ценности, позволяющей каждому, кто знакомится с текстом УПК РФ, проникаться духом гордости за страну, ее должностных лиц, ощущением сопричастности к процессу, имеющему выраженный нравственный характер» [6, с. 221]. Вторая цитата отражает представления автора о том, каким должен быть современный текст УПК РФ и как он может структурироваться с принципами уголовного судопроизводства, которыми предваряется весь без исключения уголовный процесс: «Стать уважаемым законом УПК РФ сможет, только если его требования будут ясными, непротиворечивыми, соответствующими лучшим отечественным духовно-нравственным качествам и традициям. Только тогда они будут приниматься к исполнению не только ввиду возможного принуждения, но и по внутреннему велению. Начинать нужно с принципов (курсив мой – В. Н.), ибо это исток, от которого берет начало «река» институтов и норм уголовно-процессуального закона» [6, с. 220].

Рассуждая далее, А. В. Победкин подчеркивает: принципы уголовного судопроизводства – духовно-нравственные представления о должном в уголовном процессе, мировоззренческие идеи максимальной степени общности, которым придана юридическая сила, превышающая юридическую силу иных норм уголовно-процессуального закона.

Предложенный подход к качественной характеристике законоположений со статусом принципов уголовного процесса соответствует общим установкам уголовной и в том числе уголовно-процессуальной политики, согласно которым государству в его противодействии преступности нужны четкие идеи или идеологические принципы, интересные и принимаемые гражданами. Однако, солидаризируясь с ним, каждый исследователь должен быть готов дать ответ на два фундаментальных вопро-

са. Причем ответ должен отражать не его личное мнение, но стать выражением чаяний и желаний всего социума или по крайней мере его подавляющего большинства.

Первый вопрос. Он же главный. Автор в своем параграфе призывает в формулировании принципов уголовного процесса вернуться к «идейности». Но как соотносятся идеология и духовность? Все, что идейно (то есть пронизано единой идеологией), априори – духовно? Но разве не было или сегодня нет «бездуховных», «безнравственных» идеологий? Да сколько угодно. Потемки человеческого разума способны иногда порождать таких идеологических «чудовищ», что диву даешься, откуда такие идеи вообще могли прийти в голову и, более того, захватить массы. Тот же нещадно критикуемый А. В. Победкиным отказ от истины в уголовном процессе, превалирование формы над содержанием процессуальной деятельности, рецепция западных ценностей – это тоже идеология, которая стала основой современного уголовно-процессуального закона. С этой точки зрения никакого возврата к идейности в уголовном процессе не нужно: он и так сейчас предельно идеологичен. Только вот идеология у него своеобразная, а по жестким, но в целом разумным и обоснованным меркам А. В. Победкина, даже вредная.

Итак, принципы уголовного процесса – это объективно сложившиеся, исторически обусловленные положения, отражающие духовно-нравственные ценности конкретного народа. В этом контексте совершенно иными красками играет бесспорное утверждение автора, что «...уголовный процесс в каждой стране должен быть таким, который отвечает социальным запросам общества» [6, с. 23]. Перефразируя известный и безжалостный в своей правоте политический афоризм, можно было бы даже сказать, что каждый народ заслуживает того уголовного процесса, который он имеет, ибо социальные запросы – результат духовно-нравственного развития народа. Но сформулировав эту мысль, мы неизменно упираемся в проблему определения системы этих ценностей, и это тот второй вопрос, без решения которого концепция А. В. Победкина приобретает незаконченный вид. Без этого так и останутся на уровне теории следующие проблемы: какие конкретно духовно-нравственные ценности соответствуют уровню принципов уголовного судопроизводства; как они обнаруживаются и заявляют о себе; в каком виде возможно выразить их в законе, чтобы они не повторили судьбу мертвых норм-принципов; когда, на каком этапе развития общества и государства духовно-нравственные ценности становятся традиционными, поддерживаются большинством граждан,

в связи с чем преобразовываются в официальные ориентиры, некие конвенционные правила поведения? Часть ответов на поставленные вопросы А. В. Победкин, конечно же, сформулировал. Но многое оставлено и последующим исследователям. В связи с этим выскажем следующие суждения.

Более полувека назад профессор Т. Н. Добровольская отметила, что в «основе принципов как совокупности нормативных предписаний лежат определенные ценностные ориентации общества. Эти социальные ценности как продукт развития общественных отношений есть отражение общественного сознания в форме сложившихся идеалов, то есть представления о совершенстве, о желательном в тех или иных сферах социальной активности» [1, с. 11].

Приведенная позиция Т. Н. Добровольской оригинальна и внешне воспринимается как убедительная. Но она столь же и неопределенна, выходит за пределы авторской характеристики социальных ценностей, многогранна, где одна из граней – изменчивость «статуса» ценностных ориентаций общества в условиях динамичности общественных отношений.

Вольно или невольно, но такой подход создает предпосылки для вывода о том, что ценностные ориентации общества не постоянны, они как бы «мутируют» в зависимости от нарастающих и ослабевающих волнообразных процессов зарождения и эволюции общественных отношений. Тогда возникает другой вопрос: существуют ли в природе непреходящие, вечные ценности, неподвластные ни времени, ни событиям вселенского масштаба, ни революционным изменениям в обществе?

Ответить на поставленный вопрос однозначно затруднительно. Ярким примером попытки придать обязательный нормативный характер духовным ценностям, признаваемым и поддерживаемым в российском обществе, включая составление их приблизительного перечня, служит Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»², в п. 91 раздела «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» которого закреплено: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет

духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Комментируя в указанной части данный политико-правовой документ с предельно высоким уровнем его официального одобрения, В. В. Дорошков подчеркивает: «Эти традиции сначала формировались в российском обществе на протяжении тысячелетий, а сейчас нашли свое достойное отражение в виде духовно-нравственных ценностей при формулировании Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г.» [2, с. 3]. Фактически автор обращает внимание на такой существенный фактор, влияющий на эффективность проводимой в стране уголовной политики, во многом реализуемой посредством уголовного судопроизводства, как ее идейный фундамент, проявляющийся в области уголовного процесса в виде его принципов.

Таким правовым нормам, учитывая их происхождение и архитектуру, в нормативном акте отводится вспомогательное значение. Они сродни огням маяка, направляющим движение участников уголовно-процессуальных правоотношений. Без них уголовное судопроизводство, с чем трудно не согласиться, утратит свои неповторимые качества: истинный гуманизм как проявление чувствительности ко всем участникам уголовного процесса, результат доказывания перестанет быть его реальной целью и станет грешить недооценкой значения установленных фактов, на которых когда-нибудь «распустится цветок истины» [8, с. 247].

Что касается собственно регулятивного потенциала норм-принципов с превалированием в них духовно-нравственных идей (ценностей), то он, по нашему мнению, невелик. Например, такие категории, как «совесть», «справедливость», «истина», «патриотизм» и пр., которые находятся в системном единстве и выражают нравственные аспекты уголовного судопроизводства, объективно трудно, а иногда невозможно, в том числе с помощью современной законодательной техники, переложить на язык закона, сделать их уясняемыми, а значит и реализуемыми. Причем в силу конструктивных особенностей близкие и дополняющие друг друга категории из разряда духовно-нравственных ценностей настолько индивидуальны, что не поддаются каким-либо шаблонам, свойственным для нормы закона.

Конструкция публичности уголовного процесса. Монографическое исследование построено вокруг одной из системообразующих для всей работы категории «публичность». По мнению А. В. Победкина, публичность – это функ-

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (часть II) .Ст. 5351.

ция уголовного судопроизводства [6, с. 100]. Если следовать общепринятому философскому пониманию функции как характеристики социального явления, которая определяется как «роль, которую выполняют различные процессы и структуры по поддержанию целостности и устойчивости систем» [11, с. 636], публичность – социальная роль (или социальное предназначение) уголовного судопроизводства.

Насколько убедительна приведенная конструкция? С точки зрения своего функционала уголовное судопроизводство не может обеспечивать публичности. Скорее наоборот, публичность уголовного судопроизводства – это средство реализации его социальной функции, а поэтому публичность – характеристика метода, но не средства.

В подтверждение этого тезиса можно привести хотя бы тот факт, что публичность – это не какой-то уголовно-процессуальный эксклюзив, роль, «единственным исполнителем» которой является уголовный процесс. Публичность – это основа вполне себе представительного перечня правовых форм деятельности. Достаточно сказать, что к ним относятся все формы административной деятельности, коих насчитывается немало, и, если следовать конструкции, предложенной А. В. Победкиным, уголовное судопроизводство и административная деятельность сливаются в едином функционале, что в действительности выглядит иначе.

В связи с изложенным следует признать, что публичность – это метод (или средство) реализации той функции, для осуществления которой социально предназначен уголовный процесс, гораздо более убедителен и при условии его основательного теоретического обоснования обладает серьезным научным потенциалом.

В заключительной части полемических рассуждений полагаем целесообразным сделать несколько выводов, связанных с фактом появления в процессуальной литературе одного из лучших монографических исследований в условиях действия УПК РФ (непревзойденным лидером здесь остается шедевральная монография Л. В. Головки «Государство и его уголовное судопроизводство» (2022 г.)).

В скромных по объему полемических заметках удалось высказаться лишь по небольшой толке тех интересных идей, которые прозвучали в работе А. В. Победкина. За кадром осталась, к сожалению, не одна чрезвычайно содержательная страница, посвященная качественной стороне законодательства, законодательной технике, выбор которой определяется в понимании автора нравственно здоровой частью населения.

Ожидаемо здравую и прагматичную позицию ученый представил в последнем параграфе

монографии «Оцифровать или одухотворить», обозначая свое отношение к «технологизации» уголовного процесса следующим образом.

Создание цифровой платформы уголовного судопроизводства неизбежно, она имеет перспективу к расширению. Непременным условием вовлечения в оцифрованные отношения невластных участников уголовного судопроизводства являются их безопасность, наделение правами и достоверность информации, получаемой через каналы информационно-телекоммуникационных технологий. И, что самое важное, они не могут заменить традиционных правообеспечительных операций [6, с. 299–307], поскольку главная опасность искусственного интеллекта заключается в его непредсказуемости.

Еще недавно новое в теории уголовного процесса течение, которое обозначается как «аналогия в уголовном судопроизводстве», в свое время набрав «научные обороты» и породив множество разнообразных дефиниций, сегодня фактически представляет частную теорию. Анализ литературных источников за полувековой период, соответствующих правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации привел А. В. Победкина к обоснованному и разумному выводу, к которому следовало бы прислушаться законодателю. Суть его в том, что нельзя продолжать умалчивать об аналогии в уголовном судопроизводстве на нормативном уровне, а предусмотреть ее возможность и законодательно закрепить критерии, при которых она правомерна (всего их называется четыре, и ключевым, по нашему мнению, является невозможность какого-либо принуждения).

Особую ценность несут в себе положения, раскрывающие возможности реформирования сложившихся связей (точнее сказать, их отсутствия) народа и уголовного процесса. В частности, подразумевается участие народных представителей в формировании судебного и следственного корпуса, в судебных заседаниях, органах судебного сообщества.

Явно прослеживается ностальгия автора о некогда разработанной и длительное время применявшейся системе воспитательной работы с участниками процесса. Сетую на то, что законодатель остается равнодушным к средствам воспитания участвующих в уголовном деле лиц, в том числе несовершеннолетних, предлагая меры к реанимированию прямой воспитательной работы дознавателя, следователя в трудовых коллективах, он как бы перевоплощается из строгого, взыскательного научного эксперта, чье мнение и слово весомы в профессиональном юридическом сообществе, в наивного романтика, рассчитывающего обеспечить максимальный воспитательный эффект уголовного судопроизводства привнесением в него

культуры, выдержанности, тактичности должностными лицами, его осуществляющими.

Заканчивая свое «творческое путешествие» по книге А.В. Победкина, еще раз подчеркнем: данные рассуждения — не рецензия и не критический обзор, хотя они и содержат совершенно иную трактовку отдельных понятий и категорий, относящихся к общим положениям УПК РФ. Это пуб-

личная научная полемика по некоторым фундаментальным аспектам исследования, к чему и призывает сам автор. Признаемся, указанное путешествие во многом удовлетворило познавательный инстинкт ученого, ставшего по многим вопросам единомышленником А.В. Победкина, создавшего первоклассное научное произведение, значительно обогатившее теорию уголовного процесса.

Список литературы:

1. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики. М. : Юрид. лит., 1971. 200 с.
2. Дорошков В.В. Современная уголовная политика в условиях умеренного консерватизма // Мировой судья. 2022. № 1. С. 2–11.
3. Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич / сост. и авт. вступит. статьи С.С. Волк, М.М. Выдря; коммент. С.Б. Михайловой // Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8. Москва : Юрид. лит., 1966. 503 с.
4. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб. : Сенатская типография, 1906. С. 4–7.
5. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1905. С. 342 с.
6. Победкин А.В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2024. 328 с.
7. Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М. : Право и жизнь, 1927. 127 с.
8. Смолькова И.В. Юридические афоризмы. М. : Юрлитинформ, 2013. 533 с.
9. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М. : Юриздат, 1939. 152 с.
10. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1991. 239 с.
11. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Республика, 2001. 719 с.

Для цитирования:

Николюк Вячеслав Владимирович. Великая процессуальная эволюция (размышления над книгой А.В. Победкина «Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства») // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 18–27.

References:

1. Dobvol'skaya T.N. Principy sovetskogo ugovolnogo processa. Voprosy teorii i praktiki. M. : Yurid. lit., 1971. 200 c.
2. Doroshkov V.V. Sovremennaya ugovolnaya politika v usloviyah umerennogo konservatizma // Magistrate Judge. 2022. № 1. S. 2–11.
3. Koni A.F. Vospominaniya o dele Very Zasluch / sost. i avt. vstupil. stat'i S.S. Volk, M.M. Vydrya; komment. S.B. Mihajlovoj // Sbranie sochinenij : v 8 t. T. 8. Moskva : Yurid. lit., 1966. 503 s.
4. Lyublinskij P.I. Svoboda lichnosti v ugovolnom processe. SPb. : Senatskaya tipografiya, 1906. S. 4–7.
5. Mihajlovskij I.V. Osnovnye principy organizacii ugovolnogo suda. Ugovolno-politicheskoe issledovanie. Tomsk : Parovaya tipo-lit. P.I. Makushina, 1905. S. 342 s.
6. Pobedkin A.V. Osnovnye polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij publichnosti ugovolnogo sudoproizvodstva. M. : Yurlitin-form, 2024. 328 s.
7. Polyanskij N.N. Ocherki obshchej teorii ugovolnogo processa. M. : Pravo i zhizn', 1927. 127 s.
8. Smol'kova I .V. Yuridicheskie aforizmy. M. : Yurlitinform, 2013. 533 s.
9. Strogovich M.S. Priroda sovetskogo ugovolnogo processa i princip sostyazatel'nosti. M. : Yurizdat, 1939. 152 s.
10. Tomin V. T. Ostry'e ugly' ugovolnogo sudoproizvodstva. M. : Yurid. lit., 1991. 239 s.
11. Filosofskij slovar' / pod red. I.T. Frolova. M. : Respublika, 2001. 719 s.

For citation:

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich. The Great Procedural Evolution (Reflections on A.V. Pobedkin's Book "The Main Provisions of the Russian Criminal Procedure Code as a System of Guarantees for the Publicity of Criminal Proceedings") // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 18–27.

Попов Виктор Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и истории права и государства,
Волгоградская академия МВД России,
Российская Федерация, 400075, г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

ORCID 0009-0003- 6659-8092
E-mail: lkj5@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.132.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-28-37

Дата поступления статьи: 11 июня 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Субъективные права как мера свободы: проблемы теории и практики в контексте прагматического аспекта анализа

Subjective Rights as a Measure of Freedom: Problems of Theory and Practice in the Context of the Pragmatic Aspect of the Analysis

Аннотация

Актуальность: политизированность понятия «свобода», особенно в контексте борьбы за нее, может легко конкурировать с политизированностью понятий «демократия» и «права человека». Борьба за свободу (впрочем, равно как и за демократию и права человека) как минимум внешне является лейтмотивом практически в любых, даже в самых жестких военно-политических конфликтах современности, причем любой стороной конфликта. Это и ряд иных сопряженных обстоятельств обуславливают наличие теснейшей связи между политико-прагматической функцией теории государства и права по влиянию на самые различные параметры протекания важных социально-политических процессов.

Учитывая то, что персуазивностью и суггестивностью обладает не только объектный, но и метаязык права, а также то, что как в отечественной, так и зарубежной литературе издавна и регулярно поднимаются вопросы о научной состоятельности юридической науки, можно утверждать, что «борьба за науку права» (Г. Канторович) не менее остра и важна, нежели «борьба за право» (Р. Йеринг). Все это требует проявлять

Viktor Viktorovich Popov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of Law and State,
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 400075, Volgograd,
Istoricheskaya St., 130

ORCID 0009-0003- 6659-8092
E-mail: lkj5@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

Relevance: the politicization of the concept of “freedom”, especially in the context of the struggle for it, can easily compete with the politicization of the concepts of “democracy” and “human rights”. The struggle for freedom (however, as well as for democracy and human rights) at least outwardly, it is a leitmotif in almost any, even in the most severe military-political conflicts of our time, and by any side of the conflict. This and a number of other related circumstances determine the existence of a close connection between the political and pragmatic function of the theory of state and law in influencing the most diverse parameters of important socio-political processes.

Considering the fact that not only the object language, but also the metalanguage of law has persuasiveness and suggestiveness, as well as the fact that both domestic and foreign literature has long and regularly raised questions about the scientific viability of legal science, it can be argued that the “struggle for the science of law” (G. Kantorovich) is no less acute and important. rather than “the struggle for

изрядную осмотрительность при использовании категории «свобода» в характеристике правовых явлений и в особенности субъективных прав, поскольку корректная теоретическая реконструкция последних не только внесет вклад в укрепление авторитета юридической науки, предотвращая использование этой науки в качестве одного из «способов производства качественных иллюзий», но также поможет укрепить научный фундамент по проблематике раскрытия подлинного потенциала регулятивной природы субъективных прав не только в формально-юридическом плане, но и в аспекте социально-психологического механизма мотивационной, информационной, воспитательной и прочих сторон действия права. Особенно ярко практическая востребованность подобного фундамента проявляется в столь актуальном сейчас противодействии влиянию деструктивных политико-прагматических контекстов интерпретации юридической деятельности как факторе угрозы национальной безопасности России.

Постановка проблемы: анализ содержания многочисленных научных работ по исследованию субъективных прав позволяет увидеть устойчивую тенденцию характеристики данных прав как некой меры свободы либо напрямую, либо через характеристику их как возможностей, притом что свобода также иногда характеризуется как некие возможности. Такой подход представляется проблематичным в семантическом аспекте анализа, что, однако, оставляет открытым вопрос о допустимости характеристики субъективных прав как меры свободы при анализе подобных суждений в аспекте прагматическом.

Вместе с тем в статье речь идет лишь о некоторых проблемах теоретического и практического характера, связанных с трактовкой субъективного права как свободы, потому что исследование полного спектра проблем предполагает подробное рассмотрение всех возможных вариантов манипулятивного использования прагматического контекста анализа термина «свобода» в совокупности с различными (и спорно трактуемыми) моделями объяснения в науках гуманитарных и естественных. Но это не представляется возможным вследствие ограничений к объему научной статьи.

Цель исследования заключается в определении допустимости и целесообразности характеристики субъективных прав как меры свободы при анализе подобной характеристики в прагматическом аспекте.

Методы исследования: комплексный подход с различением семантических и прагматических аспектов исследования, с использованием совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания с акцентом на системный, аксиологический, исторический, логический методы.

the right” (R. Yering). All this requires considerable care when using the category “freedom” in characterizing legal phenomena, and especially subjective rights, since a correct theoretical reconstruction of the latter will not only contribute to strengthening the authority of legal science, preventing the use of this science as one of the “methods of producing qualitative illusions”, but it will also help strengthen the scientific foundation on the problem of revealing the true potential of the regulatory nature of subjective rights, not only in formal legal terms, but also in terms of the socio-psychological mechanism of motivational, informational, educational and other aspects of the operation of law. The practical relevance of such a foundation is particularly evident in the current urgency of countering the influence of destructive political and pragmatic contexts of interpreting legal activity as a threat to Russia’s national security.

Problem statement: an analysis of the content of numerous scientific papers on the study of subjective rights allows us to see a steady trend of characterizing these rights as a measure of freedom either directly or through characterizing them as opportunities, despite the fact that freedom is also sometimes characterized as certain opportunities. This approach seems problematic in the semantic aspect of the analysis, which, however, leaves open the question of the permissibility of characterizing subjective rights as a measure of freedom when analyzing such judgments in the pragmatic aspect. At the same time, the article deals only with some theoretical and practical problems related to the interpretation of subjective law as freedom, because the study of the full range of problems involves a detailed consideration of all possible options for manipulative use of the pragmatic context of the analysis of the term “freedom” in conjunction with various (and controversially interpreted) models of explanation in the humanities and social sciences. natural ones. However, this is not possible due to the limitations on the volume of the scientific article.

The purpose of the study is to determine the permissibility and expediency of characterizing subjective rights as a measure of freedom when analyzing such characteristics in a pragmatic aspect.

Research methods: an integrated approach with a distinction between semantic and pragmatic aspects of research, using a combination of general scientific and private scientific methods of cognition with an emphasis on systemic, axiological, historical, logical methods.

Результаты и ключевые выводы: понятие «свобода» нецелесообразно применять в прагматическом аспекте теоретической реконструкции субъективного права, поскольку ни методологический монизм, ни методологический плюрализм не позволяют избежать коннотационных оттенков понятия «свобода», что допускает манипулятивное использование метаязыка права.

Ключевые слова: субъективные права; право и свобода; мера свободы; мера возможного поведения; субъективное право как свобода.

Results and key conclusions: it is inappropriate to apply the concept of “freedom” in the pragmatic aspect of the theoretical reconstruction of subjective law, since neither methodological monism nor methodological pluralism make it possible to avoid connotational shades of the concept of “freedom”, which allows manipulative use of the legal metalanguage.

Keywords: subjective rights; law and freedom; measure of freedom; measure of possible behavior; subjective law as freedom.

Распространенная трактовка субъективных прав как неких возможностей (меры возможного поведения) весьма уязвима. Если использовать деонтическую интерпретацию, когда возможность понимается как полный аналог разрешения, то налицо нарушение принципа Фреге – Рассела (принципа однозначности именованья). Проблематичность выделения так называемой деонтической возможности видна и из анализа правоприменительной практики. Например, в судебных решениях речь идет о возможности пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом, возможности обнаружения водителем опасности¹, возможности избежать опасности² и т. д., однако эти возможности не имеют никакого отношения к субъективным правам.

Кроме того, проблематичность деонтической трактовки возможности хорошо иллюстрирует так называемая формула римского гражданского права, например в формулировке римского юриста Цельса Младшего («Дигесты» L, 17, 185) – «impossibilium nulla est obligatio» (невозможное не может вменяться в обязанность, не существует обязанности выполнить невозможное), поскольку видно, что в рационально выстроенной нормативной правовой системе именно *возможность* некоего поведения делает разумным *запрет* или *обязательность* данного поведения, то есть *запрещенное/обязательное всегда является и возможным*.

Однако отождествление субъективного права с возможностью порождает, например, пра-

вомочие к запрещенному поведению, что делает соответствующую нормативную систему и неразумно выстроенной (в силу того что и разрешенное и запрещенное является возможным, мы получаем разрешенность запрещенного) и принципиально нереализуемой (если запрещенное будет тождественно разрешенному, реализация дозволения будет исключать реализацию запрета).

Диалектическая интерпретация возможности в контексте характеристики субъективных прав не менее проблематична, поскольку фактически проводимое в ней *отождествление потенциального и возможного* позволяет трактовать как некую возможность также обязательное и запрещенное поведение, что уравнивает субъективные права с юридическими запретами и обязанностями. Данный подход не только не позволяет отличать обязанности/запреты от субъективных прав, но также делает соответствующую нормативную систему и неразумно выстроенной и принципиально нереализуемой.

Столь же проблематично и алетическое толкование возможности применительно к субъективным правам, поскольку так называемый старый модализм Лейбница, допускающий взаимную определимость алетических и деонтических модальностей (в том числе разрешения и возможности) требует введения такого допущения, как константа *vir bonus* [5, с. 14], что неприменимо к юридическому контексту, поскольку не соответствует реальным характеристикам адресатов правовых предписаний. Если же не использовать константу *vir bonus*, то мы получаем иные неприемлемые для юридической науки выводы, например с неограниченным расширением предмета правового регулирования (поскольку все реально существующее является всегда и возможным в алетической интерпретации возможности, постольку любое поведение придется считать разрешенным и т. д.), со взаимной противоречивостью нормативных предписаний и т. д.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 : в ред. от 25 июня 2024 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.07.2024).

² Постановление Шаховского районного суда от 10 сентября 2011 г. № 1-42/2020 по делу № 1-42/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eGQGWIJqQmgK/> (дата обращения: 27.07.2024).

Однако выявленная в семантическом аспекте анализа проблематичность корректности определения субъективных прав как неких возможностей находится как минимум в некоем потенциальном конфликте с аспектом прагматическим.

Во-первых, саму свободу (в ее так называемом позитивном аспекте, позитивную свободу, «свободу для») зачастую также трактуют как возможность, причем и в некоторых документах³, и в научной литературе [8, с. 8].

Во-вторых, идея связывать право и свободу «напрямую» хотя и не отражает некую логическую неизбежность, но все же является весьма популярной. Например, В. А. Четвернин указывал, что «либертарное правопонимание начинается с утверждения, что право и государство суть необходимые формы свободы» [22, с. 29].

Конечно, как в юридической науке, так и в контексте юридической практики речь принято вести о самых разных сочетаниях права и свободы, когда право, например, рассматривается как гарантия свободы, как форма существования, реализации свободы, как мера ее ограничения и т. д. Но наиболее ярко эта связь видна в трактовке субъективных прав. Например, Л. С. Явич указывает, что «...субъективное право отражает развитие человечества от полной несвободы... к социальной свободе всех» [23, с. 167]. С. С. Алексеев подчеркивает, что развитие дозволений шло в двух плоскостях: как властное полномочие и как свобода [1, с. 34]. В. Н. Жуков пишет, что юридико-догматический подход к толкованию соотношения права и свободы как раз и предполагает понимание субъективного права (закрепленного в позитивном праве) как свободы [6, с. 29]. К этому можно добавить, что и в Конституции Российской Федерации выделяются не только права, но и свободы человека.

Однако особая психологическая, идеологическая и т. п. привлекательность термина «свобода» требует хорошо помнить, что суггестивностью и персуазивностью обладает не только объектный, но также и метаязык права, если уж проблематику определения приемлемости характеристики субъективного права как меры свободы анализировать не в семантическом, но в прагматическом аспекте анализа. В данной связи полезно учитывать, что именно прагматический аспект анализа информации, отражающий особенности воздействия информации на соответствующих адресатов вне зависимости

от того, понимаем ли мы прагматику как часть логики, лингвистики либо психолингвистики, послужил элементом теоретического фундамента для зарождения в том числе и нейролингвистического программирования как важного элемента социального управления.

Термин «свобода» является очень привлекательным для прагматических контекстов, поскольку еще на заре становления политико-правовой мысли Аристотель и Эпикур говорят о праве именно в контексте свободы от политического деспотизма (негативный аспект свободы, «свобода от»). Противопоставление государства (как общегития свободных людей) деспотизму явилось развитием данных идей в трудах Цицерона, Августина, Аквинского, Локка, Монтескье и других мыслителей.

Идея ценности «власти законов» над «властью людей» довольно легко находила своих сторонников, поскольку трудно возражать идее о том, что человеческая природа непостоянна и добродетель конкретного правителя не всегда будет преемственной. А потому правителя лучше ограничить законом, который можно сделать стабильно «правильным» принуждением, то есть принуждением «правильным» в своей исторической преемственности. В основании «правильности» закона и следовало, по мнению мыслителей, закладывать идею свободы как отражение некой естественной ценности, а потому, например, Б. Констан вслед за Монтескье и Вольтером указывал, что свобода есть право делать то, что дозволено законами [2, с. 386], то есть подчиняться одним только законам.

Примерно об этом же говорил И. Берлин, когда отмечал, что свобода совпадает с законом [3, с. 157], уточняя, что речь идет об идеальном случае, когда законы свободно приняты разумными людьми для разумных людей, что фактически соединяет позитивный («свобода для») и негативный («свобода от») аспекты свободы. С этим вполне можно было бы согласиться исходя из допущения о том, что вопрос о разумности людей является весьма простым и интуитивно понятным. Однако такому согласию препятствуют некоторые весьма болезненные конкретно исторические примеры, связанные с проблематикой и свободы, и разумности, причем даже не разумности вообще (что тоже иногда довольно проблематично интерпретируется [21]), но разумности, например, различных видов общественно-политического и государственного устройства.

Например, основоположники марксизма отмечали, что истинно свободным человек может быть лишь на высшей стадии коммунистического общества, когда исчезают недостатки, неизбежно присущие любым некоммунистическим способам организации экономической

³ См., например, ст. 4 Французской декларации прав человека и гражданина: «Свобода есть возможность делать то, что не причиняет вреда другому» (La liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/contenu/menu/droit-national-en-vigueur/constitution/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789> (дата обращения: 17.02.2025).

и иных сфер жизни социума [12, с. 15]. Им вторили последователи: «Переход к коммунизму создает условия для достижения социальной свободы развития каждой человеческой личности» [23, с. 157].

При этом согласно канонам марксизма смена общественно-экономических формаций и наступление коммунизма признавались фактически неизбежными, *объективно необходимыми*, а потому и коммунистическая организация общества (равно как и путь к ней) также считались неизбежно, то есть необходимо, разумными. В данной связи уместно напомнить слова марксиста Г. В. Плеханова, писавшего, что «свобода как сознанная необходимость» является одним из «...гениальнейших открытий, когда-либо сделанных философской мыслью» [15, с. 309], хотя такая трактовка не вполне точно передавала идеи Б. Спинозы, Г. Гегеля, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о сочетании свободы, необходимости и их осознания.

Но при этом целая плеяда мыслителей не-марксистского толка полагала совершенно иначе, утверждая, например, что «коммунизм не освобождает трудящегося, а порабощает его окончательно» [7, с. 260], что свободным может быть лишь капиталистическое общество и государство [20]. Здесь уместно добавить, что очень жестким являлось деятельное противостояние государств «социалистического» и «капиталистического» типа, в том числе и в форме прямых военных столкновений.

В. С. Нерсесянц и его последователи утверждают, что достижение подлинной свободы (вместе с разумностью, равенством и справедливостью) предполагает уход от субъективно-властного произвола законодателя, причем это достижимо не при капитализме и не при коммунистическом строительстве, но лишь в особом постсоциалистическом, цивилитарном обществе [13].

Основная сложность столь различного понимания свободы видится в следующем. Думается, что некоторые ученые совершенно правильно расценивают как не вполне удачные агностической направленности идеи неклассической рациональности о том, что свобода вообще «... не обладает реальным существованием в мире...», что «свобода как предмет научного познания не существует. Поэтому свободу нельзя определить твердо установленным понятием» [24, с. 170]. Уходя от такого гносеологического скепсиса, можно обратить внимание на классическую парадигму рациональности, на сциентизм интерпретации свободы, в том числе в аспекте осознания номотетической реальности (Б. Спиноза, Ф. В. Й. Шеллинг, К. Маркс, Ф. Энгельс и др.).

Но проблема даже не столько в том, что и в подобной канве свободу принято понимать во всем

спектре осознания соответствующих контекстов с алетическими модальностями, то есть и как осознанную необходимость [15, с. 309], и как возможность [19, с. 37], и как случайность [4]. Основная проблема состоит скорее в том, что мы видим уникальное сочетание несочетаемого. Мы видим необычайную простоту использования идеи свободы для фактически безальтернативной оценки самых сложных социальных ситуаций со стороны вполне конкретных социальных групп. Когда происходит необычайно простая «квалификация» действий вполне конкретных субъектов как проявлений свободы или же несвободы при некоем игнорировании чрезвычайной сложности познания позитивного и негативного аспектов свободы вкуче с уровнями ее «применимости» (индивидуальная, групповая и т. д.), во всем разнообразии исторически конкретных условий этой применимости, а также в самых различных (философских, религиозных, политических, юридических и т. п.) аспектах бытия и восприятия свободы!

Вспомним, что именно под лозунгами свободы в апреле 1917 г. была осуществлена амнистия, когда на свободу вышли порядка 90 тысяч осужденных (в большинстве своем за преступления неполитического характера), при том что это «удачно совпало» с упразднением таких «душителей свободы», как Департамент полиции Министерства внутренних дел (11 марта 1917 г.), а также Отдельного корпуса жандармов (6 марта 1917 г.). А создание милиции (Постановлением Временного правительства от 17 апреля 1917 г. «Об учреждении милиции») шло настолько специфично (например, в части нацеленности милиции на поиски и аресты бывших полицейских и жандармов), что привело к некоему «буйству свободы» в форме резкого роста преступности.

Похожее «освобождение» шло и в армии, когда была фактически объявлена «солдатская вольница» *в военное время!* Это была свобода от единоначалия (право комитетов из выборных представителей нижних чинов воинских частей возражать против назначения военачальников), свобода от принуждения со стороны офицеров (лишение их дисциплинарной власти над солдатами и права носить оружие) и т. п.

Помимо этого, в 1917 г. была установлена не только свобода от военной повинности, но также свобода проведения стачек, забастовок на военных предприятиях. Важно отметить, что, например, в Великобритании, которую зачастую как раз и принято считать «оплотом свободы», но которая в рассматриваемый период также, как и Россия, находилась в состоянии войны, дело обстояло совершенно иначе. В соответствии с Казначейским соглашением от 19 марта 1915 г. профсоюзы отказывались от организа-

ции и проведения забастовок на предприятиях военно-промышленного комплекса, причем основные положения данного соглашения были позже включены в закон о военном положении, допускавший применение широкого круга мер внеэкономического принуждения. В том же 1915 г. во многих районах Англии были созданы военно-промышленные трибуналы, применяющие меры принуждения в случаях неповиновения работников различных предприятий [16, с. 114–115]. Такие особенности отношения к свободе со стороны «демократических, свободных и прогрессивных» государств не учитывались «мастерами и архитекторами» новой власти России в ходе построения ими столь специфического «храма свободы».

Схожие по своей деструктивности события происходили и в нашей недавней истории. В частности, если уж заявлялось, что свобода исключает внеэкономическое принуждение, то под лозунгом либерализации (освобождения от государственного регулирования) была введена, например, свобода роста цен (переход на применение свободных цен и тарифов)⁴, что привело к катастрофическим для большинства населения последствиям в виде роста потребительских цен в 1992–1994 гг. в среднем в 735 раз, а в некоторых отраслях экономики в 2 800 раз⁵, при том что рост заработной платы совершенно не соответствовал такому росту цен⁶, в результате чего доходы 70 % работающего населения в 1992 г. были ниже прожиточного минимума советского периода. «Необходимость» вступления России в Совет Европы, чтобы теснее приобщаться к культурным и политическим ценностям стран «свободного мира», «потребовала», например, введения свободы гомосексуалистов от уголовного преследования⁷, что вполне соответствовало высказыванию первого Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации С.А. Ковалева о том, что «демократия — это права меньшинств».

⁴ О мерах по либерализации цен : Указ Президента РСФСР от 3 декабря 1991 г. № 297 // Гос. система правовой информ. Офф. интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013385&> (дата обращения: 17.02.2025); О мерах по либерализации цен : постановление Правительства РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 55 // Гос. система правовой информ. Офф. интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=12&nd=102013677 (дата обращения: 17.02.2025).

⁵ Федеральная служба государственной статистики : офф. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=1992-1994> (дата обращения: 17.02.2025).

⁶ Федеральная служба государственной статистики : офф. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=среднемесячная+заработная+п+лата+1992-1994> (дата обращения: 17.02.2025).

⁷ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР : Закон Рос. Федерации от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 // Ведомости Совета народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Суда Рос. Федерации. 1993. № 22. Ст. 789.

Если вспомнить особенности проведения приватизации в 90-е гг., то можно заметить, как необычайно «удачно» сочеталась «свобода от», например такого «душителя свободы», как Комитет государственной безопасности СССР (в ходе реформирования в августе — декабре 1991 г.), со «свободой для» получения отдельными субъектами важных элементов экономической инфраструктуры государства по исключительно низким ценам в ходе приватизации. В данной связи особенно полезно указать, что сотрудники Центрального разведывательного управления США «вдруг» оказалась советниками российских государственных служащих, организующих и осуществляющих приватизацию [17]. Кроме того, довольно быстро были устранены и иные проявления «несвободы» в форме самых различных барьеров, которые могли бы защитить самый широкий круг общественных интересов, затруднив или исключив приватизацию за несоразмерно низкую цену системообразующих, ключевых, стратегически значимых предприятий, некогда призванных обеспечивать ресурсную устойчивость государственной безопасности.

До сих пор нельзя считать решенными важные вопросы о том, что было бы правильнее: лишить (как минимум) свободы (в форме уголовного наказания) «архитекторов» и «мастеров» перестройки и приватизации, освободив от них народ и государство, или же признать верность предоставления им свободы приватизации и т. п. И такое положение вещей с противоположностью интерпретации свободы (являющейся оборотной стороной той самой «легкости» использования термина «свобода») присуще далеко не только нашей стране.

В этой связи уместно вспомнить о Д. Локке, поскольку в работе «Два трактата о государственном правлении»⁸ он отстаивает идею о том, что свобода есть право распорядиться дарами Господа «с умом», а обладают таким умом лишь колонизаторы Америки, а посему эти субъекты обладают и естественной свободой, выраженной в праве, например, на изъятие земель у коренного населения, а также на уничтожение ононого, обращение его в рабство и т. д. Если учесть вклад Д. Локка в развитие западной политико-правовой теории и практики, то совершенно верной представляется идея о том, что именно его учение очень органично соединяло либеральную теорию с колониальной практикой [25, с. 603].

⁸ Полное название работы «Два трактата о правлении: В первом ложные принципы и основания сэра Роберта Филмера и его последователей исследуются и опровергаются; Второй есть опыт об истинном происхождении, области действия и цели гражданского правления».

Кроме того, Д. Локк хотя и писал о свободе и правах человека, но умудрился при этом быть не только в числе первых акционеров компании-монополиста британской работорговли (Королевской Африканской компании, созданной королевским декретом в 1682 г.), но также соучаствовал в написании конституции Каролины, юридически закреплявшей негритянское рабство [11, с. 15–16]. В силу такого «академизма» в теоретическом обосновании рабства «пиитами свободы» неудивительно совершенно правильные слова А. Линкольна: «Мы все за свободу, но, употребляя одно и то же слово, мы не имеем в виду одно и то же... Так получается, что процесс ежедневного освобождения тысяч людей от рабской зависимости одни приветствуют как прогресс свободы, а другие клянут как уничтожение всякой свободы» [18, с. 253].

В определении свободы не применима верификация в рамках так называемых остенсивных определений, на что правильно указал, например, Б. Леони (хотя он называл подобную связь знака и означиваемого реалистическим подходом), а потому не следует использовать слово «свобода», не определив ясно то содержание, которое мы в него вкладываем [10, с. 58].

Однако обычно происходит как раз обратное, потому что понятие «свобода» относится не к аналитическим, но к эмоциональным понятиям, в которых границы смыслового поля сильно размыты. Такая размытость не есть «досадная случайность», поскольку именно эмоционально окрашенные понятия являются «полем брани для нашего духовного мира» [14, с. 630]. Поскольку «неискушенный ум человека не придаст должного значения выбору дефиниции. Думая, что он соглашается просто с выбором значения слова, такой человек неосознанно отказывается от спора по существу», так как подобные понятия являются языковой основой для различных приемов манипуляции сознанием как важным элементом социального управления. Совершенно верно Х. Перельман указал, что чем более понятие связано с ценностью, тем более оно запутанно [14, с. 630].

Но, говоря об этой неслучайной запутанности, следует понимать, что обыкновения использовать подобные эмоционально окрашенные понятия определяются не столько контекстом сугубо научного поиска, сколько политико-прагматическими соображениями. Неслучайно, С. С. Алексеев характеризует некоторые научные (*теоретические*) конструкции с точки зрения приемлемости либо неприемлемости именно по *морально-политическим* соображениям [1, с. 52].

Иными словами, при использовании (по меньшей мере в науках гуманитарных) эмоциональных понятий предпосылки выбора альтернатив

именно в *интенциональном* контексте будут (в числе прочих предпосылок) определяться целями формирования той или иной оценки предмета данного высказывания. Например, предпосылка выбора интенциональной альтернативы определения понятия «субъективное/объективное право» (это мера свободы или мера несвободы?) со стороны того, кому определение данного права будет явно или неявно адресовано, задается тем, кто подобные определения формулирует. Соответственно, это позволяет в рамках персуазивности/суггестивности метаязыка права формировать либо позитивную либо негативную аксиологическую оценку права конкретного государства, что особенно актуально в рамках оценок отечественного государства и права.

Показанный уход от истинностного к ценностному аспекту отношения между знаком и означиваемым проблематичен не только в том, что он тяготеет к манипуляции сознанием, но и в сугубо теоретическом плане. Этот теоретический план относительно непросто, поскольку истоки его порождаются гносеологической проблемой различения понимания и объяснения, проблемой такого разделения «наук о духе» (гуманитарных наук) и «наук о природе», которое принято связывать с именами В. Дильтея, Г. Зиммеля и Б. Кроче.

Истинностный аспект отношения между знаком и означиваемым предполагает установление строгого, логического (дедуктивного) функционального соответствия между тем, что именуется закономерностями в строгом смысле слова, то есть законами природы (номосами) и дескрипцией объясняемых явлений. Это порождает и строгость научных определений, именуемых, например, аналитическими.

Однако для явлений, входящих в предмет наук гуманитарного характера, это признается затруднительным в силу ряда факторов, прежде всего в силу того, что явления, входящие в предмет гуманитарной науки, принято относить к уникальным и единичным, а также в силу того, что человеческое поведение зависит от множества социально-культурных, психологических и иных факторов с затрудненной номологической интерпретацией. Все это затрудняет дедуктивно-номологическое соответствие эксплананса и экспланандума.

Проблематичность применения дедуктивно-номологического объяснения в гуманитарных науках привела к уходу от методологического монизма и выделению объяснения (для «наук о природе») и понимания (для наук гуманитарных), хотя внешне и понимание, и объяснение могут иметь форму дедуктивных умозаключений. Однако эта проблематичность привела в том числе к некоей неопределенности

(в некоторых контекстах) интерпретации понимания, в частности к отнесения понимания к интуитивному постижению значения и смысла высказываний. В этой связи важно подчеркнуть два момента.

1. Именно данный фактор и является своего рода «оправданием» для включения в понятийный аппарат наук гуманитарных неясных и неточных терминов, эмоциональных понятий с исключительной размытостью границ смыслового поля и, соответственно, с допущением произвольного их толкования (хотя на практике эта произвольность обычно четко привязывается к соответствующему политическому контексту и им же в итоге ограничивается). Неслучайно еще у Ф. Бэкона можно найти предпосылки критики антропоморфизма понимания (так называемые идола разума).

Ярким примером подобного антропоморфизма и является использование понятия «свобода» в юридических науках, где хорошо заметно замещение точности определения неким «интуитивным улавливанием» направленности эмоциональных реакций (потенциальной аудитории) на данный термин. Причем данные реакции обусловлены различными социальными контекстами, особенностями личностного развития и социализации и т. п. И что особенно важно — такие контексты вполне реально создавать целенаправленно в ходе манипуляции сознанием в рамках мотивационно-опосредованного социального управления.

2. Выбор такой методологии для гуманитарных наук вовсе не является неизбежным. Отход от дедуктивно-номологического объяснения вовсе не предполагает в качестве замены использование некоего интуитивного понимания как единственной альтернативы. Например, можно вести речь о целевом и мотивационном объяснении. Однако это следует делать весьма осмотрительно, включая в такое объяснение, например, потенциал логики норм, оценок и т. д., что позволяет вести такое объяснение в канве формально-логического дискурс-анализа дескрипции соответствующих модальностей.

Таким образом:

1) если оставаться в рамках методологического монизма, то понятие «свобода» следует относить к интуитивно постигаемым на основании разделения неких ценностей; это означает, что понятие «свобода» четко определить очень проблематично, так как эмоциональная окраска его содержания делает практически невозможным выбор конвенционального смысла понятия «свобода». Из этого следует нецелесообразность определения понятия «субъективное право» как (меры) свободы в рамках методологического монизма;

2) даже если оставаться в рамках методологического плюрализма, то исторически сложившиеся тенденции употребления термина «свобода» отчетливо показывают нам эмоциональную окраску данного термина, его явный коннотационный оттенок. Именно эта коннотационность обычно и замещает требуемую в науке аксиологическую нейтральность при выборе границ смысла понятий. Аксиологическая коннотационность создает предпосылки для манипулятивного использования потенциала юридической науки. Из этого следует нецелесообразность определения понятия «субъективное право» как (меры) свободы в рамках методологического плюрализма. Кроме того, отказ от такой трактовки субъективного права позволит уйти от некоего методологического лукавства, когда в рамках признания различий между науками гуманитарными и естественными происходит допустимый уход от методологического монизма, но некорректное смешение, с одной стороны, экзистенциальных вопросов о предпосылках выбора оснований оценок, а с другой — гораздо более простых в постижении вопросов непротиворечивости, когерентности, доказуемости и тому подобных аспектов логических преобразований оценочных высказываний, через призму которых и следует рассматривать субъективные права.

Сделанные выводы не означают умаления ценности свободы, но скорее указывает на целесообразность отнесения свободы к внутреннему миру, к психологическому опыту каждого человека. И хотя можно согласиться, что такая точка зрения, вероятно, и порождает чувство некоей неудовлетворенности [9, с. 114], но это все же не является основанием для использования термина «свобода» в качестве инструментария для получения строгих, аналитических научных определений, тем более если речь идет об определении такого важного для общетеоретической юридической науки понятия, как «субъективное право».

Теоретическую реконструкцию субъективного права следует производить посредством аналитических понятий без создания позитивного или негативного коннотационного оттенка, допускающего манипулятивное использование метаязыка права. Уход от подобного прагматического контекста позволит более точно рассмотреть возникновение, функционирование и развитие субъективного права в различных аспектах, в том числе как дублирующего или косвенного экспонента (знака), репрезентирующего правовое предписание в предписывающем правовом регулировании, и как особую социально-правовую оценку в регулировании непредписывающем.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
2. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. М. : Мысль, 1999. 830 с.
3. Берлин И. Философия свободы. Европа. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 448 с.
4. Гаджиев Р. С. Свобода как познанная случайность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2 (14). С. 41–44.
5. Глинчикова А. В. «Деонтика» Эрнста Малли и становление логики норм в середине XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014. 25 с.
6. Жуков В. Н. Право и свобода: плюрализм подходов // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6. С. 29–33.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Директ-Медиа, 2011. 1216 с.
8. Клименко Ю. Г. Свобода как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 24 с.
9. Корнев А. В. Свобода и право: соотношение понятий // Lex Russica. 2015. № 4. С. 113–118.
10. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008. 307 с.
11. Маккарти Т. Либеральный империализм и дилемма развития // Логос. 2006. № 6 (56). С. 14–38.
12. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1979. 1832 с.
13. Нерсесянц В. С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М. : Рос. право, 1992. 349 с.
14. Перельман Х. Справедливость // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 627–676.
15. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1956. С. 300–334.
16. Прокопов А. Ю. Британские рабочие и их профессиональные организации в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность : сборник статей / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов, А. А. Малыгина. СПб. : СПбГУ, 2014. 408 с.
17. Прямая линия с Владимиром Путиным : программа от 25 апреля 2013 г. Стенограмма. Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17976> (дата обращения: 17.02.2025).
18. Селзам Г. Марксизм и мораль / пер. с англ. О. Г. Дробницкого, Т. А. Кузьминой; предисл. и общая ред. В. А. Карпушина. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. 286 с.

References:

1. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. M. : Yurid. lit., 1989. 288 s.
2. Antologiya mirovoj pravovoj mysli: v 5 t. T. 3. M. : Mysl', 1999. 830 s.
3. Berlin I. Filosofiya svobody. Evropa. M. : Novoe lit. obozrenie, 2001. 448 s.
4. Gadzhiev R. S. Svoboda kak poznannaya sluchajnost' // Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2013. № 2 (14). S. 41–44.
5. Glinchikova A. V. «Deontika» Ernsta Malli i stanovlenie logiki norm v seredine HH veka : avtoref. dis. ... kand. filoz. nauk. SPb., 2014. 25 s.
6. Zhukov V. N. Pravo i svoboda: plyuralizm podhodov // Law and State: The Theory and Practice. 2020. № 6. S. 29–33.
7. Il'in I. A. Put' duhovnogo obnoveniya. M. : Direkt-Media, 2011. 1216 s.
8. Klimenko Yu. G. Svoboda kak pravovaya kategoriya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov, 2006. 24 s.
9. Kornev A. V. Svoboda i pravo: sootnoshenie ponyatij // Lex Russica. 2015. № 4. S. 113–118.
10. Leoni B. Svoboda i zakon / per. s angl. V. Koshkina; pod red. A. Kuryaeva. M. : IRISSEN, 2008. 307 s.
11. Makkarti T. Liberal'nyj imperializm i dilemma razvitiya // Logos. 2006. № 6 (56). S. 14–38.
12. Marks K. Kritika Gotskoj programmy // Marks K. i Engel's F. Izbrannye proizvedeniya : v 3 t. T. 3. M. : Politizdat, 1979. 1832 s.
13. Nersesyanc V. S. Nash put' k pravu. Ot socializma k civilizmu. M. : Ros. pravo, 1992. 349 s.
14. Perel'man H. Spravedlivost' // The Russian Yearbook of the Theory of Law. 2011. № 4. S. 627–676.
15. Plekhanov G. V. K voprosu o roli lichnosti v istorii // Izbrannye filosofskie proizvedeniya : v 5 t. T. 2. M. : Gospolizdat, 1956. S. 300–334.
16. Prokopov A. Yu. Britanskije rabochie i ih professional'nye organizacii v gody Pervoj mirovoj vojny // Pervaya mirovaya vojna, Versal'skaya sistema i sovremennost' : sbornik statej / otv. red. I. N. Novikova, A. Yu. Pavlov, A. A. Malygina. SPb. : SPbGU, 2014. 408 s.
17. Pryamaya liniya s Vladimirom Putinyim : programma ot 25 aprelya 2013 g. Stenogramma. Prezident Rossii : ofic. sajт. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17976> (data obrashcheniya: 17.02.2025).
18. Selzam G. Marksizm i moral' / per. s angl. O. G. Drobnickogo, T. A. Kuz'minoj; predisl. i obshchaya red. V. A. Karpushina. M. : Izd-vo inostr. lit., 1962. 286 s.
19. Solov'ev E. Yu. Bud' licom: cennosti grazhdanskogo obshchestvam : v 2 t. / pod red. V. I. Bakshtanovskogo, Yu. V. Sogomonova, V. A. Churilova. T. 1. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1993. 166 s.

19. Соловьев Э. Ю. Будь лицом: ценности гражданского общества : в 2 т. / под ред. В. И. Бакштановского, Ю. В. Согомонова, В. А. Чурилова. Т. 1. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1993. 166 с.
20. Фридман М. Капитализм и свобода / пер. с англ. М. : Фонд Либер. Миссия : Новое изд-во, 2006. 240 с.
21. Фуко М. История безумия и неразумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1999. 574 с.
22. Четвернин В. А. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4 (45). С. 28–36.
23. Явич Л. С. Общая теория права. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 287 с.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
25. Armitage D. John Locke, Carolina and the Two Treatises of Government // Political Theory. Sage Publications. 2004. № 32. P. 602–627.
20. Fridman M. Kapitalizm i svoboda / per. s angl. M. : Fond Liber. Missiya : Novoe izd-vo, 2006. 240 s.
21. Fuko M. Istoriya bezumiya i nerazumiya v klassicheskuyu epohu. SPb. : Universitetskaya kniga, 1999. 574 s.
22. Chetvernin V.A. Rossijskaya konstitucionnaya koncepciya pravoponimaniya // Constitutional Law: an Eastern European Review. 2003. № 4 (45). S. 28–36.
23. Yavich L. S. Obschaya teoriya prava. L. : Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1976. 287 s.
24. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M. : Politizdat, 1991. 527 s.
25. Armitage D. John Locke, Carolina and the Two Treatises of Government // Political Theory. Sage Publications. 2004. № 32. P. 602–627.

Для цитирования:

Попов Виктор Викторович. Субъективные права как мера свободы: проблемы теории и практики в контексте прагматического аспекта анализа // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 28–37.

For citation:

Popov Viktor Viktorovich. Subjective Rights as a Measure of Freedom: Problems of Theory and Practice in the Context of the Pragmatic Aspect of the Analysis // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 28–37.

Салтыков Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант 3-го факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: terminpravo@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.11

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-38-45

Дата поступления статьи: 21 мая 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Saltykov Konstantin Gennadievich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Doctoral Candidate of the 3rd Faculty
(Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Personnel),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: terminpravo@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Один тезис Президента Российской Федерации В. В. Путина о юридической терминологии

One Thesis of the President of the Russian Federation Vladimir Putin on Legal Terminology

Аннотация

Актуальность: исследование терминологии, соответствующей различным юридическим понятиям, является необходимой частью научной деятельности в области правоведения. В статье внимание сосредоточивается на таких аспектах проблематики, связанной с юридической терминологией, как ясность и критерии ее понимания. Ставший предметом анализа тезис Президента России о необходимости единообразного понимания и единообразных критериях понимания терминологии важен для множества областей человеческого знания, так как в конечном итоге связан с исследованием изменения объема понятия и вариативности его содержания. Юридические термины, используемые в международном общении, отражают в своем развитии эволюцию правовых реалий межгосударственных отношений, отчего несут значительную теоретическую нагрузку.

Постановка проблемы: тезис Президента Российской Федерации о необходимости единообразного понимания и единообразных критериях понимания терминологии, очевидно, не носит одностороннего дипломатического, внешнеполитического характера и, следовательно, может быть рассмотрен с позиции теоретических положений юриспруденции и лингвистики. Подобная оценка, произведен-

Abstract

Relevance: the study of terminology corresponding to various legal concepts is a necessary part of scientific activity in the field of jurisprudence. The article focuses on such aspects of issues related to legal terminology as clarity and criteria for understanding it. The thesis of the President of Russia on the need for a uniform understanding and uniform criteria for understanding terminology, which has become the subject of analysis, is important for many areas of human knowledge, as it is ultimately related to the study of changes in the scope of the concept and the variability of its content. Legal terms used in international communication reflect in their development the evolution of the legal realities of interstate relations, which is why they carry a significant theoretical burden.

Statement problem: the thesis of the President of the Russian Federation on the need for a uniform understanding and uniform criteria for understanding terminology is obviously not of a unilateral diplomatic or foreign policy nature and, therefore, can be considered from the perspective of theoretical provisions of jurisprudence and legal linguistics. Such an assessment, made from a logical, legal and linguistic standpoint, seems to be very fruitful. General scientific epistemological vision of important legal problems and international le-

ная с логико-правовых и языковедческих позиций, представляется весьма плодотворной. Общенаучное гносеологическое видение важных юридических проблем и международно-правовая специфика в высказываниях В. В. Путина предстают как нечто целое, между юридическими, лексикологическими и философскими частями которого нет строгих границ.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе использования соответствующих характеру и предмету исследования методов научного познания при учете основных положений логико-философского учения о понятии и принципов когнитивного терминоведения охарактеризовать проблематику единообразного понимания и единообразно понимаемых критериев специальной юридической лексики.

Методы исследования: принцип методологического плюрализма, взятый за основу, позволил использовать в работе такие методы исследования, как диалектический метод познания, герменевтика, логический метод, анализ, сравнительный метод, структурно-функциональный метод.

Результаты и ключевые выводы: юридический и языковедческий анализ позволил представить тезис Президента России В. В. Путина о необходимости единообразного понимания и единообразных критериях понимания международной юридической терминологии в контексте нынешних особенностей динамики понятийного аппарата юридической науки и показать положительное значение современной актуализации данного утверждения, а также определить, антитезой каких концептуальных тенденций в национальном и международном праве он является на сегодняшнем этапе развития как России, так и международного сообщества.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации; юридический термин; значение; международное общение; критерии понимания; ясность терминологии; тезис.

gal specifics in the statements of V. V. Putin is presented as a whole, between the legal, lexicological and philosophical parts of which there are no strict boundaries.

The purpose of the study is to characterize the problems of uniform understanding and uniformly understood criteria of special legal vocabulary based on the use of methods of scientific cognition appropriate to the nature and subject of the study, taking into account the main provisions of the logical and philosophical doctrine of the concept and principles of cognitive terminology.

Research methods: the principle of methodological pluralism, taken as a basis, allowed the use of such research methods as the dialectical method of cognition, hermeneutics, logical method, analysis, comparative method, structural and functional method.

Results and key conclusions: the legal and linguistic analysis made it possible to present the thesis of Russian President Vladimir Putin on the need for a uniform understanding and uniform criteria for understanding international legal terminology in the context of the current features of the dynamics of the conceptual apparatus of legal science and to show the positive significance of the modern actualization of this statement, as well as to determine the antithesis of which conceptual trends in national and international law it is important at the current stage of development of both Russia and the international community.

Keywords: President of the Russian Federation; legal term; meaning; international communication; criteria of understanding; clarity of terminology; thesis.

Рационализация области исследований, связанных с юридическими понятиями и обозначающими их терминами, является своеобразным индикатором актуального состояния юридической науки, находящейся в непрерывном активном поиске точных средств отображения правовой реальности. Для юриспруденции характерен перманентный интерес к теоретическим и практическим вопросам развития национальной и международной юридической терминологии, проблемам использования специальной лексики. При этом корректное использование специальной лексики обеспе-

чивается изучением сущности явления, обозначаемого одноименным термином, которое позволяет конкретизировать семантику терминологических основ права и законодательства.

Терминология в праве нередко используется для обозначения различных по своей сущности явлений: рассматривается в качестве средства референции важных концептов в национальном законодательстве, а также ассоциируется с юридическими понятиями международного частного и публичного права.

Международное право представляет собой систему норм, принципов и правил, регулирующих

отношения между субъектами международного сообщества. Предметом международного права в общем смысле выступают, как принято указывать в отечественной юридической традиции, отношения, осложненные иностранным элементом.

Вместе с тем изучение правоотношения в межгосударственном и межнациональном аспектах в последнее время зачастую ограничивается областью конфликтов между различными участниками международного взаимодействия, уводя фокус юридического и политического внимания от современных особенностей реализации положений о правах и свободах индивида, защита которых обеспечивается публичными средствами. Причина этого видится в том, что в сложившейся геополитической обстановке нередко происходят провокации конфликтных ситуаций международного характера, в том числе в отношении Российской Федерации, что дает возможность отдельным лицам политизировать эти разногласия в стремлении получить деструктивный результат.

Быстрая модернизация социальной жизни, глобальные угрозы и вызовы, с которыми сталкивается человечество, расширение сферы использования искусственного интеллекта в последнее десятилетие явились причиной тенденций, связанных с пересмотром назначения международного права с учетом динамики складывающихся в современном мире отношений, потребностей в их регулировании, назначения и характера воздействия правовых норм.

Сложившаяся ситуация требует разработки надежных концептуальных подходов к организации работы, связанной с определением понятийно-терминологического содержания как национальных нормативных правовых актов, так и международных юридических документов. Неслучайно Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, принимая участие в работе второго Международного форума «Развитие парламентаризма», сказал следующее: «вернув в центр дискуссии об обновленной модели глобального развития такие понятия, как «суверенитет», «право народов на самобытность своего пути», мы сможем выйти на работающие договоренности, принимать на международных форумах, на встречах лидеров стран не только декларации, но и правила, обязательные к исполнению, построенные на учете интересов государств, их взаимной ответственности» [10].

Необходимо отметить, что в выступлениях действующего Президента Российской Федерации неоднократно обращалось внимание на особенности терминологического отражения важных социальных процессов и явлений. Так, например, оценивая ситуацию, связанную с пандемией коронавируса, В.В. Путин заметил, что «уже в ходу термин «вакцинный национализм», который,

отражает реальное положение дел не только на коммерческом рынке вакцин, но и в вопросах оказания содействия нуждающимся странам» [19].

При этом то или иное обращение Президента России к строгим языковым номинациям, используемым в определенной области человеческого знания, всегда основано на установившихся научных традициях. Так, выступая на пленарном заседании Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций («Саммите тысячелетия»), Владимир Путин отметил: «Мы и наши предшественники много сделали для того, чтобы наполнить символический образ глубоким смыслом. Вторая половина столетия, его международная составляющая, безусловно, прошли под эгидой Организации Объединенных Наций» [3]. В данном случае, оценивая деятельность ООН, Президент России вел речь о символе, воплощающем смыслы, основанные на идее международного единства и сотрудничества. Такой подход к аттестации потенциала крупнейшей международной структуры, основанный на логико-семантическом сочетании «символ – смысл», полностью соответствует введенной в науку Г. Фреге и ставшей классической формуле соотношения знака, значения и смысла: «Значение собственного имени – это сам предмет, обозначенный этим именем... между значением и представлением можно поместить смысл, который, в отличие от представления, хотя и не является субъективным, все же не есть сам предмет» [18, с. 233].

В контексте указанного выше рассмотрим тезис, выдвинутый Президентом Российской Федерации 28 сентября 2015 г. во время выступления на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он указал на то, что «Нельзя играть и манипулировать словами. В международном праве, в международных делах каждый термин должен быть понятен, прозрачен, должен иметь единообразное понимание и единообразно понимаемые критерии» [17].

Прежде чем перейти к анализу приведенного высказывания, необходимо сделать два важных замечания, определяющих коннотацию дальнейших рассуждений. Во-первых, именуя в настоящей статье сказанное Президентом России о международной юридической терминологии тезисом, автор исходит из понимания последнего как основополагающего утверждения [16, с. 1307]. Во-вторых, упоминание в названии статьи о юридической терминологии, а не о терминологии международно-правовой, объясняется тем, что выбор когнитивного ракурса исследования был основан на понятии терминологии, предложенном А.Н. Барановым, определяющим термины как слова, обозначающие специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека [1, с. 89]. Такой подход позволяет в общем рассматривать специальную лексику между-

народного права как юридические термины, используемые для обозначения специфических реалей юриспруденции, связанных с межгосударственным и межнациональным общением.

Возвращаясь к сказанному Президентом России с высокой трибуны Организации Объединенных Наций, отметим, что мысль о ясности, прозрачности и единообразии понимания терминов, используемых в процессе международного общения, упоминалась и прежде. Например, еще Платон в диалоге «Алкивиад» устами Сократа заявлял: «Не станут же государства спорить между собой, называя этими именами одни – одно, а другие – другое» [14, с. 186]. Однако современный уровень развития юридической науки предполагает не столько простое изложение информации о праве, сколько исследования, динамика которых стремилась бы от изучения представленной средствами специальной лексики номинации к познанию диалектики «референция – рецепция». При таком когнитивном подходе в центре внимания закономерно оказываются упомянутые В.В. Путиным «единообразное понимание» и «единообразно понимаемые критерии».

Попытаемся оценить значение современной актуализации данного тезиса, а также определить, антитезой каких концептуальных тенденций в национальном и международном праве он является на нынешнем этапе развития как России, так и международного сообщества.

Размышления, предметом которых является единообразное понимание тех или иных феноменов правовой действительности, по-прежнему увлекают ученых-правоведов, являя разнообразными сочетания субъективных когнитивных подходов и корпоративных конвенций. Причем в рамках научного дискурса речь может идти как о единообразном понимании в целом права и законности [12, с. 82–98], а также отдельных сфер юриспруденции, например гражданского судопроизводства [9, с. 16–20], так и о единообразном понимании отдельных терминов, например таких как «цифровые права» и «объект цифровых прав» [13, с. 11–16]. Любопытным в связи с этим представляется проведенное Е.М. Кобзаренко исследование проблем защиты чести, достоинства и деловой репутации лица после его смерти, в процессе которого автором неоднократно ставился вопрос о единообразном понимании не только термина, но и *дефиниции* термина «заинтересованные лица» в российском законодательстве [6, с. 86–90].

Обращение к вопросам единообразного понимания права, его отраслей и институтов, целей отдельных видов юридической деятельности, смысла и значения специальной лексики закономерно актуализирует необходимость выявления признаков, на основании которых может производиться оценка единообразия научного и при-

кладного восприятия юридических феноменов и значения их номинаций.

Например, давая оценку правовым предписаниям, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, «что единообразное понимание и применение нормы невозможно без соблюдения общеправового критерия ее определенности, ясности и недвусмысленности», которым в интерпретационной практике высшего органа конституционного правосудия противопоставляются неоднозначность, нечеткость и противоречивость нормы права, влекущие возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения¹. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, критерий ясности и недвусмысленности обусловлен самой природой нормативного регулирования в правовых системах, основанных на верховенстве права², и вытекает из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства³.

В процессе анализа судебных актов, издаваемых Верховным Судом Российской Федерации, так же обнаруживается весьма любопытный интерпретационный критерий ясности, характеризующийся единообразным пониманием в рамках судебной системы. Определенное законодательное положение или его элемент признаются судом отвечающим критерию недвусмысленности в случае необнаружения «данных о том, что в правоприменительной практике отсутствует единообразие в его понимании»⁴.

Таким образом, возможность вести речь о единообразном понимании термина представляется в случае, когда с теоретической стороны он соответствует определенному означаемому юридическому понятию, несложен в восприятии и не обладает множеством оттенков смысла,

¹ По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс»: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 1 февраля 2022 г. № 4-П // Рос. газ. 2022. № 30.

² По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда»: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 ноября 2003 г. № 16-П // ЮИС «Легалакт» – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11112003-n/> (дата обращения: 15.04.2025).

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шестакина: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П // Рос. газ. 2023. № 120.

⁴ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июля 2023 г. № АПЛ23-270 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2025); апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Рос. Федерации от 23 июня 2022 г. № АПЛ22-215. // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2025).

а с практической стороны не связан с множественностью результатов интерпретации, имеющих место в сложившейся правоприменительной практике.

Учитывая то обстоятельство, что в выступлении главы Российского государства на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН речь шла в первую очередь о международно-правовой терминологии, рассмотрим практическую значимость ясности и прозрачности юридической лексики на соответствующем примере из области межгосударственного сотрудничества.

Так, отдельным видом гражданского судопроизводства являются дела о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, которые по АПК РФ и ГПК РФ представляют собой отдельный вид гражданского судопроизводства. Как верно отмечают Е. В. Михайлова и И. И. Закирова, применительно к данной категории дел суд «проверяет соответствие акта иностранного суда основополагающим принципам Российской Федерации, ее публичному порядку и отечественному законодательству в целом», что позволяет обеспечить торжество правосудия по гражданским делам. Таким образом, институт признания и приведения в исполнение решений иностранных судов есть одно из условий поддержания статуса Российской Федерации как правового государства в рамках международного взаимодействия [11, с. 30–35].

При этом одним из оснований для отказа в принудительном исполнении является противоречие решения иностранного суда публичному порядку Российской Федерации (ст. 244 АПК РФ, ст. 412 ГПК РФ).

Указанные авторы отмечают, что понятие «публичный порядок» в законодательстве не раскрывается, а его дефиниция, взятая из материалов судебной практики⁵, не отличается необходимой конкретностью и нормативностью. Аналогичным образом складывается ситуация и на международно-правовом уровне, когда в пп. «b» п. 2 ст. V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) противоречие публичному порядку как основание отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения упоминается, однако дефиниция публичного порядка не приводится⁶.

⁵ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений : заключена в Нью-Йорке в 1958 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2025).

Важным шагом на пути к выработке определения понятия «публичный порядок» Е. В. Михайлова и И. И. Закирова считают научное обоснование критерия разграничения частного и публичного правоотношения [11, с. 30–35].

Обратим внимание на то, что отсутствие признаков определенности, ясности и недвусмысленности в отношении юридических терминов может иметь место как на национально-правовом, так и на международном уровне правового регулирования, который в настоящее время характеризуется появлением значительного количества новой терминологической лексики, далеко не всегда свободной от неоднозначности, нечеткости и противоречивости.

Так, подвергая исследованию семантический аспект термина «международное частное право» в германской юридической доктрине, А. В. Должиков констатирует появление в немецком юридическом языке специального словосочетания «международное административное право», сформированного на основе сходства композиции с номинацией «международное частное право». Однако автор обращает внимание на то, что в целом для обозначения международного публичного права в немецкой доктрине используется номинация *das Volkerrecht*, близкая по смыслу к латинскому *jus gentium* — праву народов. Таким образом, А. В. Должиков приходит к выводу о потере некоторых смысловых нюансов означаемого понятия при использовании термина «международное административное право» и предлагает в русском переводе называть рассматриваемый комплекс юридических предписаний коллизионным (трансграничным) административным правом [5, с. 3–28].

С аналогичной проблемой сталкивается В. А. Кувшинов, исследующий особенности употребления русского перевода термина *international interests*, который в отечественной юридической литературе часто используется для обозначения международных гарантий. Вместе с тем, по мнению В. А. Кувшинова, более корректно будет перевести данный термин на русский язык как «международные имущественные права» [7, с. 75], что, очевидно, существенным образом отражается на игре смысловых оттенков в рамках юридического текста.

Е. П. Войтович, в свою очередь, указывает, что термин «международное семейное право» в зарубежном правоведении используется в значении, которое связано с трансграничными семейными отношениями. Кроме того, указанное словосочетание интерпретируется в качестве совокупности решений наднациональных судов, международных и европейских норм, регулирующих семейные отношения. Сложность в данном случае заключается в адекватном учете в процессе употребления специальной лексики в письменной

или устной юридической речи соотношения термина «международное семейное право» с популярными у юристов Старого Света терминами «европейское семейное право» и «сравнительное семейное право». Принятие во внимание упомянутых обстоятельств, учет существенных различий рассмотренных понятий и их терминологических референтов позволяют принять соответствующие юридические термины лишь с известной долей условности. В заключение автор обращает внимание на замену традиционного подхода к международному семейному праву более широкой его трактовкой [2, с. 21–23].

В сложившейся ситуации предложенный Президентом Российской Федерации В. В. Путиным подход к оценке юридической терминологии с позиций понятности, прозрачности и единообразного понимания может рассматриваться в качестве концептуальной предпосылки признания необходимости более тщательного отбора терминологии, используемой при составлении текстов различных международных документов, вплоть до принципиальной оценки *raison d'être* терминологических новаций.

Кроме того, взятый за основу тезис Президента России о необходимости единообразного понимания и единообразных критериях понимания терминологии в процессе регулирования международных отношений позволит во многом преодолеть проблему безэквивалентной лексики, связанную с использованием слов и словосочетаний, для которых в языке российской юриспруденции отсутствует эквивалентная терминология. Одно из подробных современных исследований указанной проблемы провела Г. М. Лановая на примере юридического термина «поощрение прав» (*promotion of rights*), показав, что предлагаемые многими российскими учеными аналоги поощрения прав как специфического вида деятельности, осуществляемого государствами как субъектами международного права, а также международными, в том числе неправительственными, организациями, не в полной мере соответствуют значению *promotion of rights* — термина, встречающегося в тексте Устава ООН, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о правах инвалидов [8, с. 6–10]. Вместе с тем в случае сосредоточения научного внимания не на поиске лексических аналогов замысловатого международно-правового термина, а на установлении единообразно понимаемых критериев его использования в юридическом тексте было бы возможно существенно упростить процесс проникновения терминологического референта соответствующего юридического понятия в пространство языка перевода. Так, единообразно понимаемые критерии в англоязычной юридической литературе сделали возможным использование взаимозаменяемых терминов: «право хранить молчание»

(англ. «right to remain silent») и «привилегия против самообвинения» (англ. «privilege against self-incrimination») [20, с. 521–539]. Напротив, в процессе имплементации норм международного права в китайском законодательстве, как правило, исключается использование различных терминов для обозначения одного понятия. По этому поводу обратившийся к исследованию действия норм международного права в правовой системе Китайской Народной Республики В. В. Гаврилов отмечает, что в нормативных правовых актах КНР при помощи использования термина «международная практика» осуществляется фактическая референция нескольких юридических понятий из области международных отношений [4, с. 138–151].

Таким образом, перенос эпистемологических акцентов с поиска, обусловленного ситуацией словоупотребления, смысла юридического термина или его синонима (или буквального перевода) на выработку единообразно понимаемых критериев раскрытия значения специальной лексики позволит существенно расширить возможности юридической техники словоупотребления в процессе составления текста закона или международного договора.

Помимо этого, ключ к разумной аттестации юридических терминов, содержащийся в рассматриваемом тезисе В. В. Путина, может стать краеугольным камнем (Иов. 38:6) борьбы с теоретико-правовым ревизионизмом в истории юриспруденции. Например, А. Ю. Скуратова представляет скрупулезный анализ множества доктринальных оценок Нюрнбергского процесса — международного судебного разбирательства в отношении руководителей гитлеровской Германии в связи с совершенными ими злодеяниями. Исследователь приводит факты, указывающие на строгое соответствие судебного разбирательства, проходившего в послевоенном немецком Нюрнберге, международным правовым положениям, отражавшим правосознание всего цивилизованного человечества, а также стандартам защиты прав обвиняемых, характерным для того времени. Вместе с тем в зарубежном юридическом дискурсе и, как следствие, в иностранной юридической литературе имели место мнения иного содержания, основанные на том, что понятие агрессивной войны и соответствующий ему юридический термин, использованные для номинации международного преступного деяния в Уставе Нюрнбергского трибунала, во-первых, не имеют дефиниции, а во-вторых, по состоянию на 1939 г. относительно их значения в международном праве не было согласия, что свидетельствует о нарушении принципа «*nullum crimen sine lege*». В целях преодоления указанных ревизионистских аргументов А. Ю. Скуратова ссылается на довод о специфическом характере реализации принципа законности в международном праве и, следовательно, о неуместности

постановки вопроса о его нарушении, что объясняется наличием в международном праве обычных норм, в которых не могут быть закреплены конкретные составы преступлений [15, с. 7–24]. Единообразно понимаемым критерием в данном случае выступает принцип законности, определяемый не строго формально с точки зрения конкретных формулировок международного акта, а с позиции общего соответствия совершенных деяний идее противоправности и наказуемости.

Таким образом, выдвинутый Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным 28 сентября 2015 г. на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН тезис о понятности, прозрачности и единообразии понимания юридических терминов, используемых в процессе международного общения, не потерял злободневности и значимости, а его развитие обеспечивает дальнейшую актуализацию

изучения проблем ясного понимания международной юридической терминологии.

Более того, комплексная оценка лексического аспекта международных, юридических, социальных, управленческих тенденций находит в настоящее время свое воплощение и развитие в рамках формирования основ государственной политики России через «обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка» в процессе осмысления «социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт»⁷.

⁷ Подпункт «Л» п. 24 Указа Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 01.02.2025).

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учебное пособие. 2-е изд., испр. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 360 с.
2. Войтович Е. П. Международное семейное право: terra incognita // Международное публичное и частное право. 2022. № 6. С. 21–24.
3. Выступление на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций («Саммите тысячелетия») // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22231> (дата обращения: 10.05.2025).
4. Гаврилов В. В. Действие норм международного права в правовой системе Китайской Народной Республики // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 138–151.
5. Должиков А. В. Чужой среди своих: общие принципы международного административного права (на примере обязательства мотивировать решения) // Международное право. 2024. № 3. С. 3–28.
6. Кобзаренко Е. М. Защита чести, достоинства и деловой репутации лица после его смерти (гражданский процессуальный аспект) // Современное право. 2022. № 5. С. 86–90.
7. Кувшинов В. А. Кейптаунская конвенция о международных имущественных правах на подвижное оборудование 2001 г. и Протокол по авиационному оборудованию к этой Конвенции // Государство и право. 2003. № 2. С. 75–84.
8. Лановая Г. М. «Поощрение прав» в языке международного права и в отечественной науке международного публичного права // Международное публичное и частное право. 2024. № 3. С. 6–10.

References:

1. Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku : uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. M. : Editorial URSS, 2003. 360 s.
2. Vojtovich E. P. Mezhdunarodnoe semejnoe pravo: terra incognita // Public International and Private International Law. 2022. № 6. S. 21–24.
3. Vystuplenie na plenarnom zasedanii General'noj Assamblei Organizacii Ob"edinennyh Nacij («Sammite tysyacheletiya») // Prezident Rossii : ofic. sajт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22231> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
4. Gavrilov V. V. Dejstvie norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Kitajskoj Narodnoj Respubliki // Journal of Russian Law. 2024. № 11. S. 138–151.
5. Dolzhikov A. V. Chuzhoj sredi svoih: obshchie principy mezhdunarodnogo administrativnogo prava (na primere obyazatel'stva motivirovat' resheniya) // International Justice. 2024. № 3. S. 3–28.
6. Kobzarenko E. M. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoj reputacii lica posle ego smerti (grazhdanskij processual'nyj aspekt) // Modern Law. 2022. № 5. S. 86–90.
7. Kuvshinov V. A. Kejptaunskaya konvenciya o mezhdunarodnyh imushchestvennyh pravah na podvizhnoe oborudovanie 2001 g. i Protokol po aviacionnomu oborudovaniyu k etoj Konvencii // State and Law. 2003. № 2. S. 75–84.
8. Lanovaya G. M. «Pooshchrenie prav» v yazyke mezhdunarodnogo prava i v otechestvennoj nauke mezhdunarodnogo publichnogo prava // International and Private International Law. 2024. № 3. S. 6–10.
9. Lebedev M. Yu. Dostizhenie celi grazhdanskogo sudoproizvodstva po ego vidam i stadiyam // Russian Judge. 2023. № 8. S. 16–20.

9. Лебедев М. Ю. Достижение цели гражданского судопроизводства по его видам и стадиям // Российский судья. 2023. № 8. С. 16–20.
10. Международный форум «Развитие парламентаризма» // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/60894> (дата обращения: 10.05.2025).
11. Михайлова Е. В., Закирова И. И. К вопросу о механизме признания и приведения в исполнение актов иностранных судов на территории Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 30–35.
12. Нешатаева Т. Н. Защита гражданских прав и судостроительство в евразийском контексте // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 82–98.
13. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 11–16.
14. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. 607 с.
15. Скуратова А. Ю. Особенности содержания и применения принципа законности в международном уголовном праве // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 7–24.
16. Советский энциклопедический словарь. М. : Издательство «Советская энциклопедия», 1979. 1600 с.
17. Стенограмма выступления Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН // RG RU : сайт. URL: <https://rg.ru/2015/09/28/stenogramma.html> (дата обращения: 10.05.2025).
18. Фреге Г. Логика и логическая семантика : сборник трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова. М. : Аспект Пресс, 2000. 512 с.
19. Церемония вручения верительных грамот // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67250> (дата обращения: 10.05.2025).
20. Шатайлюк Е. Е. Молчание обвиняемого в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и иностранных юрисдикций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 521–539.
10. Mezhdunarodnyj forum «Razvitie parlamentarizma» // Prezident Rossii : ofic. sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/60894> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
11. Mihajlova E. V., Zakirova I. I. K voprosu o mekhanizme priznaniya i privedeniya v ispolnenie aktov inostrannyh sudov na territorii Rossijskoj Federacii // Arbitrazh and Civil Procedure. 2016. № 5. S. 30–35.
12. Neshataeva T. N. Zashchita grazhdanskih prav i sudoustrojstvo v evrazijskom kontekste // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 10. S. 82–98.
13. Nesterov A. V. O cifrovyyh pravah i ob'ektah cifrovyyh prav // Law and Digital Economy. 2020. № 1. S. 11–16.
14. Platon. Dialogi. M. : Mysl', 1986. 607 s.
15. Skuratova A. Yu. Osobennosti soderzhaniya i primeneniya principa zakonnosti v mezhdunarodnom ugovnomom prave // Russian Juridical Journal. 2024. № 1. S. 7–24.
16. Sovetskij enciklopedicheskij slovar'. M. : Izdatel'stvo «Sovetskaya enciklopediya», 1979. 1600 s.
17. Stenogramma vystupleniya Vladimira Putina na General'noj Assamblei OON // RG RU : sajt. URL: <https://rg.ru/2015/09/28/stenogramma.html> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
18. Frege G. Logika i logicheskaya semantika : sbornik trudov / per. s nem. B. V. Biryukova. M. : Aspekt Press, 2000. 512 s.
19. Ceremoniya vrucheniya veritel'nyh gramot // Prezident Rossii : ofic. sajt. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67250> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
20. Shatajlyuk E. E. Molchanie obvinyaemogo v ugovlovno-processual'nom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii i inostrannyh yurisdikcij // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2023. № 3. S. 521–539.

Для цитирования:

Салтыков Константин Геннадьевич. Один тезис Президента Российской Федерации В. В. Путина о юридической терминологии // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 38–45.

For citation:

Saltykov Konstantin Gennadievich. One Thesis of the President of the Russian Federation Vladimir Putin on Legal Terminology // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 38–45.

Самodelкин Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники,
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,
Российская Федерация, 117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

E-mail: 2mvdord@mail.ru

Мелихов Александр Иванович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: M-13913@ya.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.985.7

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-46-57

Дата поступления статьи: 16 июня 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Институциональные различия между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в свете теории национальной безопасности

Institutional Differences between Operational-Investigative, Intelligence and Counterintelligence Activities in the Light of National Security Theory

Аннотация

Актуальность: в условиях трансформации угроз национальной безопасности и появления гибридных форм преступности, включая кибермошенничество и информационные диверсии, возрастает необходимость глубокого переосмысления соотношения оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности как ключевых элементов системы государственной безопасности.

Постановка проблемы: на сегодняшний день в российской юридической доктрине отсутствует единая трактовка разграничения оперативно-розыскной деятельности, разведки и контрразведки. Это порождает институциональные и правовые противоречия, препят-

Aleksandr Sergeevich Samodelkin,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Operational-
Investigative Activities and Special Equipment,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia Federation named after
V.Ya. Kikot` ,

Russian Federation, 117997, Moscow,
Academician Volgina St., 12
E-mail: 2mvdord@mail.ru

Aleksandr Ivanovich Melikhov,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory
and Methodology of Public Administration,
Management Academy of the Ministry of the Interior
of Russia, Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: M-13913@ya.ru

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

Relevance: in the context of the transformation of threats to national security and the emergence of hybrid forms of crime, including cyber fraud and information sabotage, there is an increasing need for a deep rethink of the relationship between operational search, intelligence and counterintelligence activities as key elements of the state security system.

Problem statement: to date, Russian legal doctrine lacks a unified interpretation of the distinction between operational investigative activities, intelligence and counterintelligence. This creates institutional and legal contradictions that hinder effective coordination between different security structures.

ствующие эффективной координации различных структур обеспечения безопасности.

Целью исследования является формирование целостного научного подхода к анализу институциональных различий между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в контексте теории национальной безопасности, а также разработка концептуальных основ их разграничения и координации.

Методы исследования: авторы используют междисциплинарный подход, основанный на авторской теории национальной безопасности, а также системный, сравнительно-правовой и историко-юридический методы. Проанализированы работы ведущих российских ученых, а также правовые модели США и Великобритании.

Результаты и ключевые выводы: установлено, что оперативно-розыскную деятельность следует рассматривать как юридически регламентированный механизм борьбы с внутренними криминальными угрозами, в то время как разведка и контрразведка действуют преимущественно в сфере внешних и латентных угроз, опираясь на военную и политическую доктрину, для которых оперативно-розыскная деятельность является одной из правовых форм реализации результатов их работы в юрисдикции Российской Федерации. Авторы предлагают разграничивать эти три направления не только по субъектам и задачам, но и по моральным основаниям и степени допустимой негласности. Подчеркивается необходимость нормативной фиксации границ оперативно-розыскной деятельности как «русла» в системе сдержек и противовесов, в отличие от «джокерной» природы разведки и контрразведки. Сделан вывод о целесообразности интеграции данных форм деятельности на уровне институционального проектирования при сохранении их правовой автономии. Обозначена ключевая роль междисциплинарной методологии теории национальной безопасности в формировании целостного научного подхода к анализу указанных видов деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; контрразведка; разведывательная деятельность; национальная безопасность; система сдержек и противовесов; криминальная угроза; государственная безопасность; мораль и право; негласность; профилактика правонарушений; внутренние угрозы; внешние угрозы.

The purpose of the research is to form a holistic scientific approach to the analysis of institutional differences between operational-investigative, intelligence and counterintelligence activities in the context of national security theory, as well as to develop a conceptual framework for their differentiation and coordination.

Research methods: the authors use an interdisciplinary approach based on the author's theory of national security, as well as systematic, comparative-legal and historical-legal methods. The work of leading Russian scientists, as well as the legal models of the United States and Great Britain, is analyzed.

Results and key conclusions: It has been established that operational investigative activities should be considered as a legally regulated mechanism for combating internal criminal threats, while intelligence and counterintelligence operate primarily in the field of external and latent threats, relying on military and political doctrine, for which operational investigative activities are one of the legal forms of implementing the results of their work in the jurisdiction of the Russian Federation. Federation. The authors propose to distinguish these three directions not only by subjects and tasks, but also by moral grounds and the degree of permissible secrecy. The need for normative fixation of the boundaries of operational investigative activities as a "channel" in the system of checks and balances is emphasized, in contrast to the "joker" nature of intelligence and counterintelligence. The conclusion is made about the expediency of integrating these forms of activity at the level of institutional design while maintaining their legal autonomy. The key role of the interdisciplinary methodology of national security theory in the formation of a holistic scientific approach to the analysis of these types of activities is outlined.

Keywords: operational investigative activities; counterintelligence; intelligence activities; national security; system of checks and balances; criminal threat; state security; morality and law; secrecy; prevention of offenses; internal threats; external threats.

Современные вызовы во внутренней и внешней сфере национальной безопасности обуславливают необходимость пересмотра и углубления научного понимания соотношения оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), разведывательной и контрразведывательной деятельности

(далее – РД и КРД). Вопрос не носит чисто теоретический характер, он затрагивает фундаментальные аспекты устойчивости и защищенности национального суверенитета.

Новые вызовы (кибершпионаж, информационные атаки, гибридные войны) сделали вопрос взаимодействия разных органов безопасности еще более значимым. Мы стремимся привнести в дискуссию свежий взгляд, опираясь на междисциплинарную методологию теории национальной безопасности и учитывая морально-этические и организационные аспекты, которые ранее освещались недостаточно. Таким образом, работа не просто повторяет известные тезисы, а синтезирует их и предлагает новые ракурсы анализа.

Современные формы преступности выходят за рамки классических уголовных деяний. Особенно опасными становятся гибридные угрозы, при которых границы между преступной, террористической и разведывательной деятельностью стираются. Участие иностранных государств или их спецслужб в организации финансовых преступлений, кибермошенничества, создания фейковых некоммерческих организаций, сетевых деструктивных движений и информационных атак делают невозможным эффективное реагирование в рамках исключительно юрисдикционных институтов.

При этом оперативно-розыскные подразделения зачастую первыми сталкиваются с внешними уголовно-правовыми проявлениями, не осознавая их глубинной разведывательной или подрывной природы. Например, использование легальных схем псевдоинвестиций с последующим выводением капиталов может одновременно быть элементом финансовой диверсии, координируемой иностранной разведкой. Это требует тесной интеграции ОРД с механизмами разведки и контрразведки, а значит, методологического и правового переосмысления их соотношения.

Исследование соотношения ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности приобретает исключительную актуальность в условиях:

- появления гибридных преступлений и цифрового мошенничества, координируемого иностранными структурами;
- трансформации самих угроз: от материальных к сетевым, идеологическим, финансовым;
- необходимости институционального ответа на вызовы нового типа без разрушения правового порядка и легитимности государственной власти.

Без научно обоснованного подхода и глубокой интеграции указанных видов деятельности становится невозможным обеспечить превентивную защиту национальных интересов, устойчивость политической системы и доверие граждан к институтам безопасности.

В российской правовой традиции оперативно-розыскная, разведывательная и контрразве-

дывательная деятельность юридически разграничены, и на практике соответствующие органы действуют в рамках своей компетенции и законодательства. Никто не оспаривает, что оперативно-розыскные подразделения МВД России занимаются внутренними преступлениями, тогда как разведка и контрразведка (спецслужбы) противодействуют внешним угрозам. Однако появление новых, гибридных угроз национальной безопасности (киберпреступность, финансовые диверсии, сращивание криминала с деятельностью иностранных спецслужб) размывают границы традиционного разделения. Современные формы преступности нередко не укладываются в рамки исключительно уголовно-юрисдикционных институтов: например, финансовое мошенничество или кибератаки могут координироваться из-за рубежа, сочетая признаки уголовного преступления и разведывательно-подрывной операции. В таких условиях возникает практическая необходимость переосмысления взаимодействия между ОРД, разведкой и контрразведкой. Наша работа призвана не отрицать существующее правовое разграничение, а дополнить его: авторы предлагают концептуальный взгляд на интеграцию этих деятельностей на методологическом и институциональном уровне при сохранении их правовой автономии. Иными словами, речь идет о более тесной координации и обмене методиками между структурами безопасности (с учетом новых угроз) без отмены законодательного разделения их полномочий. Мы предлагаем интегративный подход, который позволяет адекватно анализировать зарубежный опыт и выработать согласованные решения в сфере безопасности. Мы разделяем научную линию по концептуальной интеграции этих понятий при сохранении институциональных границ. Таким образом, речь идет о создании общей стратегической платформы, единого информационно-оперативного пространства, где результаты разведывательной и контрразведывательной работы эффективнее транслируются в практику ОРД. При этом каждая служба сохраняет свои законодательные функции, но лучше координирует их с другими.

Наш подход соответствует междисциплинарной теории национальной безопасности, выходящей за рамки формально-юридических разграничений к комплексному анализу указанных явлений как элементов единой системы. Указанная теоретическая новация, по нашему мнению, оправдывает призыв к «переосмыслению» соотношения указанных категорий.

Начнем исследование точек зрения на поднятую научную проблему с классических публикаций, входящих в состав наследия оперативно-

розыскной науки. В большинстве определений авторов [2, с. 17; 5, с. 9; 9, с. 8 и др.] ОРД трактуется как система разведывательных мероприятий, осуществляемых преимущественно негласно, с применением специальных методов и средств, направленных на предупреждение, выявление и раскрытие преступлений.

И. А. Климов рассматривает ОРД как сложное, многогранное и исторически обусловленное явление, тесно связанное с понятиями разведка и контрразведка, но в то же время отличающееся от них по целям, субъектам и методам. Им подчеркивается негласный и защитный характер ОРД. Она представлена как форма двусторонней тайной борьбы между правопорядком и преступностью, где каждая сторона использует разведывательные и контрразведывательные подходы.

Разведка рассматривается И. А. Климовым в рамках «тайной борьбы» дуалистично, с одной стороны, ОРД – это деятельность по добычанию данных негласными методами, чаще всего скрытая от противоправных субъектов; с другой стороны, это разведка преступных структур направлена на сбор данных о действиях правоохранительных органов, их методах и целях для подготовки, совершения и сокрытия преступлений.

ОРД рассматривается им и как контрразведывательная деятельность, так как включает действия против разведки преступных формирований. Автор подчеркивает, что контрразведка по отношению к преступности есть подрывная деятельность, направленная на предупреждение, пресечение, разоблачение разведывательной деятельности преступников.

Таким образом, ОРД, по мнению И. А. Климова, включает в себя контрразведывательные элементы в силу борьбы с преступной разведкой.

С его точки зрения, использование понятий «разведка» и «контрразведка» применительно к ОРД позволяет более полно охарактеризовать двустороннюю тайную борьбу. При этом негласность выступает как инструмент разведки и контрразведки, а не самостоятельная характеристика ОРД.

Автор выступает за расширение и уточнение определения ОРД, предлагая концептуально включить в него элементы контрразведки как ответ на преступную разведку. При этом признается, что разведка преступников и ОВД методически похожи (агентура, наблюдение), но легитимность, цели и правовая основа различны.

В итоге автор предлагает собственное определение ОРД ОВД как обусловленную разведывательно-подрывными действиями преступников контрразведывательную деятельность

сотрудников специализированных служб, осуществляемую на основе закона в целях предупреждения и раскрытия преступлений, а также розыска лиц, уклоняющихся от следствия, суда и отбывания наказания [6, с. 11–14].

Таким образом, И. А. Климов видит ОРД как контрразведку в правовом пространстве, противопоставленную преступной разведке. Он акцентирует внимание на диалектическом единстве и противоположности между действиями преступников и органов правопорядка.

Данную точку зрения поддерживают Ю. Н. Туганов и И. В. Петров. По их мнению, понятие «оперативная деятельность» охватывает сразу три области: оперативно-розыскную, разведывательную и контрразведывательную деятельность. Они подчеркивают, что такая широкая трактовка позволяет адекватно анализировать правовое регулирование в различных странах, особенно в условиях интеграционных процессов и необходимости сопоставления публично-правовых и частноправовых интересов [21, с. 340–342].

Авторы обращают внимание на то, что в российской правовой традиции ОРД, КРД и РД юридически разграничены. Однако в зарубежной практике, особенно в англосаксонской правовой системе, подход иной: законодательно фиксируются лишь общие рамки и цели, а значительную часть составляют нормативные акты подзаконного уровня и зачастую закрытого характера. Тем не менее ключевой проблемой является конфликт между необходимостью обеспечения государственной безопасности и защитой прав граждан. Этот конфликт, по мнению исследователей, является движущей силой развития правового регулирования всей системы «оперативной деятельности».

При этом особое внимание уделяется западному опыту, особенно правовой системе США, где деятельность спецслужб, включая ЦРУ и ФБР, регулируется не только законами, но и открытыми указами президента (например, исполнительный приказ от 1981 г. № 12333) [21, с. 345]. В отличие от России и стран СНГ, где предпочтение отдается «ограниченному» подходу с минимизацией законодательных норм, США и страны ЕС развивают более «расширенный» подход с полной кодификацией механизмов контроля за ОРД, КРД и РД.

Также акцент делается на европейский опыт, в частности принятый в Великобритании в 2000 г. Regulation of Investigatory Powers Act, который систематизировал весь массив законодательства в сфере разведывательной и контрразведывательной деятельности, включая механизмы ограничения прав граждан [21, с. 347].

Подводя итоги, авторы делают вывод, что, хотя каждая страна имеет свою собственную си-

стему правового регулирования оперативной деятельности, можно выделить общую тенденцию к разграничению ОРД, РД и КРД на уровне законодательства. Однако границы между ними на практике остаются условными. При этом зарубежный опыт демонстрирует высокую степень интеграции этих функций в рамках единой доктрины национальной безопасности, а также наличие механизмов защиты прав граждан в условиях проведения специальных мероприятий [21, с. 348].

А. Ю. Шумилов предлагает глубокое и дифференцированное понимание соотношения ОРД, разведки и контрразведки, подчеркивая как историческую взаимосвязь, так и функциональные различия между этими направлениями [22].

Он справедливо, на наш взгляд, категорически отвергает представление о том, что разведывательная и контрразведывательная деятельности являются подвидом ОРД. Он считает это заблуждением, несмотря на поверхностные сходства в методах и целях. Он подчеркивает, что разведка имеет более древнее происхождение, а сама ОРД выделилась из единой агентурно-оперативной деятельности, применявшейся как в уголовном сыске, так и в контрразведке.

Что касается разведки и ОРД, то он указывает, что обе являются разновидностями государственного профессионального сыска. Однако разведка, особенно внешняя, направлена на иностранные угрозы, тогда как ОРД ориентирована на внутреннюю преступность и общеуголовные деяния. Тем не менее внутри ОРД существует компонент «разведывательной направленности против криминала», то есть криминальная разведка.

Контрразведывательная деятельность, по мнению А. Ю. Шумилова, охватывает большее поле задач, чем ОРД, и не может считаться ее разновидностью. Попытки рассматривать контрразведку как часть ОРД он считает ошибочными и объясняет это тем, что концепция ОРД формировалась преимущественно в среде МВД, где все смежные виды деятельности подводились под эту категорию.

Классик оперативно-розыскной науки справедливо подмечает, что до 1960-х годов в СССР существовало «агентурно-оперативное единство», из которого затем выделились более узкие формы: ОРД как инструмент МВД по борьбе с преступностью, разведка как инструмент внешнего наблюдения и контрразведка как защита от внутренних угроз (в том числе политических).

Он утверждает, что к 1980-м годам в СССР утвердилась концепция существования двух параллельных наук: теории оперативно-розыскной деятельности и теории контрразвед-

ки, что также закрепляет различие между этими сферами.

Не отрицая схожесть ОРД и РД, А. Ю. Шумилов вводит понятие «оперативно-розыскная информационно-аналитическая разведка», или «аналитическая разведка», как превентивное направление ОРД, обеспечивающее безопасность за счет упреждающей информации о возможных угрозах. Это направление сближает ОРД с разведкой и даже с функциями ФСБ и СВР.

В правоохранительных органах ОРД, по его мнению, может реализовываться как элемент собственной безопасности, или «оперативно-розыскной контрразведки», особенно в структуре МВД и ФСБ. Это, с точки зрения А. Ю. Шумилова, частный случай контрразведки, адаптированной к нуждам ведомства [22].

Таким образом, он демонстрирует широкое системное понимание всех трех направлений, признавая их историческую связанность, но настаивая на необходимости их четкого теоретического и практического разграничения.

С. И. Захарцев и В. П. Сальников, подробно рассматривая вопрос соотношения ОРД, разведки и контрразведки, указывают, что согласно действующему законодательству данные виды деятельности формально разграничены. Так, разведка, контрразведка и ОРД имеют различные правовые основания, отличаются целями, кругом субъектов и системой управления. Например, разведка и контрразведка регулируются федеральными законами, связанными с обеспечением государственной безопасности, тогда как ОРД регламентирована Федеральным законом от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Федеральный закон №144-ФЗ). Соответственно, разведка ориентирована на сбор данных в целях защиты национальных интересов и государственной безопасности, контрразведка — на пресечение разведывательной и иной подрывной деятельности иностранных структур, а ОРД направлена на борьбу с преступностью внутри страны [4, с. 95–96].

Тем не менее ведущие ученые подвергают сомнению достаточность исключительно нормативного подхода к определению различий между этими формами деятельности. Они подчеркивают, что исторически в отечественной практике границы между ОРД, разведкой и контрразведкой были гораздо менее четкими. Так, до 1991 г. нередко все три направления реализовывались в рамках одной государственной структуры, например в составе КГБ СССР, а до этого — в Народном комиссариате внутренних дел (НКВД). В этих ведомствах органы госбезопасности, внутренние войска и следственные службы функционировали в тесной взаимосвязи, и четкое разделение по видам деятельности практически не проводилось [4, с. 42–43].

Авторы обращают внимание, что в современной оперативной практике функциональные пересечения сохраняются. Так, Федеральная служба безопасности Российской Федерации в рамках контрразведывательного обеспечения также осуществляет мероприятия, имеющие характер ОРД, включая борьбу с общеуголовными преступлениями, например мошенничеством, контрабандой, незаконным оборотом оружия. Таким образом, контрразведка не просто взаимодействует с ОРД, а фактически включает в себя ее инструментарий, расширяя спектр оперативных возможностей [4, с. 97–98].

Дополнительно авторы рассматривают вопрос организационного разграничения разведки и контрразведки через призму политико-государственного управления. Они отмечают, что объединение указанных функций в рамках одного ведомства может способствовать более оперативной координации и информационному обмену. Однако при этом существует риск чрезмерной концентрации информации и аналитической власти в руках руководства такого ведомства, что может привести к искаженной картине происходящего в глазах высших органов государственной власти. С этой позиции разделение разведывательных и контрразведывательных структур способствует поддержанию баланса интересов и объективности государственного управления [4, с. 97–98].

Таким образом, авторы, признавая нормативные различия между ОРД, разведкой и контрразведкой, фактически указывают на их глубокую историческую и функциональную взаимосвязь. Они выступают за научно обоснованную оценку взаимодействия этих форм деятельности с учетом не только правовых рамок, но и политико-организационной целесообразности.

Помимо описанных, нам удалось найти еще ряд интересных научных публикаций, отражающих варианты решения поднятой научной проблемы, сущностно повторяющих уже представленные точки зрения [1; 7; 8].

В продолжение политического подхода к соотношению исследуемых видов деятельности мы можем предложить научному сообществу свою позицию относительно сути разделения этих видов деятельности.

В ходе анализа теоретических, философских и исторических особенностей уголовного сыска в России [12] нами было установлено, что современный институт оперативно-розыскной деятельности является результатом действия принципа разделения властей и создания действенной системы сдержек и противовесов [11, с. 65–70; 14, с. 73–78; 16, с. 63–66;

17, с. 159–167], в этой связи выявлен ряд существенных отличий ОРД от КРД и РД.

1. ОРД ориентирована на контроль внутренней энтропии государства, в то время как разведывательная и контрразведывательная деятельность преимущественно направлены на противодействие внешним угрозам, включая борьбу с квазигосударственными структурами, формируемыми и поддерживаемыми иностранными государствами на территории РФ.

2. ОРД направлена на собственное население, и в соответствии с общечеловеческими нравственными установками ее задача — не устранение носителя криминальной угрозы, а его нейтрализация, привлечение к справедливому наказанию и последующее исправление. Нарушение этих нравственных принципов ведет к подрыву доверия к правоохранительной системе и может восприниматься обществом как агрессия, что дестабилизирует гражданский мир. Напротив, разведка и контрразведка как формы военной службы обращены против «чужих», и уничтожение источников внешней угрозы воспринимается как морально оправданное и даже необходимое.

3. РД и КРД как виды негласной военной деятельности менее всего ограничены правом, что делает их применение непредсказуемым и эффективным в отношении внешнего врага и его проявлений внутри страны. Если провести аналогию с разработанной Дж. Соросом теорией русел и джокеров [20], позволяющей предсказывать поведение системы в будущем, то РД и КРД являются «джокерами». ОРД, осуществляемая в юрисдикции страны, должна быть «джокером» только для преступников, а для населения страны и государства она должны быть «руслем» как регламентированная законом предсказуемая деятельность, инициирующаяся и ведущаяся по всем известным правилам. Применение ОРД к населению как «джокера» приводит к созданию угроз гражданскому миру и согласию в обществе. Так было, например, когда в Российской империи и СССР данная деятельность регламентировалась только закрытыми ведомственными приказами. Требование предсказуемости для населения и государства привело к значительным ограничениям ОРД в части целеполагания собирания информации, ее обработки, анализа и накопления, что будет рассмотрено далее в нашем исследовании.

Разумеется, все органы государственной безопасности действуют на основании законодательства. В России, например, деятельность СВР регулируется Законом «О внешней разведке», ФСБ — Законом «О федеральной службе безопасности» и Законом «О контрразведывательной деятельности» и т. д. Наш же замысел

в п. 3 заключался в сравнении степени и характера правовых ограничений. ОРД МВД России максимально формализована и подотчетна закону: Федеральный закон № 144-ФЗ подробно регламентирует цели, задачи, принципы, перечень ОРМ, основания их проведения, предельные сроки и процедуры контроля. Кроме того, деятельность полиции и ОРД находятся под надзором прокуратуры, судов, обществ. ОРД – это по образному выражению «русло» (channel), которое действует по известным правилам и в публично-правовом поле.

В то же время разведка и контрразведка, особенно внешняя, обладают большей свободой маневра, поскольку оперируют во внеюрисдикционных ситуациях: за рубежом, в условиях секретности, против нелегальных игроков. Их деятельность частично покрыта государственными тайнами, ряд методов негласен и не детализирован в открытых законах. В этом смысле они более «автономны» и менее предсказуемы с позиции внутригосударственного права.

Разведка и контрразведка ограничены правом, но в иных рамках, нежели ОРД. Их нормативная база более гибкая, что отражает особый характер (например, военный или внешнеполитический) этих функций. Наше сопоставление относительно: мы ни в коем случае не подразумеваем противопоставления «законная ОРД – незаконная разведка», а лишь хотим подчеркнуть разницу между жестко процедурной правовой формой ОРД и рамочным мандатом разведорганов.

4. Объектом познания ОРД является население страны, включая всех пребывающих на ее территории, а предмет – криминальные проявления внутри общества, происходящие, как правило, на территории страны. РД и КРД нацелены на внешнеполитических противников и анализ их действий в исторической и стратегической перспективе.

ОРД – внутренне направленная деятельность, концентрирующаяся на противодействии уже проявившейся преступной активности, тогда как разведка/КРД – внешне ориентированные сферы, работающие с рисками еще до их выливания в преступления. И хотя ОРД преимущественно оперирует внутри государства, формально закон не исключает ее применения и вне территории РФ.

5. Фактически объектом ОРД является криминальная угроза (или преступное посягательство) как проявление опасных свойств субъектов, объектов и процессов опасности, а объектом контрразведывательной и разведывательной деятельности могут быть только опасные свойства. Чтобы стать объектом ОРД, опасные свойства должны проявиться и принять характер преступного посягатель-

ства, которое необходимо предупредить. Если предупреждение примет характер профилактики как средства инициативного воздействия на опасные свойства, то объект ОРД обоснованно расширится. Это негативно повлияет на государственную и политическую стабильность, гражданский мир и согласие в обществе. Соответственно, в этом выражается и действие принципа системы сдержек и противовесов. Учитывая высокую значимость для обеспечения национальной безопасности разведывательной и контрразведывательной деятельности, они могут воздействовать и на опасные свойства, не создающие угрозы, но форма реализации данных материалов все равно сведется к ОРД, что ограничивает их власть в системе сдержек и противовесов и вызывает необходимость обращения к внутригосударственной правовой форме реализации материалов.

Под словосочетанием «опасные свойства» мы понимаем потенциально угрозоносные характеристики субъектов, объектов или процессов, которые могут привести к угрозе безопасности, но пока ее напрямую не создали. Например, радикальные взгляды человека – это опасное свойство, хотя сам по себе он еще не совершил преступления; или уязвимость в компьютерной системе – опасное свойство объекта, хотя атаки еще не случилось. Разведка и контрразведка по долгу службы работают именно с такими феноменами: они выявляют риски на самой ранней стадии, часто до того, как возникла конкретная противоправная акция. Разведчики могут наблюдать за иностранным агентом, который еще не совершил диверсии (то есть обладают информацией о его опасном потенциале). Контрразведчики могут следить за эволюцией радикальных групп, даже если те пока не перешли к незаконным действиям. ОРД же вступает в игру, когда является событие или деяние, создающее угрозу, либо когда накоплена информация, достаточная для реагирования по закону. Иначе говоря, ОРД работает с уже проявленной опасностью (угрозой), а разведка и контрразведка могут работать с не проявленной, латентной опасностью.

Таким образом, под опасными свойствами мы понимаем латентные, потенциально враждебные факторы (например, экстремистские тенденции, разведывательный интерес противника), которые еще не оформились в преступление. Разведка/контрразведка работают на опережение, отслеживая такие факторы. ОРД же вступает в дело, когда опасное свойство реализовалось как уголовно наказуемое деяние либо непосредственная угроза его.

Мы не отрицаем профилактические функции ОРД, однако имеем в виду ситуацию, когда органы начинают профилировать не конкретные готовящиеся преступления, а любые потенциально опасные проявления, еще не перешедшие грань незаконности. Такой подход фактически стирает грань между полицейской деятельностью и оперативной работой спецслужб (для которых как раз характерна превентивная разведка). В этом случае ОРД стала бы равной разведке и контрразведке по охвату, то есть контролировала бы не только преступления и прямые угрозы, но и любые «неблагоприятные тенденции» среди населения. Это, безусловно, сломало бы баланс системы сдержек и противовесов и действительно могло бы привести к злоупотреблениям, ущемлению прав граждан и росту социального напряжения. Подобные опасения небезосновательны: в истории известны примеры, когда чрезмерно широкой профилактикой оправдывались массовые репрессии.

6. Лица, осуществляющие ОРД в ОВД, как правило, не противопоставляют себя объекту своего воздействия — населению. Являясь неким авангардом многонационального народа России, они не отделяют его от себя, оставаясь его частью. Разделение институтов участкового и оперативного уполномоченных связано как раз с необходимостью службы оперативных уполномоченных в интересах всего многонационального народа РФ. В то время как участковым уполномоченным весьма трудно избежать влияния местных интересов на свою деятельность.

Что касается сотрудников разведывательных и контрразведывательных подразделений, то они неизбежно противопоставляют себя противнику, поскольку специфика их деятельности предполагает конфронтацию с внешними силами. Осознание общности интересов или идентификация с профессиональным сообществом противника подрывают основы государственной безопасности и могут иметь разрушительные последствия, аналогичные тем, что наблюдались в истории при братании на фронтах, росте революционных настроений в действующих воинских частях, завершавшихся убийствами командиров и вооруженными мятежами.

7. У ОРД ОВД и ОРД иных специальных служб совершенно разные причины негласности их работы и источники правил их деятельности. Если негласность ОРД ОВД обусловлена моральными причинами — порицаемостью скрытого наблюдения за «своими» при недоказанности совершения ими преступления (действие презумпции невиновности, сдерживающей данную деятельность, стремящуюся к расширению зоны контроля) и интересами соб-

ственной безопасности, то негласная работа спецслужб обусловлена ведением операций в условиях, выходящих за пределы обычных правовых процедур [3, с. 459]. ОРД ОВД в этом отношении сильно ограничена законом и сферой своей деятельности, которую Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» определяет как обеспечение общественной безопасности. Задача разведывательной и контрразведывательной деятельности — обеспечение государственной безопасности. Важно отметить, что данное разделение является условным, поскольку ОРД не ограничена институтом подведомственности, в результате чего все вышеназванные направления деятельности проявляют себя в той или иной мере в обеспечении всех видов безопасности. Сам по себе секретный метод не делает деятельность именно оперативно-розыскной — негласность свойственна всем видам «тайной борьбы», включая разведывательные операции. Поэтому в теоретическом плане следует отметить, что негласность — это атрибутивный признак, объединяющий ОРД с разведкой/контрразведкой (в рамках единой системы оперативных мер), но не достаточный для их отождествления. Так, внешняя разведка и контрразведка действуют преимущественно негласно, но, по сути, не являются ОРД, поскольку отличаются целями, масштабом и правовым режимом деятельности.

8. Задачей ОРД не является профилактика преступности в рамках предложенной нашей авторской теории безопасности, в которой мы различаем профилактику и предупреждение. Профилактика — этап работы, проводимой обществом и государством со свойствами объектов, процессов, субъектов и их деятельности, представляющими криминальную опасность, в целях недопущения проявления данных свойств в виде угрозы объектам обеспечения безопасности. Предупреждение — этап работы, проводимой правоохранительными органами и специальными службами с проявлением этих опасных криминальных свойств в виде криминальных угроз безопасности в целях недопущения причинения ущерба объектам безопасности. Посткриминальная профилактика — этап работы, проводимой государственными органами, задействованными в уголовном и уголовно-исполнительном процессе, с субъектом, причинившим вред или создавшим реальную угрозу его причинения, в целях недопущения подобных деяний иными носителями опасных свойств, а также реализации принципа неотвратимости ответственности, минимизации и возмещения причиненного ущерба [10, с. 81–87; 13, с. 79–92; 15, с. 158–166; 18, с. 150–156; 19, с. 206–215], поскольку это будет дестаби-

лизировать создавшуюся устойчивую систему сдержек и противовесов в государстве и расширит сферу применения ОРД до неизмеримых масштабов. Основанием для проведения ОРМ станут не только проявления опасных свойств субъектов в виде преступных посягательств, но и наличие у субъектов данных опасных свойств, что делает ее равной контрразведывательной и разведывательной деятельности. Предупреждение преступлений – важнейшая функция ОРД, и ее нельзя игнорировать при разграничении. Мы подчеркнем, что выявление и устранение причин преступности – неотъемлемая часть ОРД, отличающая ее от внешней разведки. Тем не менее профилактика в понимании ОРД имеет свои пределы: она осуществляется в рамках правового поля и презумпции невиновности (например, профилактические ОРМ проводятся гласно либо с санкции суда, касаясь конкретных угроз). Это важно, потому что чрезмерное расширение профилактики чревато превращением ОРД в инструмент слежения за всеми подряд, что неприемлемо.

9. В системе обеспечения национальной безопасности в части противодействия преступным посягательствам уголовный процесс и ОРД выступают не только как самостоятельные механизмы обеспечения национальной безопасности, реализующие принцип неотвратимости ответственности, но и как универсальные правовые процедуры, обеспечивающие уполномоченным органам доступ к мерам государственного принуждения, то есть служат формализованными способами легализации и использования полученной информации в рамках юрисдикции Российской Федерации.

Для контрразведывательной и разведывательной деятельности ОРД является преимущественно правовой формой реализации добывания информации о преступных посягательствах в юрисдикции РФ, в то время как для правоохранительной деятельности органов внутренних дел ОРД – это преимущественно форма добывания информации о преступных посягательствах.

Как нам видится, данная научная дискуссия представляет яркий пример научной синергии, позволяющей разрешить данный вопрос путем выделения трех основных точек зрения к соотношению ОРД, контрразведывательной и разведывательной деятельности:

– как инструментария борьбы с преступным миром (инструменты ОРД активно применяются в рамках контрразведывательных задач. Таким образом, разграничение между видами деятельности теряет смысл, когда речь идет о прикладной стороне: инструментарий единый, цели и институциональные рамки разные);

– функциональных составляющих единой системы обеспечения национальной безопасности (в рамках общей задачи обеспечения общенациональной безопасности границы между функциями и инструментами часто размыты, и реально формируется единое информационно-оперативное пространство);

– институтов, встроенных в систему сдержек и противовесов, обеспечивающих стабильность и устойчивость государственной системы управления (ОРД, юрисдикционно ориентированная и ограниченная публичным контролем, а разведка и контрразведка, обладающие большей автономией и особым правовым статусом. Различие между этими видами деятельности накладывает институциональные и правовые ограничения и поддерживает разделение властей и функций между структурами безопасности).

В завершение отметим ключевую роль методологии теории национальной безопасности как междисциплинарного научного подхода, оказавшего решающее влияние на разрешение спора о соотношении ОРД, разведывательной и контрразведывательной деятельности, позволившего вывести обсуждение из рамок формально-юридического разграничения и перейти к комплексному анализу этих феноменов как элементов единой системы. В рамках данной методологии оперативная деятельность анализируется не только через призму юридических норм, но и с позиций политической теории, социологии, философии и системного управления, что и позволило выделить три ключевых уровня их соотношения: как инструментария, как функциональных компонентов национальной безопасности и как институтов, встроенных в механизм сдержек и противовесов.

Цель нашего исследования – разработать целостный научный подход к анализу институциональных различий, а также предложить концептуальные основы их разграничения и координации. Таким образом, акцент сделан на теории и доктрине. Мы сознательно не формулируем детальных поправок в закон – это выходит за рамки одной статьи и требует отдельного всестороннего исследования с привлечением практических данных. Вместо этого авторы постарались обозначить направления, в которых целесообразно совершенствовать нормативную базу, опираясь на выявленные отличия. Предлагаем научной общественности и отдельным специалистам включиться в работу по интеграции рассматриваемых понятий и приведению нормативной правовой базы, их регламентирующей, в соответствие с реальными вызовами современности.

Список литературы:

1. *Агарков А. В.* Разведывательная и контрразведывательная деятельность — особенный вид ОРД? // *Оперативник (сыщик)*. 2012. № 4 (33). С. 23–27.
2. *Гребельский Д. В.* Теоретические основы и организационно правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. 381 с.
3. *Дугин А. Г.* Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М. : РОФ «Евразия», 2005. 624 с.
4. *Захарцев С. И.* Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке / С. И. Захарцев, Ю. Ю. Игнащенко, В. П. Сальников. М. : Норма, 2015. 400 с.
5. *Калинкович Л. Н.* Предмет, задачи и система курса «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел» // *Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел : сборник статей*. М., 1988. С. 9.
6. *Климов И. А.* О соотношении понятий «оперативно-розыскная деятельность», «разведка» и «контрразведка» // *Оперативник (сыщик)*. 2006. № 3 (8). С. 11–14.
7. *Лахин В. Д.* О соотношении разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности // *Вестник Омского государственного университета*. Серия. Право. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-razvedyvatelnoy-kontrrazvedyvatelnoy-i-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.06.2025).
8. *Легостаев В. П.* ОРД как вид правоохранительной деятельности и ее признаки // *Вестник Академии знаний*. 2013. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ord-kak-vid-pravoohranitelnoy-deyatelnosti-i-ee-priznaki> (дата обращения: 13.06.2025).
9. *Лекарь А. Г.* Предмет, задачи и система курса «Оперативно-розыскная деятельность органов охраны общественного порядка» // *Оперативно-розыскная деятельность органов охраны общественного порядка : учебник*. М. : ВШ МООП РСФСР, 1966. 432 с.
10. *Мелихов А. И.* Значение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел для единой системы профилактики правонарушений // *Философия права*. 2022. № 3 (102). С. 81–87.
11. *Мелихов А. И.* Исторические аргументы целесообразности разделения деятельности следственных органов и органов дознания на современном этапе развития российской системы выявления, раскрытия и расследования преступлений // *Вестник Крас-*

References:

1. *Agarkov A. V.* Razvedyvatel'naya i kontrrazvedyvatel'naya deyatel'nost' — osobennyj vid ORD? // *The Field Investigator (Sleuth)*. 2012. № 4 (33). S. 23–27.
2. *Grebel'skij D. V.* Teoreticheskie osnovy i organizacionno pravovye problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1977. 381 s.
3. *Dugin A. G.* Konspirologiya (nauka o zagovorah, sekretnyh obshchestvah i tajnoj vojne). M. : ROF «Evraziya», 2005. 624 s.
4. *Zaharcev S. I.* Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke / S. I. Zaharcev, Yu. Yu. Ignashchenkov, V. P. Sal'nikov. M. : Norma, 2015. 400 s.
5. *Kalinkovich L. N.* Predmet, zadachi i sistema kursa «Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del» // *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del : sbornik statej*. M., 1988. S. 9.
6. *Klimov I. A.* O sootnoshenii ponyatij «operativno-rozysknaya deyatel'nost'», «razvedka» i «kontrrazvedka» // *The Field Investigator (Sleuth)*. 2006. № 3 (8). S. 11–14.
7. *Lahin V. D.* O sootnoshenii razvedyvatel'noj, kontrrazvedyvatel'noj i operativno-rozysknoj deyatel'nosti // *Herald of Omsk University Series «Law»*. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-razvedyvatelnoy-kontrrazvedyvatelnoy-i-operativno-rozysknoy-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 13.06.2025).
8. *Legostaev V. P.* ORD kak vid pravoohranitel'noj deyatel'nosti i ee priznaki // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2013. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ord-kak-vid-pravoohranitelnoy-deyatelnosti-i-ee-priznaki> (data obrashcheniya: 13.06.2025).
9. *Lekar' A. G.* Predmet, zadachi i sistema kursa «Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov ohrany obshchestvennogo poryadka» // *Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov ohrany obshchestvennogo poryadka : uchebnik*. M. : VSh MOOP RSFSR, 1966. 432 s.
10. *Melihov A. I.* Znachenie operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del dlya edinoj sistemy profilaktiki pravonarushenij // *Philosophy of Law*. 2022. № 3 (102). S. 81–87.
11. *Melihov A. I.* Istoricheskie argumenty celesoobraznosti razdeleniya deyatel'nosti sledstvennyh organov i organov doznaniya na sovremennom etape razvitiya rossijskoj sistemy vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 2 (48). S. 65–70.

- нодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 65–70.
12. Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023. 604 с.
 13. Мелихов А. И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 79–92.
 14. Мелихов А. И. Оперативно-розыскная деятельность в современной системе разделения полномочий между федеральной и региональной властями Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление: вчера, сегодня, завтра : материалы научно-практической конференции с международным участием : в 3 ч. Луганск : ООО «Ноулидж», 2024. С. 73–78.
 15. Мелихов А. И. Предупреждение, предотвращение, профилактика и предостережение в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 158–166.
 16. Мелихов А. И. Разделение оперативности дознания и объективности следствия как залог национальной безопасности России // Криминологический журнал. 2020. № 4. С. 63–66.
 17. Мелихов А. И. Реализация конституционных принципов разделения властей и единства системы государственной власти (на примере оперативно-розыскной деятельности) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 159–167.
 18. Мелихов А. И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юристы-Правоведы. 2022. № 2 (101). С. 150–156.
 19. Самоделькин А. С., Тимофеев С. В. Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 206–215.
 20. Сорос Д. Алхимия финансов: с новым предисловием и введением / пер. с англ., вступ. слово П. Волкера. М. : Диалектика, 2011. 347 с.
 21. Туганов, Ю. Н., Петров И. В. Оперативно-розыскная, разведывательная и контрразведывательная деятельность: сравнительно-правовой анализ зарубежного и отечественного законодательства // Военное право. 2017. № 1 (41). С. 340–349.
 22. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней // Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. М. : издательский дом И. И. Шумиловой, 2013. Т. I. 455 с.
 12. Melihov, A. I. Konceptual'nye osnovy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti v processe operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del : dis. ... d-ra jurid. nauk. Volgograd, 2023. 604 s.
 13. Melihov A. I. Nacional'naya bezopasnost' v svete organicheskoj teorii gosudarstva // Security Issues. 2022. № 3. S. 79–92.
 14. Melihov A. I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sovremennoj sisteme razdeleniya polnomochij mezhdru federal'noj i regional'noj vlastyami Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie: vchera, segodnya, zavtra : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem : v 3 ch. Lugansk : OOO «Noulidzh», 2024. S. 73–78.
 15. Melihov A. I. Preduprezhdenie, predotvrashchenie, profilaktika i predosterezhdenie v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3 (62). S. 158–166.
 16. Melihov A. I. Razdelenie operativnosti doznaniya i ob"ektivnosti sledstviya kak zalog nacional'noj bezopasnosti Rossii // Russian Journal of Criminology. 2020. № 4. S. 63–66.
 17. Melihov A. I. Realizaciya konstitucionnyh principov razdeleniya vlastej i edinstva sistemy gosudarstvennoj vlasti (na primere operativno-rozysknoj deyatel'nosti) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3 (58). S. 159–167.
 18. Melihov A. I. Entropijnaya prestupnost' kak ugroza nacional'noj bezopasnosti // Jurist-Jurist. 2022. № 2 (101). S. 150–156.
 19. Samodelkin A. S., Timofeev S. V. Sovremennye metody vyavleniya i raskrytiya prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem cifrovyyh tekhnologij // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (101). S. 206–215.
 20. Soros D. Alhimiya finansov: s novym predisloviem i vvedeniem / per. s angl., vstup. slovo P. Volkera. M. : Dialektika, 2011. 347 s.
 21. Tuganov, Yu. N., Petrov I. V. Operativno-rozysknaya, razvedyvatel'naya i kontrrazvedyvatel'naya deyatel'nost': sravnitel'no-pravovoj analiz zarubezhnogo i otechestvennogo zakonodatel'stva // Military Law. 2017. № 1 (41). S. 340–349.
 22. Shumilov A. Yu. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i formirovanie nauki o nej // Operativno-rozysknaya nauka v Rossijskoj Federacii : monografiya : v 3 t. M. : izdatel'skij dom I. I. Shumilovoj, 2013. T. I. 455 s.

Для цитирования:

Самоделкин Александр Сергеевич, Мелихов Александр Иванович. Институциональные различия между оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельностью в свете теории национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 46–57.

For citation:

Samodelkin Aleksandr Sergeevich, Melikhov Aleksandr Ivanovich. Institutional Differences between Operational-Investigative, Intelligence and Counterintelligence Activities in the Light of National Security Theory // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 46–57.

Уваров Максим Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса
и правоохранительной деятельности,
Юридический институт
Российского университета транспорта,
Российская Федерация, 127994, г. Москва,
ул. Образцова, д. 9, стр. 9

Maxim Aleksandrovich Uvarov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law, Criminal Procedure
and Law Enforcement,
Law Institute
of the Russian University of Transport,
Russian Federation, 127994, Moscow,
Obraztsova St., 9, Building 9

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

УДК 347.21

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-58-68

Дата поступления статьи: 25 июня 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Трансформация права собственности в условиях цифровизации: публично-правовой подход

Transformation of Property Rights in the Context of Digitalization: A Public Law Approach

Аннотация

Актуальность: цифровизация радикально меняет классическую вещно-правовую модель собственности (абсолютность, исключительность, ривалитет использования), выводя в оборот нематериальные и нередко неривализируемые объекты – данные, цифровые активы и токенизированные права. Это требует сочетания частно-правовых конструкций с публично-правовым регулированием (конкуренция, приватность, справедливый доступ, безопасность).

Постановка проблемы: традиционные механизмы собственности и vindикации неприменимы к данным, которые могут одновременно использоваться множеством субъектов. Возникает задача доктринально и нормативно определить режим данных и иных цифровых объектов, распределить «баланс прав» между участниками и сбалансировать частные и публичные интересы.

Цель исследования: обосновать публично-правовой подход к трансформации института собственности в цифровой экономике и показать, как обновленные гражданско-правовые конструкции, договорные модели и специальные решения могут работать совместно.

Методы исследования: догматический анализ гражданско-правовых категорий; сравнительно-правовой обзор российского и европейского регулирования (GDPR, Data

Abstract

Relevance: digitalization is radically changing the classical property law model (absoluteness, exclusivity, and rivalry of use), bringing into circulation intangible and often non-materializable objects such as data, digital assets, and tokenized rights. This requires a combination of private law structures with public law regulation (competition, privacy, fair access, security).

Problem statement: the traditional mechanisms of ownership and vindication are not applicable to data that can be used simultaneously by multiple entities. The task arises to define the regime of data and other digital objects doctrinally and normatively, to distribute the “balance of rights” between the participants and to balance private and public interests.

The purpose of the study is to substantiate a public-law approach to the transformation of the institution of property in the digital economy and to show how updated civil law structures, contractual models and special solutions can work together.

Research methods: dogmatic analysis of civil law categories; comparative legal review of Russian and European regulation (GDPR, Data Governance Act, Data Act, art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation; Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020); analysis of judicial practice

Governance Act, Data Act, ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ); анализ судебной практики (включение криптоактивов в конкурсную массу); экономико-правовой подход (концепция Bundles of rights для данных).

Результаты и ключевые выводы: классическая модель собственности недостаточна для цифровых объектов; наиболее жизнеспособен комбинированный подход: распределение правомочий на данные («пакет прав») и усиление договорного регулирования при публично-правовых гарантиях справедливого доступа и защиты прав личности; допустимость точечной интеграции цифровых объектов в существующие институты (цифровые права, цифровые финансовые активы) при специальных ограничениях; необходимость дальнейших гармонизации и детализации законодательства, опирающихся на баланс конкуренции, приватности и инноваций.

Ключевые слова: цифровизация; право собственности; публично-правовой подход; данные; цифровые права; законодательство; судебная практика; цифровые активы.

(inclusion of crypto assets in the bankruptcy estate); economic-a legal approach (the Bundles of rights concept for data).

Results and key conclusions: the classical ownership model is insufficient for digital objects; the most viable combined approach is the distribution of data rights (“package of rights”) and strengthening contractual regulation with public law guarantees of fair access and protection of individual rights; the permissibility of point integration of digital objects into existing institutions (digital rights, digital financial assets) under special restrictions; the need for further harmonization and detailing of legislation based on a balance of competition, privacy and innovation.

Keywords: digitalization; property rights; public law approach; data; digital rights; legislation; judicial practice; digital assets.

Классическая модель права собственности, сформировавшаяся под влиянием римского права и развитая в континентальной правовой системе, долгое время оставалась основой регулирования имущественных отношений. Эта модель носит преимущественно частно-правовой характер и предполагает, что право собственности — абсолютное и исключительное господство владельца над вещью. Однако развитие цифровой экономики и появление принципиально новых объектов (таких как данные, информационные ресурсы и цифровые активы) выявили существенные недостатки традиционной конструкции. В цифровой среде прежние постулаты сталкиваются с вызовами, требующими пересмотра подходов к собственности и более активного участия государства в регулировании отношений, связанных с этими объектами. Публично-правовой подход к проблеме собственности на данные отличается от классического гражданско-правового тем, что акцент делает не только на правах отдельного собственника, но и на публичных интересах — обеспечении справедливого доступа, защите конфиденциальности, предотвращении монополизации ключевых ресурсов и иных вопросах, важных для общества.

Современное российское законодательство и практика отражают усиление внимания государства к информационным ресурсам. Так, по-

правки в Конституцию Российской Федерации 2020 года закрепили, что информация, информационные технологии и связь, а также обеспечение безопасности личности, общества и государства при их использовании находятся в ведении Российской Федерации (ст. 71)¹. Этим на высшем уровне подчеркнута значимость государственного регулирования оборота цифровых данных. Государственные программы и проекты (например, национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»²) и стратегические документы Европейского союза (стратегия Digital Single Market, европейская стратегия данных) предусматривают разработку единых подходов к обороту данных и цифровых объектов. В частности, в Европейском союзе предпринимаются шаги по созданию комплексного правового режима данных — от Закона о цифровом управлении данными (Data Governance

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.05.2025).

² Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» : утв. протоколом Президиума Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. // Минцифры : офиц. сайт. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacjonalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения: 25.05.2025).

Act, 2022)³ до Акта о данных (Data Act, 2023)⁴, направленного на обеспечение справедливого доступа к данным устройств интернета вещей. Все это свидетельствует о том, что трансформация права собственности в условиях цифровизации выходит за рамки сугубо гражданско-правовых изменений и предполагает выработку публично-правовых механизмов, обеспечивающих баланс интересов различных участников цифровой экономики.

В данной статье сначала кратко охарактеризуем основы классической модели права собственности, затем проанализируем ключевые вызовы, которые ставит перед ней цифровая эпоха. Основная часть исследования посвящена современным подходам к трансформации права собственности, как предлагаемым в науке, так и реализуемым на практике. Особое внимание уделено разграничению частноправовых и публично-правовых способов регулирования: от договорных конструкций до императивных норм и политики государства. В заключение сформулированы выводы о направлениях эволюции института собственности с учетом цифровой специфики, в том числе о необходимости гармонизации законодательства, развития технологических инструментов и учета этических аспектов. В статье приводятся конкретные примеры нормативных актов и судебной практики, иллюстрирующие становление новых подходов к праву собственности в цифровую эпоху.

Классическая модель права собственности. Классическая модель права собственности основывается на римско-правовых принципах и традиционно понимается в гражданском праве как совокупность триады полномочий: владения, пользования и распоряжения вещью. Для данной модели характерны несколько ключевых положений:

– абсолютность права собственности. Собственник обладает полным и исключительным правом владеть, пользоваться и распоряжаться своим объектом по своему усмотрению. Право собственности противопоставляется всем третьим лицам (*erga omnes*), и никто без согласия собственника не может претендовать на его вещь. В классическом немецком гражданском уложении (BGB) это отражено, например, в § 903 BGB [1];

– исключительность пользования. Только собственник вправе извлекать полезные свойства и выгоды из объекта; все остальные

лица ограничены в доступе к вещи без согласия собственника. Этот принцип связан с идеей, что собственность охраняет индивидуальные интересы обладателя имущества и гарантирует ему контроль над ресурсом;

– индивидуальность права. Право собственности на конкретный объект принадлежит, как правило, одному субъекту в одно время. Совладение хотя и возможно (долевая или совместная собственность), но рассматривается как особый режим. Классическая доктрина исходит из монолита права: наличие одного верховного владельца вещи;

– соперничество (ривалитет (от франц. *rivalité*, лат. *rivalitas* – соперничество; соревнование за одну и ту же цель)⁵) в использовании. Материальные объекты по своей природе ограничены и не могут одновременно использоваться множеством лиц без взаимного ущерба. Если одна вещь принадлежит одному, то другие ею пользоваться не могут. Отсюда вытекает необходимость четкого закрепления, у кого именно находится вещь, чтобы избежать конфликтов из-за ее одновременного использования.

Указанные принципы исторически хорошо работали в отношении материальных вещей в условиях индустриального общества. Право собственности обеспечивало предсказуемость и стабильность оборота, стимулировало инвестиции и хозяйственную активность, так как гарантировало владельцу исключительное господство над имуществом. Государственное вмешательство в эту сферу традиционно сводилось к минимально необходимому (защита от самоуправства, установление порядка принудительного изъятия в публичных целях, например реквизиции или национализации и т. п.). В целом классическая модель носила частноправовой характер, подкрепленный принципом неприкосновенности собственности. Например, ст. 35 Конституции Российской Федерации провозглашает, что право частной собственности охраняется законом, а лишение собственности возможно только по решению суда и с предварительной компенсацией. Подобные конституционные гарантии отражают фундаментальное значение классического понимания собственности.

Тем не менее еще до эпохи цифровизации право собственности не было абсолютно неограниченным: публично-правовые элементы проявлялись в ряде ограничений. Государство устанавливало рамки осуществления правомочий собственника в общественных интересах (например, земельное законодательство ограничивает использование участка требованиями градострои-

³ Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance (Data Governance Act) // Official Journal of the European Union. 2022. L. 152. P. 1–44.

⁴ Regulation (EU) 2023/1542 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on harmonised rules on fair access to and use of data (Data Act) // Official Journal of the European Union. 2023. L 130. P. 1–65.

⁵ Rivalité // Большой французско-русский словарь // SLOVARonline: сайт. URL: 'https://big-fr-rus-fr-dict.slovaronline.com/59785-rivalite%C3%A9' (дата обращения: 20.05.2025).

тельных регламентов, экологические нормы за-прещают собственнику недвижимости наносить ущерб окружающей среде, антимонопольные требования препятствуют злоупотреблению контролем над ресурсами и т. д.). Эти ограничения показывают, что даже классическая модель признавала необходимость учитывать публичный интерес. Однако в отношении традиционных вещей баланс частного и публичного был более-менее отлажен. Ситуация радикально изменилась с переходом к информационному, цифровому обществу, когда появились новые объекты и феномены, не вписывающиеся в прежние рамки.

Классическое вещное право решает конфликты ривализирующего использования материальных объектов: вещь не может эффективно использоваться многими одновременно, поэтому собственнику предоставляется исключительное господство (*erga omnes*) и «пространство свободы» для автономной жизненной организации [1]. Это объясняет устойчивость триады владение – пользование – распоряжение и § 903 BGB в германской традиции. Но по мере «оцифровки» объектов и процессов растет доля нематериальных благ, для которых ривалитет отсутствует или искажается, и тогда механизмы вещного права дают сбой [4].

Вызовы классической модели собственности в цифровую эпоху. Развитие информационных технологий и цифровой экономики привело к появлению новых объектов имущественных отношений, прежде всего данных (цифровой информации) и производных цифровых активов. Эти объекты обладают свойствами, которые ставят под сомнение применимость классических принципов собственности. Рассмотрим ключевые вызовы.

Данные не имеют физической осязаемой формы. Информация может быть бесконечно скопирована, передана и использована множеством лиц одновременно без исчезновения или порчи оригинала. Это кардинально отличается от материальных вещей, обладающих свойством ривалитета (неделимости использования без ущерба). Кристина Остерлох-Конрад отмечает, что отсутствие материальной природы и возможность многократного неущербного использования данных делают их крайне сложным объектом для правового регулирования в рамках традиционной модели собственности [5]. Действительно, трудно применить к данным понятие исключительного владения: если цифровой файл доступен в сети, его могут одновременно прочитать или скопировать многие, при этом оригинальный обладатель не лишается своей копии.

Классический институт виндикации (иск об истребовании собственности из чужого незаконного владения) неприменим к информации, поскольку информацию нельзя виндигировать в том же

смысле, что и вещь: нельзя изъять все экземпляры данных из чужого обладания, особенно если они уже распространились. Более того, сами участники оборота зачастую не рассматривают данные как чью-то вещь: бизнес-модели строятся на свободном обмене данными, их открытом распространении (*open data*) либо совместном использовании. Попытки ввести полноценное право собственности на данные могут столкнуться с невыполнимостью как практически (из-за невозможности полного контроля копирования), так и концептуально (данные – скорее результат интеллектуальной/творческой деятельности или личной информации, чем вещь). В результате правовой статус данных остается неопределенным: в большинстве юрисдикций прямо установлено, что данные (как сырой несистематизированный материал) не являются объектом эксклюзивного права по аналогии с вещами или интеллектуальной собственностью. Это вынуждает искать иные правовые механизмы защиты интересов, связанных с данными, – договорные, деликтные, специальные законы о тайне данных, о персональной информации и т. п., что выходит за рамки классического вещного права.

Цифровизация размывает границы того, что считается объектом собственности, особенно когда речь идет о данных, генерируемых физическими объектами. Возникает вопрос: кому принадлежат данные, собираемые «умными» устройствами, машинами с сенсорами, автомобилями с телеметрией и т. д. Традиционная концепция предполагала, что собственник вещи контролирует все, что с вещью связано. Однако в эпоху интернета вещей это уже не очевидно. Анне-Лаубер Рёнсберг обращает внимание на проблему прав на данные, генерируемые устройствами, находящимися в собственности разных субъектов [4]. Например, современный автомобиль собирает огромный массив данных о стиле вождения, техническом состоянии, геолокации. Эти данные ценны для производителя (для улучшения продукции или коммерциализации), для владельца автомобиля, для автосервиса, страховой компании и др. Возникают споры: автопроизводители нередко технически ограничивают доступ владельцев к телематическим данным автомобилей, утверждая де-факто «собственнические» права на них; в то же время владельцы и независимые сервисы требуют открыть доступ к этой информации.

Отдельный пласт споров касается фото- и видеофиксации вещей. Немецкая дискуссия (дела *Sanssouci*) показала: сам по себе факт съемки с общедоступной территории не нарушает право собственности, однако владельцу принадлежит контроль доступа к частной территории; коммерческая эксплуатация изображений, полученных с нарушением режима доступа, может ограничиваться через защиту владения и собственности [4].

Таким образом, границы права собственности на умное устройство перестают совпадать с границами материальной вещи — данные от вещи обособляются. В Германии и ЕС этот конфликт получил развитие в дискуссиях о «праве производителей данных» и противоположной концепции прав пользователя устройства. Европейская комиссия в Коммуникации 2017 г. «Построение европейской экономики данных» первоначально предлагала рассмотреть введение нового права для изготовителей IoT-устройств на данные, которые эти устройства генерируют. Однако такая идея встретила критику, поскольку фактически давала производителю монополию на данные и ущемляла бы интересы непосредственных пользователей и потребителей. В итоге в недавно принятом Регламенте ЕС 2023 г. «Акт о данных» (Data Act) выбран иной подход: обязанность производителей обеспечивать доступ пользователей к данным, которые собирают их устройства, и право пользователей делиться этими данными с третьими лицами. Например, владелец «умного» автомобиля по новым правилам сможет получить telematics-данные своего авто и передать их выбранному автосервису или страховой, тогда как раньше автоконцерн мог это запрещать технически или юридически. Эта ситуация наглядно демонстрирует публично-правовой элемент: законодатель (ЕС) вмешивается, чтобы сбалансировать интересы различных сторон и не оставить решение исключительно на усмотрение владельца устройства или компании-владельца платформы. Для классического гражданского права такой расклад нехарактерен: там данные, встроенные в вещь, шли бы «следующей» за собственностью на вещь. Теперь же требуются специальные нормы, определяющие, кто и на каких условиях может использовать связанные с вещью данные [7].

Аналогичные вопросы возникают и в российской практике. В условиях отсутствия прямых норм о праве на данные спорные ситуации решаются по аналогии или посредством иных институтов. Примером может служить многолетний спор между социальной сетью «ВКонтакте» и компанией Double Data о правомерности сбора общедоступных данных профилей пользователей без согласия соцсети. Фактически спор велся о том, обладает ли платформа исключительным правом (сходным с собственностью) на опубликованные на ней данные пользователей. Дело закончилось мировым соглашением в 2022 году, так и не дав четкого прецедента, что отражает правовой вакуум в вопросе «владения» такими данными. Очевидно, что по мере роста экономики данных законодатель должен определять границы допустимого поведения: что является легитимным сбором и использованием информации, а что — нарушением прав (например, нарушением режима базы данных, персональных данных

либо недобросовестной конкуренцией). Эти вопросы выходят за рамки традиционного вещного права и требуют тонкого баланса публично-правовых интересов (свободы информации, защиты конкуренции, прав потребителей на информацию) и частных интересов (стимулы собирать данные, защищать коммерческую ценность информации).

Данные и связанные с ними цифровые активы стали ключевым ресурсом современной экономики. По ценности для бизнеса большие объемы данных нередко сопоставимы или превосходят материальные активы. Вольфганг Кербер отмечает, что данные выступают базовым ресурсом цифровой экономики, способным принести значительные экономические выгоды, однако отсутствие четких правовых режимов владения и распределения данных приводит к конфликтам интересов между участниками рынка [3]. Эти конфликты проявляются в разных плоскостях.

Крупные технологические компании (владельцы платформ, поисковых систем, социальных сетей) накопили колоссальные массивы данных о пользователях и рынках. Возникает риск, что обладание этими данными станет фактором недобросовестной конкуренции — новички не могут конкурировать, не имея доступа к данным. Антимонопольные органы в ЕС и других странах все чаще рассматривают данные как элемент слияний или злоупотреблений доминирующим положением оценивается, не создаст ли эксклюзивные массивы данных барьеры для конкурентов. Классическое право собственности не учитывает таких моментов, ибо предполагает: у кого имущество, тот и вправе его монополично эксплуатировать. Но публичный интерес требует предотвратить ситуации, когда «данные — это новая нефть», и тот, кто контролирует «скважину» данных, диктует условия всему рынку. Отсюда появляются публично-правовые меры — обязательства по data sharing, правила портативности данных (например, право субъекта данных на перенос своих данных между сервисами, закрепленное в GDPR — ст. 20 Регламента (ЕС) 2016/679), требования к информационной открытости в секторах (Open Data директивы в отношении данных госсектора и др.)⁶.

Если данные касаются личности (персональные данные), экономическая ценность их для компаний сталкивается с фундаментальными правами самих граждан на приватность. Пра-

⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. 2016. L 119. Pp. 1–88 // EUR-Lex: сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 20.05.2025).

во собственности неприменимо к личности, поэтому здесь задействуются специальные публично-правовые режимы — законодательство о защите персональных данных запрещает обращение персональных сведений как «товара» без надлежащего основания. Например, компания, собравшая персональные данные, не может распоряжаться ими по своему усмотрению, несмотря на инвестиции в их сбор. Она ограничена требованиями Федерального закона «О персональных данных»⁷ и надзором Роскомнадзора. Таким образом, экономика данных постоянно балансирует между коммерциализацией (стремлением превратить данные в отчуждаемый актив) и регуляцией в общественных интересах (охрана частной жизни, информационной безопасности и т. п.). Публично-правовое регулирование вносит коррективы в классическое понимание: даже если данные собраны компанией, она не владеет ими так же свободно, как материальным имуществом — использование данных подчинено императивным нормам.

Еще один аспект — появление полностью цифровых объектов, претендующих на роль имущества, например криптовалют, токенов, виртуальных ценностей в онлайн-платформах. Здесь опять проявляется двойная тенденция: с одной стороны, участники рынка хотят уверенности, что такие активы признаются объектами собственности (чтобы можно было владеть, передавать, наследовать и защищать их от хищения). С другой стороны, государство стремится контролировать эти явления, поскольку они влияют на финансовую систему, могут использоваться в противоправных целях и т. д. В результате складывается компромиссный правовой режим. В России приняты специальные законы, например, Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸, который закрепил понятие цифровых финансовых активов (токенов) и цифровой валюты (криптовалюты), разрешив их ограниченный оборот. Однако такой оборот строго регламентирован: криптовалюта не признана законным средством платежа, сделки с ней допустимы в специальных порядках, под надзором Банка России и с налоговой отчетностью. Государство фактически ввело публично-право-

вой режим для этого типа цифрового имущества, не полагаясь лишь на автономию воли сторон. Аналогично в Гражданский кодекс Российской Федерации в 2019 году введено понятие цифровых прав (ст. 141.1)⁹ — особых объектов гражданских прав, существующих в информационных системах (по сути, права, удостоверяемые токенами). Хотя термин «права» используется вместо «вещи», по сути, закон создал новую категорию охраняемых имущественных интересов, адаптированную к цифровой форме. Это пример того, как законодатель пытается встроить экономически значимые цифровые феномены в юридическую систему: формально признает за ними статус объекта (позволяя применять аналогично право собственности и сделки), но устанавливает особые правила оборота, отличающие их от классических вещей¹⁰.

Таким образом, экономическая ценность данных и цифровых активов вынуждает государство искать баланс между стимулированием оборота (что требует придания им некоторого подобия правового статуса имущества) и предотвращением негативных эффектов (что требует специального регулирования и ограничений). Классическая модель собственности, будучи слишком «грубым инструментом», не обеспечивает такого баланса в новых условиях.

Новые подходы к трансформации права собственности. Столкнувшись с вышеперечисленными вызовами, юридическая наука и практика предложили ряд концепций и мер, направленных на адаптацию права собственности к реалиям цифровой эпохи. Эти подходы различаются по своей природе: одни остаются в русле частного права, другие требуют активного нормативного вмешательства государства. Рассмотрим основные из них.

Один из современных научных подходов предлагает отказаться от восприятия данных как единого объекта абсолютного права, вместо этого рассматривать их через призму «пучка (пакета) правомочий». Вольфганг Кербер развивает идею, что право на данные можно деконструировать на отдельные правомочия: право доступа к данным, право использования (обработки) данных, право контроля распространения и др. [3]. В рамках этой концепции никто не обладает «полным и исключительным» господством над информацией; вместо этого раз-

⁷ О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.05.2025).

⁸ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 20.05.2025).

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 октября 1994 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁰ О защите конкуренции : Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 20.05.2025).

личные участники могут иметь разные права в отношении одних и тех же данных. Например, производитель устройства может иметь право сбора определенных данных и их коммерческого использования, пользователь устройства — право доступа к персональным показателям и контроля их передачи третьим лицам, государство — право запрашивать критически важные данные в общественных целях (скажем, для реагирования на чрезвычайные ситуации).

Такая фрагментация прав позволяет гибко распределять выгодопользование и ответственность. Концепция *Bundle of rights* [2] фактически приводит к многосторонней модели управления данными, где нет единственного собственника, а есть совокупность правовых отношений между субъектами по поводу данных. Применение этого подхода требует нормативного закрепления различных видов правомочий. Частично он реализуется уже в существующих законах: к примеру, GDPR наделяет субъекта данных рядом неимущественных прав (на доступ, на исправление, на перенос данных) — это элементы пучка прав в отношении персональных данных, параллельно у контролера данных (оператора) имеются свои правомочия (обработка на законных основаниях), у государства — надзорные и регулятивные права. В сфере коммерческих данных Data Act также распределяет «пучок прав»: производителям — одни обязанности и правомочия, пользователям — другие, третьим сторонам — определенные права доступа при условиях, и т. д.

Для российской правовой системы внедрение концепции пучка прав означало бы отход от монолитного понимания имущественного права и признание множества параллельных правовых титулов на информацию. Это возможно через принятие специальных законов о данных, где будут определены различные правомочия различных субъектов (например, закон о больших данных, на обсуждение которого указывали в Минцифры, или комплекс поправок в ГК РФ о нематериальных благах). Пока таких всеобъемлющих норм нет, но тенденция идет к детализации правомочий. Концепция «пакета прав» обеспечивает публично-правовой баланс: она позволяет законодателю целенаправленно распределять права и обязанности в интересах общего блага (например, предусмотреть право государства запрашивать данные при эпидемиях, право пользователей на копию данных о них и т. д.), не сводя все к одной частной власти собственника.

Другой подход, частноправовой, по своей сути предполагает решать вопросы распоряжения данными преимущественно с помощью договоров между участниками. Анне-Лаубер Рёнсберг, анализируя конфликты вокруг данных устройств, делает вывод, что договорные соглашения — бо-

лее гибкий инструмент, чем попытка законодательно установить собственность на данные [4]. В ситуациях, когда несколько сторон заинтересованы в одних данных, они могут заранее распределить права и обязанности договором: кто имеет доступ, на каких условиях, какие ограничения на дальнейшее использование. Такой подход активно применяется на практике в бизнес-сфере: компании заключают соглашения об обмене данными, лицензии на использование массивов данных, договоры о конфиденциальности и недопустимости перераспространения и пр.

Преимущество договорного пути — его гибкость и способность учитывать специфику конкретных отношений. Там, где закон еще не успевает создать нормы, контрактное регулирование позволяет подстраховаться. В законодательстве ряда стран усиливается роль договоров: например, во Франции введено понятие соглашений о передаче данных в агросекторе (для урегулирования доступа фермеров и производителей техники к сельскохозяйственным данным). В международной торговле появляются типовые формы *data-sharing agreements*. Даже на уровне ЕС, как отмечалось в доктрине, хотя шел разговор о «праве собственности на данные», в итоге в 2019–2020 гг. законодатель сделал упор на стимулирование *fair contracts* о данных, запрещая только явно несправедливые условия (Акт о данных содержит положения, признающие ничтожными кабальные условия, навязанные сильной стороной в договоре о доступе к данным). То есть роль государства сводится к регуляции условий договоров (через императивные запреты злоупотреблений), а не к установлению содержательного права на данные.

Вместе с тем договорный подход имеет и ограничения. Он срабатывает там, где есть относительные отношения между известными сторонами. Но если одна из сторон — широкая публика или неидентифицируемый круг лиц (как с открытыми данными), договорное урегулирование затруднительно. Кроме того, сторона, не обладающая юридическим титулом, не всегда может навязать контрагенту заключение договора на выгодных условиях. Например, индивидуальный пользователь вряд ли сможет договорно отстоять у IT-гиганта свое право на портирование данных, если закон не обяжет последнего это право уважать. Поэтому на практике договорный метод часто дополняется публично-правовыми нормами, которые задают рамки для контрактов. Например, GDPR напрямую указывает, что согласие субъекта данных не может рассматриваться как свободное, если у контрагента монопольное положение, защищая тем самым слабую сторону. В целом усиление договорного регулирования — полезный и необходимый элемент, но он не устраняет потребность в законодатель-

ном вмешательстве там, где необходимо установить базовые правила игры и защитить общественные интересы.

Ряд исследователей предлагают для цифровых объектов, прежде всего данных, создавать новые категории прав, отличные от классического права собственности и от традиционных интеллектуальных прав. Идея состоит в том, чтобы признать за данными особый правовой режим. Ангар Оли высказывает мысль о необходимости разработки *sui generis*-решений для распределения данных, опираясь на опыт *immaterialg terecht* (права на нематериальные блага) [6]. По сути, речь идет о том, чтобы закон ввел новый объект права, например право на данные или несколько типов таких прав (в зависимости от вида данных), и детально определил содержание этих прав, их субъектов, условия возникновения и перехода.

Аналогии можно провести с уже существующими *sui generis* правами: так, в ЕС с 1996 года действует особое право создателя базы данных (права производителя базы данных, *Database Right*), которое не является ни авторским, ни патентным, ни обычной собственностью, а представляет собой отдельный вид исключительного права на определенный срок для лиц, инвестировавших в сбор данных. Другой пример: права на топологии интегральных микросхем или на сорта растений – тоже специфические режимы. Для данных в целом на международном уровне пока нет единого решения, но дискуссия идет. Некоторые страны пытаются на национальном уровне сформулировать понятие «права на персонифицированные данные». Так, в Китае в последние годы обсуждалось введение права собственности на данные в рамках реформ гражданского законодательства, хотя итоговая редакция Гражданского кодекса КНР 2020 г. напрямую этого не закрепила, ограничившись упоминанием защиты данных.

В российском контексте признаком движения в сторону новых категорий можно считать введение в ГК РФ уже упомянутых цифровых прав, а также существование правовых режимов, как бы параллельных собственности. Например, закон «О коммерческой тайне» фактически создает режим охраны конфиденциальной информации, давая обладателю информации юридически защищаемое право предотвращать несанкционированное разглашение (при соблюдении условий режима тайны). Это не право собственности, но особое имущественное право на нематериальный ресурс – информацию. Возможно, дальнейшая эволюция пойдет по пути расширения подобных *sui generis* прав: введения, скажем, особого права на индустриальные данные (неперсональные), чтобы защитить интересы их собирателя; либо права лица на результаты обработки больших данных и т. д. Создание новых кате-

горий – прерогатива законодателя, это ярко выраженный публично-правовой путь решения проблемы. Он позволяет тонко настроить права и обязанности, но чреват фрагментацией правового поля и сложностью для правоприменения (возникнет множество разных правовых конструкций). Поэтому важно, чтобы новые права вписывались в систему и не противоречили международным обязательствам. Например, в ЕС вместо предложения 2017 г. о праве производителя данных впоследствии решили не вводить новое исключительное право, посчитав, что это создаст больше проблем, чем решит. Вместо этого, как уже упоминалось, избран путь сочетания доступов и контрактов. Тем не менее точечные новые права уже появляются: упомянутый регламент ЕС о данных вводит понятия «Data holder» и «Data user» с определенными полномочиями, что, по сути, формирует новый вид правового отношения, ранее неизвестный.

В российской практике внедрение новых категорий прослеживается, например, в сфере цифровых прав: сейчас гражданско-правовая наука обсуждает идеи правового режима данных как самостоятельного объекта (некоторые авторы предлагают дополнить ст. 128 ГК РФ «Имущественные права на данные»). Также возможно появление прав на элементы цифровых профилей, на агрегированные обезличенные данные (как объект управленческих решений). Все это проявления тенденции, где публично-правовой законодатель конструирует новые права, чтобы заполнить пробел, оставленный неприменимостью классической собственности.

Помимо выработки абсолютно новых подходов, существует и стратегия адаптации традиционного права собственности путем постепенного включения цифровых объектов в его орбиту. Франц Хофманн и другие авторы подчеркивают, что эволюция должна в определенной мере сохранить преемственность: вместо радикального слома классической конструкции необходимо по возможности интегрировать цифровые объекты в существующую систему прав, скорректировав законодательство. Такой подход проявляется, например, в том, как разные юрисдикции решают вопрос о статусе криптовалют и токенов.

В ряде стран (Япония, Германия, Швейцария) были внесены изменения в гражданские кодексы или законы, позволяющие трактовать токенизированные активы как объекты собственности (вещи в обороте). Германия в 2021 г. приняла закон об электронных ценных бумагах, признав цифровую запись ценной бумаги юридически равнозначной бумажному сертификату, тем самым вписав цифровой токен в конструкцию права собственности на документарную ценность. В Японии криптовалюта признана видом имущественной ценности, с которой можно об-

ращаться почти как с вещью (за исключением некоторых особых правил). Таким образом, подход интеграции проявляется в обновлении дефиниций: расширении понятия имущества, введении юридической фикции, то, что запись в реестре имеет вещно-правовое значение, и т. д.

Российский законодатель также пошел по пути точечных изменений Гражданского кодекса и принятия специальных законов, чтобы встроить цифровые активы: как отмечалось, появился термин «цифровые права» в ГК РФ, принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Более того, судебная практика постепенно признает допустимость применения норм о вещных правах к новым объектам по аналогии. Так, в 2018 г. арбитражный суд в деле о банкротстве гражданина включил принадлежащие ему биткойны в конкурсную массу имущества должника, хотя на тот момент не было прямой нормы о правовом статусе криптовалют. Суд сослался на экономическую ценность актива и необходимость справедливого удовлетворения требований кредиторов, фактически приравняв криптовалюту к иному имуществу¹¹. Этот пример показывает стремление не исключать цифровые феномены из сферы действия имущественного права, а, наоборот, распространять существующие принципы на них с соответствующей коррекцией.

Однако интеграция не означает слепого переноса всех правил. Законодательство вводит и специальные положения: например, в ГК РФ прямо установлено, что осуществление цифровых прав возможно только через информационную систему (то есть в особом порядке), а в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — что сделки с цифровой валютой не влекут некоторых последствий, обычных для сделок с вещами (таких как обязанность контрагента принимать криптовалюту в оплату и др.). То есть сохраняется общая юридическая конструкция «имущество», но модифицируется режим под характеристики цифры. В этом и состоит суть подхода: эволюция посредством постепенных изменений, без революционного введения совершенно новых правовых институтов. Этот путь обеспечивает большую преемственность и предсказуемость:

¹¹ Требование о разрешении разногласий между финансовым управляющим и гражданином-должником удовлетворено, поскольку все имущество должника представляет собой конкурсную массу, которая подлежит формированию арбитражным управляющим; оснований для отказа в разрешении разногласий не имеется: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=MARB&n=1444056&req=doc> (дата обращения: 20.05.2025).

участники рынка лучше понимают измененные привычные нормы, чем абсолютно новые концепции. Публично-правовая роль государства здесь проявляется в корректировке законодательства и судебном толковании норм применительно к новым объектам. Например, для включения данных в оборот могут быть изменены нормы о вещах (некоторые авторы предлагают легально признать данные нематериальными вещами или особым объектом гражданских прав). Пока такой шаг не сделан, но локальные интеграционные меры (как в примерах выше) свидетельствуют о реализации данного подхода.

Перспективы гармонизации законодательства. Отдельным важным направлением трансформации права собственности в цифровой сфере являются гармонизация и развитие законодательства на национальном и международном уровнях. Для успешного реформирования правовых подходов необходимо учитывать следующие аспекты.

Цифровые отношения по своей природе трансграничны — данные перемещаются через юрисдикции мгновенно, цифровые платформы работают глобально. Поэтому разнонаправленные национальные решения могут создавать пробелы или коллизии. Один из трендов — выработка единообразных норм на наднациональном уровне. Примером служат усилия ЕС по созданию единого цифрового рынка: принятие общих регламентов, таких как уже упомянутые Data Governance Act 2022 и Data Act 2023, Регламент о защите персональных данных (GDPR) 2016, Директива об открытых данных 2019 г.¹² и т. д. Для России актуально участие в разработке модельных законов СНГ, сотрудничество в рамках ЕАЭС по вопросам обмена данными и сопоставимости правовых режимов. Международные организации (например, ООН — ЮНСИТРАЛ) тоже обращаются к теме цифровых активов, что может привести к унификации подходов к юридическому признанию, например, токенов и прав на них. Гармонизация позволит избежать ситуации, когда право собственности на данные признается в одной стране и не признается в другой, затрудняя обмен и защиту прав.

Законодательство все активнее опирается на технологические инструменты при оформлении и защите прав на цифровые объекты. Так, предлагается использовать смарт-контракты (автоматизированные цифровые сделки) и блокчейн-реестры для учета прав собственности на цифровые активы. Уже сейчас многие NFT-токены представляют собой запись в распре-

¹² Directive (EU) 2019/1024 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on open data and the re-use of public sector information // Official Journal of the European Union. 2019. L 172/56. Pp. 56–83 // EUR-Lex : сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L1024> (дата обращения: 20.05.2025).

деленном реестре, подтверждающую право владения цифровым предметом искусства или коллекционным объектом. Государства начинают экспериментировать с юридическим признанием таких регистраций. Кроме того, технологии позволяют осуществлять контроль за оборотом данных: например, с помощью специальных меток, DRM-систем можно ограничивать копирование или отслеживать использование данных. Публично-правовое регулирование может поощрять внедрение таких решений (создавать стандарты совместимости, требовать от операторов данных обеспечивать возможность выгрузки и передачи данных в машиночитаемом формате и т. п.). Еще один аспект — цифровизация самого реестра прав: переход к электронным реестрам прав на имущество, которые могут облегчить включение цифровых активов. В ряде стран обсуждается идея «реестра прав на данные», куда бы могли вноситься сведения о принадлежности особо значимых datasets. Хотя это пока только концепция, она показывает направление мысли: использовать технологию не только объектом регулирования, но и как часть механизма обеспечения прав.

Трансформация права собственности не может игнорировать этические вызовы цифровой эпохи. Государства при реформировании законодательства стараются обеспечить баланс между интересами бизнеса, государства и общества. Один из принципов — справедливый доступ к благам цифровизации. Например, в сфере данных это означает предотвращение ситуаций, когда исключительно коммерческие интересы ограничивают доступ общества к важной информации (таких как научные данные, данные государственных информационных систем и др.). Концепция Data commons (общественных информационных ресурсов) предлагает рассматривать некоторые данные как достояние общества, доступное широкой публике для инноваций и науки. Этический аспект включает и приватность: законодатель, вводя новые права на данные, обязан одновременно укреплять гарантии неприкосновенности частной жизни, недискриминационного использования данных об индивидууме. Публично-правовой подход требует также учета интересов государства в безопасности: свободное обращение данных может конфликтовать с задачами кибербезопасности, поэтому устанавливаются ограничения на вывоз данных за рубеж, требования локализации персональных данных (как в российском законодательстве), правила по обороту значимой информации. Все эти ограничения — часть новой публичной политики в сфере данных, которая дополняет гражданско-правовые конструкции. По сути, формируется комплексный правовой режим, включающий нормы административного, информационного, уголовного права наряду с гражданско-правовыми.

Только таким образом — межотраслевым, междисциплинарным усилием — можно создать эффективную систему регулирования цифровых отношений собственности.

Цифровизация радикально изменяет традиционный подход к собственности, требуя от правовой системы гораздо большей гибкости и адаптивности. Ключевые вызовы связаны с тем, что основной объект новой экономики — данные — нематериален, легко воспроизводим и часто одновременно ценен для многих субъектов. Классические принципы абсолютности и исключительности права собственности перестают работать в ситуациях, когда невозможен полный контроль над тиражированием ресурса и когда интересы участников требуют совместного использования информации. Кроме того, огромная экономическая значимость данных и цифровых платформ порождает риски монополизации и неравенства доступа, что выходит за рамки частных споров и затрагивает общественные интересы.

Предлагаемые подходы к трансформации права собственности — от концепции «пакета прав» и усиления договорных механизмов до создания новых категорий прав — свидетельствуют о стремлении юристов и законодателей преодолеть ограничения старой модели. Некоторые из этих подходов реализуются уже на практике: появляются нормы, распределяющие права на данные между разными участниками; государство все больше регулирует условия обращения данных и цифровых активов; суды начинают признавать цифровые объекты частью имущественного оборота, параллельно применяя к ним специальные правила. Формируется понимание, что право собственности в цифровую эпоху должно эволюционировать, сочетая частноправовые принципы с публично-правовыми элементами.

Публично-правовой подход, подчеркнутый в данной статье, отличается от классического гражданско-правового тем, что акцентируется роль государства и общих интересов при определении правового режима новых объектов. Если в классической конструкции собственник и его воля стояли в центре, то теперь в центр ставятся обеспечение конкуренции, защита прав личности, технологический суверенитет и развитие инноваций. Это не означает умаления значения частной собственности, но подразумевает ее ограничение и переформатирование в новых условиях. Право собственности становится более «разделяемым» и условным, что, впрочем, может повысить его эффективность и социальную приемлемость в цифровой среде.

На основании рассмотренного можно заключить, что для полноценной трансформации института собственности необходим комплексный пересмотр законодательства и доктрины. Необходимо движение в нескольких направлениях:

обновление гражданско-правовых норм (включая четкое определение статуса цифровых объектов и прав на них), развитие административно-правовых механизмов (надзор, регулятивные требования к обращению данных), международное сотрудничество в выработке единых подходов, а также правоприменительная практика, чув-

ствительная к изменениям (суды и органы власти должны смело, но обоснованно применять аналогию права и новые нормы к цифровым случаям). Только синергия частного и публичного начал позволит выстроить эффективную систему правового регулирования, отвечающую вызовам цифровой экономики и общества.

Список литературы:

1. Hofmann F., Raue B., Zech H. Eigentum in der digitalen Gesellschaft. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. 324 S.
2. Kerber W. Specifying and Assigning “Bundles of Rights” on Data: An Economic Perspective // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3847620 (дата обращения: 20.05.2025).
3. Kerber W. Digital Markets, Data, and Privacy: Competition Law, Consumer Law, and Data Protection // *Joint Discussion Paper Series in Economics*. 2016. № 14. // *Deutsche Nationalbibliothek*. URL: <https://d-nb.info/1317906160/34> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Lauber-Rönsberg A. Befugnisse des Sacheigentmers: Recht am Bild und Recht am Datum der eigenen Sache // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 89–108.
5. Osterloh-Konrad C. Eigentum in der digitalen Gesellschaft: eine rechtsphilosophische Perspektive // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 9–18.
6. Ohly A. Zuweisung von Daten: immaterialgterrechtliche Lungen // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 135–150.
7. Raue B. Das (Sach-) Eigentum als Teil der Informationsrechtsordnung Zugangsrechte, sachbezogene Datenerhebungen und Fotografien // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 109–134.

Для цитирования:

Уваров Максим Александрович. Трансформация права собственности в условиях цифровизации: публично-правовой подход // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 58–68.

References:

1. Hofmann F., Raue B., Zech H. Eigentum in der digitalen Gesellschaft. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. 324 S.
2. Kerber W. Specifying and Assigning “Bundles of Rights” on Data: An Economic Perspective // SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3847620 (data obrashcheniya: 20.05.2025).
3. Kerber W. Digital Markets, Data, and Privacy: Competition Law, Consumer Law, and Data Protection // *Joint Discussion Paper Series in Economics*. 2016. № 14. // *Deutsche Nationalbibliothek*. URL: <https://d-nb.info/1317906160/34> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
4. Lauber-Rönsberg A. Befugnisse des Sacheigentmers: Recht am Bild und Recht am Datum der eigenen Sache // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 89–108.
5. Osterloh-Konrad C. Eigentum in der digitalen Gesellschaft: eine rechtsphilosophische Perspektive // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 9–18.
6. Ohly A. Zuweisung von Daten: immaterialgterrechtliche Lungen // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 135–150.
7. Raue B. Das (Sach-) Eigentum als Teil der Informationsrechtsordnung Zugangsrechte, sachbezogene Datenerhebungen und Fotografien // Eigentum in der digitalen Gesellschaft / F. Hofmann, B. Raue, H. Zech. Tübingen : Mohr Siebeck, 2022. S. 109–134.

For citation:

Uvarov Maxim Aleksandrovich. Transformation of Property Rights in the Context of Digitalization: A Public Law Approach // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025. № 3 (75). P. 58–68.

ИСТОРИЯ

государственно-правовой мысли

Борисов Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Aleksandr Vladimirovich Borisov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Law Disciplines,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemynskikh St., 8

Поликарпов Иван Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Ivan Alekseevich Polikarpov,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of Department
of State and Law Disciplines,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemynskikh St., 8
E-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

E-mail: ivanpolikarpoff@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 340.11

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-69-77

Дата поступления статьи: 5 марта 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Историческая политика Российской империи в период Думской монархии*

Historical Policy of the Russian Empire during the Period of the Duma Monarchy**

Аннотация

Актуальность: сегодня исторические/мемориальные войны становятся все более ожесточенными. История перестает быть делом профессиональных ученых, превращаясь в один из самых мощных и действенных политических инструментов. Дискуссии о проблемах истории ведутся на разных уровнях и платформах: политическими, государственными деятелями,

Abstract

Relevance: today, historical/memorial wars are becoming increasingly fierce. History is no longer the domain of professional scientists, becoming one of the most powerful and effective political tools. Discussions about historical issues are conducted on different levels and platforms: by politicians, statesmen, and laypeople. Everyone, without exception, insists on the importance of histo-

* Статья является продолжением работ авторов, опубликованных ранее в журнале «Труды Академии управления МВД России», посвященных исторической политике Российской империи с XVIII века до революции 1905–1907 гг.

** The article is a continuation of the authors' works published earlier in the journal Proceedings of Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, devoted to the historical policy of the Russian Empire from the XVIII century to the revolution of 1905–1907.

обывателями. Все без исключения настаивают на важности истории для понимания проблем современности и будущего.

Постановка проблемы: авторы рассматривают особенности исторической политики Российской империи после революции 1905–1907 гг. до Первой мировой войны, выявляют ее отличия от исторической политики, проводимой в предшествующее время.

Цель исследования: выявление роли исторической политики в жизни общества и государства, ее влияние и взаимосвязь с внутренней, внешней политикой в период Думской монархии.

Методы исследования: методологическая основа исследования состоит как из общенаучных, так и специальных методов, выработанных в истории и правоведении. При проведении исследования особую роль сыграли такие методы научного познания, как анализ и синтез.

Результаты и ключевые выводы: проведенное исследование показало, что в Думской монархии важным средством внутренней, идеологической, культурной, а также внешней политики было обращение к истории Отечества.

Ключевые слова: *Российская империя; Государственная Дума; Государственный Совет; Думская монархия; император Николай II; Столыпин Пётр Аркадьевич; историческая политика; оппозиция; революция 1905–1907 гг.*

ry for understanding the problems of the present and the future.

Problem statement: the authors consider the features of the historical policy of the Russian Empire after the revolution of 1905–1907 before the First World War, identify its differences from the historical policy pursued in the previous period.

The purpose of the study is to identify the role of historical politics in the life of society and the state, its influence and relationship with domestic and foreign policy during the period of the Duma monarchy.

Research methods: the methodological basis of the research consists of both general scientific and special methods developed in history and jurisprudence. Such methods of scientific knowledge as analysis and synthesis played a special role in the research.

Results and key conclusions: the conducted research showed that in the Duma Monarchy, an important means of internal, ideological, cultural, as well as foreign policy was an appeal to the history of the Fatherland.

Keywords: *Russian Empire; State Duma; State Council; Duma monarchy; Emperor Nicholas II; Stolypin Pyotr Arkadyevich; historical politics; opposition; revolution of 1905–1907.*

Революция 1905–1907 гг. изменила государственный строй России: из абсолютной монархии она стала ограниченной, получившей название в научной литературе «Думская монархия». Избираемая населением Государственная Дума, а также Государственный Совет ограничивали законодательную власть царя.

Стремление думской оппозиции, либеральных партий ограничить и исполнительную власть царя, в том числе путем дискредитации монархии и нередко обращения при этом к истории, стало одной из причин Февральской революции 1917 г.

Принципиальным изменением в общественно-политической, культурной жизни страны стали легализация действовавших ранее в подполье и образование новых политических партий. Они, помимо программы, выражающей их идеологию, политические задачи, цели, имели свою историю, предшественников, героев, объявляя себя продолжателями их дела.

Многие из этих героев подвергались ранее преследованиям, осуждению, ссылкам и даже казни. Яркий пример тому Российская социал-демократическая рабочая партия. Один из ее лидеров – В.И. Ленин – в 1912 г., когда в Рос-

сии официально широко праздновался столетний юбилей Отечественной войны 1812 г., а либеральная, демократическая общественность отмечала столетие со дня рождения А.И. Герцена, назвал его, наряду с А.Н. Радищевым, декабристом, народовольцем, предшественником большевиков [12, с. 84].

Свобода печати, отмена цензурных запретов привели к своеобразной «исторической амнистии», когда некоторые события, периоды российской истории, упоминание о которых было под запретом, вошли в общественно-политическую, культурную жизнь страны.

Исследования, воспоминания о А.И. Герцене, М.А. Бакунине, народовольцах и социал-революционерах, в том числе и о прибегавших к террору, их сочинения публикуются в журналах, выходят отдельными изданиями.

С образованием ограниченной монархии российское общество увидело новую, непривычную и многим не совсем понятную конструкцию государственной власти.

Раньше она олицетворялась царем, его министрами, Сенатом. Теперь появилась избираемая подданными законодательная Государственная Дума во главе с председателем, членами

Государственной Думы, лидерами фракций в ней были видные деятели различных партий, выступавших с критикой власти, монархии.

Помимо Государственной Думы, был Государственный Совет как верхняя законодательная палата. Половина его членов и председатель назначались царем, вторая половина избиралась от земских губернских собраний, от губернского дворянства, от местных комитетов торговли и мануфактур, купеческих управ, академий наук и университетов.

Избранные члены Государственного Совета могли проявлять определенную независимость по отношению к царской власти.

В 1906 г. в Российской империи появилась должность Председателя Совета министров как главы правительства. Он назначался царем, отвечал перед ним, но в то же время не мог не считаться с позицией Государственной Думы, должен был согласовывать с ней деятельность правительства.

По мнению убежденных монархистов, считавших, что лучшей формой правления для России является неограниченная монархия, Государственная Дума, Государственный Совет, Председатель Совета министров если не затмевали, то бросали тень на авторитет царской власти, царя.

В этих условиях для правящей элиты возникала важная и сложная задача сохранения, укрепления авторитета царя как носителя и символа традиционной русской власти, под которой понималась неограниченная монархия. Для решения этой задачи стали активнее и чаще обращаться к отечественной истории.

По окончании революции 1905–1907 гг. власть создает комитеты и комиссии по подготовке, финансированию, проведению масштабных юбилейных торжеств по случаю двухсотлетия Полтавской битвы, столетия Отечественной войны 1812 г., трехсотлетия дома Романовых и других памятных дат. Официальное празднование юбилеев исторических событий становится заметным явлением общественно-политической, культурной жизни страны. Активизация мемориальной политики власти проявилась и в том, что если накануне революции 1905–1907 гг. в Российской империи было около 750 монументальных памятников государственным, военным, культурным героям отечественной истории и ее памятным событиям, то за последующее десятилетие их число возросло до нескольких тысяч [19, с. 3].

Не только власть, но и ее противники, оппозиция нередко обращались к истории для укрепления своих и ослабления правительственных позиций в обществе, массовом сознании. Они могли демонстрировать свое, отличное от власти, отношение к официальным мемориальным мероприятиям, проводить празднования, по-

священные событиям, персоналиям российской истории, неугодным власти, вопреки ее претам.

Обращение общества, власти к истории, дискуссии на исторические темы стали столь частыми, что даже выдающийся историк, академик В. О. Ключевский, любивший повторять, что история наказывает тех, кто ее не учит, с некоторым сожалением записал в своем дневнике в 1909 г.: «Желательно было бы, чтобы вокруг нас было поменьше истории» [9, с. 449].

Часто и ярко обращался к истории Председатель Совета министров, министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин. В 1908 г. в речи в Государственной Думе о положении в Великом княжестве Финляндском, где усиливались сепаратистские настроения, он дал содержательный исторический обзор вхождения финских земель в Российскую империю. Он напомнил «о гениальной силе наших предков», предостерег от забвения отечественного прошлого, так как «народы забывающие свою историю... гибнут... превращаются в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие более сильные народы» [21, с. 149].

Обращение П. А. Столыпина к истории формирования Российской империи было связано и с проблемой сохранения ее единства, целостности после революционных потрясений в 1905–1907 гг., довольно драматично происходивших в Прибалтике, Великом княжестве Финляндском.

Своеобразным средством для укрепления единства Империи было решение власти обратиться к истории, провести масштабные торжества по случаю двухсотлетия присоединения прибалтийских земель и столетия вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи в 1809 г.

Великое княжество Финляндское обладало широкой автономией в составе Российской империи, имея свою денежную систему, полицию, парламент (Сейм). Характерно, что в учебных заведениях Финляндии историю могли преподавать только люди лютеранского, протестантского вероисповедания, преобладавшие среди жителей Финляндии. Только в 1910 г. благодаря усилиям П. А. Столыпина это было отменено, и право преподавания истории получили лица всех христианских конфессий [1].

Накануне столетнего юбилея вхождения Великого княжества Финляндского в состав Российской империи депутаты финляндского Сейма, несмотря на предупреждение имперской власти, демонстративно, публично выступили с резкой критикой подготовленного П. А. Столыпиным и подписанного императором Николаем II Положения Совета министров «О порядке направления финляндских дел,

касающихся интересов Империи». Николай II был вынужден распустить Сейм Великого княжества Финляндского, а юбилейные торжества, явно не имеющие поддержки в финляндском обществе, не состоялись.

Но намеченные торжества по случаю двухсотлетия вхождения в состав Российской империи прибалтийских земель успешно прошли в Риге в 1910 г. В присутствии царской семьи, Председателя Совета министров П. А. Столыпина состоялось открытие в Риге памятника Петру I, музея. В ходе праздничных мероприятий император мог убедиться в верноподданнических чувствах местного населения.

Важным для общественно-политической жизни страны, для власти и лично Николая II было празднование летом 1909 г. двухсотлетия Полтавской битвы.

В многочисленных публикациях, посвященных Полтавской победе, подчеркивалось, что она ознаменовала превращение России в великую империю. Об этом власть хотела напомнить после неудачи в Русско-японской войне. Но главным было то, что во время этих юбилейных торжеств должно было состояться первое после революции 1905–1907 гг. и превращения России в ограниченную монархию публичное общение Николая II с народом.

Программа проведения торжеств предусматривала, что их главным действующим лицом должен стать потомок императора Петра I — император Николай II.

В свите Николая II были члены правительства, губернаторы, военачальники, придворные. Но не было Председателя Государственной Думы, лидеров думских фракций, представителей уже существующих легально политических партий. Им не нашлось места в официальной программе юбилейных торжеств. Тем самым публично демонстрировалось то, что они не представляют реальной власти в стране.

Николай II в торжественной речи по случаю Полтавской победы заявил, что страна уже «пережила времена невзгод», так он назвал революцию, и теперь нужно, чтобы «мои подданные помогали своему Государю», и «Россия развивалась в духе единения царя с народом». Ни о каких политических изменениях, особенностях развития страны в послереволюционное время в речи не упоминалось. Это была речь абсолютного монарха.

Представители «простого народа», допущенные к общению с царем, были в украинской одежде и удостоились похвалы Николая II за верность традиции.

Своеобразным свидетельством состоявшегося единения царя с народом, достигнутого на поле битвы под Полтавой, являлось то, что Николай II прибыл на него по специально про-

ложенной железнодорожной ветке, в закрытом вагоне, а покинул в открытом экипаже.

В речи на полтавских торжествах Николай II проигнорировал существование выборных органов законодательной власти — Государственной Думы и Государственного Совета, не затронул тему своего сотрудничества с ними. Очевидно, поэтому, в отличие от 1902 г., когда широко отмечалось столетие со дня образования в России министерств, в 1910 г. официально не отмечалось столетие образования Государственного Совета. Он был создан Александром I в 1810 г. в соответствии с конституционным проектом М. М. Сперанского, по которому должна была быть образована и законодательная Государственная Дума.

Создание Государственного Совета, расцениваемого современниками как начало конституционных преобразований, было известно образованной части российского общества хотя бы по роману Л. Н. Толстого «Война и мир», в котором один из персонажей считает, что это «величайшая эра в нашей истории». Проект М. М. Сперанского не был реализован полностью, Россия осталась абсолютной монархией до 1906 г.

В условиях, когда власть взяла курс на укрепление монархии, демонстрируя, что не было никакой революции, произошла очередная смута, а создание избираемых органов законодательной власти не поколебало реальной власти царя, обращение к истории создания Государственного Совета, конституционной реформы М. М. Сперанского было признано нежелательным.

В 1911 г. исполнилось 50 лет с отмены крепостного права в России. Ряд общественных организаций, видных деятелей науки обратились к власти с предложением/разрешением провести юбилейные мероприятия, посвященные этому знаменательному событию отечественной истории.

Министерство внутренних дел ответило отказом, не без основания опасаясь, что на этих мероприятиях прозвучат выступления, в которых будут проводиться нежелательные для власти исторические параллели, призывы продолжить начатое Великими реформами 60–70-х гг. XIX века расширение прав и свобод подданных Российской империи.

Власть помнила, как в 1904 г. проводимые без ее разрешения банкеты по случаю сорокалетия Судебной реформы 1864 г., на которых звучали призывы усовершенствовать государственный строй Российской империи, способствовали революции 1905 г.

Запрет на проведение мемориальных мероприятий по случаю пятидесятилетия отмены крепостного права вызвал возмущение ча-

сти российского общества, обвинившего власть в том, что она не отдает должной памяти великому событию отечественной истории и во всех инициативах, исходящих от общества, видит крамолу [8, с. 354].

Очень важной для власти и общества была подготовка и празднование столетия Отечественной войны 1812 г. Еще незабытое поражение в войне с Японией, напряженная обстановка и военные столкновения на Балканах, где Россия выступала как защитник Сербии, угроза большой европейской войны требовали проведения определенной мемориальной политики, которая бы будила воспоминания о блестящих победах и героях России.

В 1912 г. в центре Москвы, где в настоящее время находится памятник князю Юрию Долгорукому, был поставлен памятник герою Русско-турецкой войны, сражений в Средней Азии генералу Михаилу Скобелеву. Правительственный комитет по празднованию столетия Отечественной войны 1812 г. определил главную дату, день торжеств. Им стал и остается до сих пор не день начала или окончания войны, а день Бородинского сражения.

Подготовка к празднованию столетия битвы под Бородино проходила в условиях избирательной кампании по выборам в IV Государственную Думу, и различные политические силы стали использовать юбилейные мероприятия в своих целях [11, с. 245–259]. Например, когда Комитет по народному образованию Санкт-Петербургской городской думы решил провести масштабную военно-патриотическую акцию с участием всех учащих, этому воспротивились некоторые депутаты городской думы, пугая руководство столицы возможными беспорядками на почве политических противоречий в молодежной среде. Немаловажное значение для проведения бородинских торжеств получил такой внешнеполитический фактор, как вступление России в военно-политический союз с Англией и Францией. Поэтому и Россия, и Франция стремились к тому, чтобы юбилейные торжества по случаю войны и победы над Наполеоном не носили антифранцузский характер.

Прибывший с официальным визитом в Россию премьер-министр Французской Республики Раймон Пуанкаре в августе 1912 г. специально посетил Москву, готовящуюся к проведению юбилейных торжеств на Бородинском поле.

В речи перед представителями московского руководства и дворянства он сказал, что в истории Бородинской битвы «Россия и Франция могут найти только новые основания для взаимного уважения» [7, с. 698].

Так отнеслись к столетнему юбилею войны с Наполеоном и авторы издания «Отече-

ственная война и русское общество 1812–1912 годов», среди которых были известные историки, они писали: «Наша цель – воздавая должное русским... не делать из квазипатриотического ликования издевательства над французами...». «Их мужество... трагическая судьба в 1812 году – плохой предлог для шовинистических излишаний».

Печать либерального направления, близкая к партии конституционных демократов, думской оппозиции, обходила тему юбилея 1812 г., но часто писала о голоде, охватившем в 1911–1912 гг. ряд губерний, считая неуместными большие юбилейные торжества во время, когда часть населения страны голодает [2, с. 138, 141].

Празднованию в 1913 г. трехсотлетия династии Романовых власть, монархические организации придавали особое политическое значение. Еще в 1910 г. костромской губернатор получил указание «сделать губернию верно-подданной», подготовить ее к проведению торжественных мероприятий с участием царской семьи в 1913 г. [15, с. 312]. Костромская губерния, где в 1613 г. в монастыре скрывался первый царь династии Романовых Михаил, наряду с Москвой, должна была стать центром проведения мемориальных мероприятий.

Одной из причин назначения в 1912 г. министром внутренних дел Н. А. Маклакова стало то, что он в 1909 г. отличился в подготовке и проведении торжеств по случаю Полтавского сражения. Николай II рассчитывал, что, став министром, он обеспечит безопасность при проведении всероссийских торжеств по случаю трехсотлетия дома Романовых [5, с. 227].

При обращении к истории избрания в 1613 г. на царство Михаила Романова, которое в официальной историографии считалось спасением от смуты начала XVII века, едва не погубившей русское государство, естественно, особенно у монархистов могла возникнуть параллель с задачами царствования Николая Романова по преодолению последствий революции 1905–1907 гг., которую он называл смутой.

Масштабное празднование трехсотлетия дома Романовых, по мнению монархистов, должно было укрепить авторитет царя, царскую власть, пошатнувшиеся в годы первой русской революции после создания законодательной избираемой Государственной Думы и Государственного Совета.

Николай II при проведении юбилейных торжеств стал действовать в соответствии с ожиданиями монархистов. Из представленного ему варианта Манифеста о праздновании трехсотлетия дома Романовых он вычеркнул слова о единении царя с «избранными от народа... призванными к участию в законодательстве» [3, с. 518].

Таким образом, царь, обращаясь к истории России, по существу заявил, что не признает седьмую статью Основных государственных законов 1906 г., согласно которой он «осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой» [18, с. 6].

Обращение к истории использовалось в манифесте и для того, чтобы показать/доказать спасительную роль монархии, самодержавия для России, без которого ее ждут большие бедствия. Манифест напоминал: «Когда пресекался род Рюриковичей – тяжелые невзгоды обрушились на наше Отечество» [14]. Невзгоды прекратились после появления царя из новой династии.

Несмотря на то, что Государственная Дума к тому времени существовала уже 7 лет, в придворные церемонии не внесли изменений, определявших роль, место ее руководителей и других членов Государственной Думы при проведении государственных праздников, мероприятий с участием царя. Во многом поэтому члены Государственной Думы, даже ее председатель не получили официального приглашения на торжество, посвященные столетию Бородинского сражения в 1912 г.

Председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко отмечал, что губернаторы часто игнорировали его приезд в губернию, не зная, как к этой встрече может отнестись царь, председатель Совета министров, влиятельные придворные [17, с. 76].

Накануне юбилейных торжеств царь и Государственная Дума в лице ее членов продемонстрировали отношение друг к другу. Николай II только по настоятельной просьбе председателя Совета министров и министра императорского двора, отвечавшего за церемониал, согласился принять членов Государственной Думы. На торжественную аудиенцию явились не все думцы. Социал-демократы не пришли в силу своих республиканских убеждений. Некоторые представители либеральной части Государственной Думы, как, например, лидер конституционных демократов П. Н. Милюков, не пришли под предлогом того, что могут вызвать у царя неприятные ассоциации, напомнив ему о событиях 1905–1907 гг.

В свою очередь Николай II разрешил выдать пригласительные билеты только тем членам Государственной Думы, которые были на аудиенции [17].

В таком отношении к Государственной Думе и ее членам (во всех официальных документах писалось о членах, а о не депутатах Государственной Думы) проявлялось то, что царь, его окружение не считали ее учреждением, подобным западноевропейским законодательным со-

брациям, парламентам, а членов Государственной Думы парламентариями, обладавшими четким и высоким статусом.

Обращение к трехсотлетней истории династии было выигрышным для царя, дворянства, напоминая о героических делах их предков, зафиксированных в исторических источниках.

Как вспоминал председатель Совета министров В. Н. Коковцев, во время юбилейных торжеств, многочисленных, хорошо организованных встречах с населением у царя развивался «культ самодержавности, понимаемой... в смысле чистого абсолютизма» [10].

Опасность использования юбилейных, все-российских торжеств по случаю трехсотлетия правящей династии для реставрации абсолютизма понимало руководство партии конституционных демократов.

Оно рекомендовало членам партии активно участвовать в организации и проведении юбилейных мероприятий, но так, чтобы «не дать использовать их черносотенцам, монархистам в целях борьбы с завоеваниями революции 1905–1907 гг.» [16, с. 177], давшей народу политические права и свободы, законодательную Государственную Думу.

Вопрос о соблюдении политических прав и свобод в России кадеты предполагали обсудить во время юбилейных мероприятий по случаю пятидесятилетия журнала «Русские ведомости», выражавшего настроения либеральной общественности. Но власть запретила публичное празднование юбилея либерального издания, посчитав это неуместным во время масштабных официальных торжеств по случаю трехсотлетия правящей династии.

Откликнувшись на «романовский юбилей» и большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии. Один из немногих лидеров большевиков, находившихся в это время в России, И. В. Сталин подготовил и распространил прокламацию «Ко всем рабочим и работницам России». И. В. Сталин писал, что дом Романовых, «готовясь праздновать в 1913 г. свой 300-летний юбилей, собирается еще надолго устроиться на спине России...», и призывал провести манифестации в память о другом историческом событии – 9 января 1905 г., когда было расстреляно мирное шествие рабочих Петербурга.

И. В. Сталин утверждал, что простой народ равнодушно относится ко всем торжествам и манифестам по случаю трехсотлетия дома Романовых [20, с. 270]. Очевидно, он во многом был прав. Но и к большевистской прокламации народ тоже остался равнодушным. Никаких массовых антиправительственных выступлений, эксцессов в юбилейные «Романовские дни» не произошло. Большую роль в этом,

как отмечали современники, сыграла полиция, жандармерия, армия.

Характерно, что устроители торжеств, заботясь о том, чтобы царь почувствовал преданность к нему народа, не подумали о том, какое впечатление создается у народа о царе и его семье. Как вспоминал председатель Совета министров В. Н. Коковцев, видя на публичных торжествах больного наследника – царевича Алексея (о чем раньше знал узкий круг придворных), которого несли на руках, «толпа чувствовала что-то глубоко тяжелое в этом беспомощном состоянии единственного сына Государя». Это могло вызывать человеческое сочувствие царю, но вряд ли укрепляло веру народа в прочность монархии.

Торжества по случаю трехсотлетия династии носили во многом официозный характер. Праздничные дни «пролетели быстро, не оставив заметного следа. Внешне все было чинно и торжественно, но осталось какое-то чувство пустоты» [10, с. 142].

«Романовские дни» способствовали усилению противостояния значительной части членов Государственной Думы, с одной стороны, а с другой – царя, представителей исполнительной власти – министров, губернаторов, проявивших пренебрежительное отношение к Государственной Думе.

Такое же отношение к Государственной Думе было продемонстрировано и осенью 1913 г. во время очередного мемориального мероприятия – открытия в Киеве памятника П. А. Столыпину, убитому в этом городе в 1911 г.

Власти Киева официально не встретили Председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, не дали произнести речь А. И. Гучкову, лидеру партии и фракции октябристов в Государственной Думе. Это обостряло противоречия внутри правящих классов, приводило к расколу правящей элиты.

Значимым событием общественно-политической жизни страны в начале 1914 г. могло стать празднование пятидесятилетнего юбилея Земской реформы 1864 г.

Руководство губернских земств, находившееся в определенной оппозиции к царской бюрократии, придавало большое значение предстоящему юбилею. Еще в 1911 г. им было создано бюро по подготовке юбилейных мероприятий, во время которых предполагалось обращаться не столько к истории, сколько к будущему земских учреждений – расширению их полномочий и созданию общероссийского земского центра.

Деятельность земской оппозиции тревожила власть и находилась под наблюдением политической полиции.

Николай II не дал разрешения на проведение масштабных торжеств по случаю пятидесятиле-

тия Земской реформы. Состоялись только официальные мероприятия по этому поводу, прошедшие под контролем МВД [5, с. 314].

Заметным явлением внутривластной жизни Российской империи, оказавшем определенное влияние на ее дальнейшую историю, на распад в 1917 г., стали острые политические столкновения по поводу празднования в феврале 1914 г. столетия со дня рождения знаменитого украинского поэта Т. Г. Шевченко и установления ему памятника в Киеве.

Опасаясь, что во время мемориальных торжеств будут произноситься речи, проводиться акции националистического характера, МВД, не учитывая возможных последствий, запретило проведение мероприятий, посвященных юбилею Т. Г. Шевченко.

Это спровоцировало массовые беспорядки, произошедшие в Киеве, Харькове. Сталкивались сторонники и противники установки памятника Т. Г. Шевченко, который превратился в символ украинского сепаратизма, произошли антиправительственные манифестации.

Многие члены Государственной Думы выступили с осуждением распоряжения МВД о запрете празднования юбилея Шевченко. На заседании в Государственной Думе с резкой критикой МВД выступил А. Ф. Керенский, а считавшийся лучшим оратором партии конституционных демократов Ф. И. Родичев с думской трибуны назвал запрет празднования юбилея «национальным позором» [6, с. 718].

Очевидно, правильную характеристику исторической политики власти по отношению к столетию Шевченко дал, находившийся в эмиграции В. И. Ленин. В речи, подготовленной им для члена Государственной Думы от социал-демократов Г. И. Петровского, он писал: «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной... и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя» [12, с. 84].

Запрет празднования юбилея и установки памятника Т. Г. Шевченко активизировал деятельность влиятельного объединения украинской интеллигенции «Товарищество украинских прогрессистов» во главе с известным украинским историком М. С. Грушевским, работы которого являются основой украинского сепаратизма. Товарищество постоянно и тесно взаимодействовало с конституционно-демократической партией.

Лидер этой партии и думской оппозиции знаменитый историк П. Н. Милуков встретился в Киеве с руководителями объединения для согласования позиций и совместных действий по поводу «юбилейного конфликта». Они обещали П. Н. Милукову «отодвинуть в будущее требования федерации для России». Но у П. Н. Ми-

люкова возникло подозрение, вскоре подтвердившееся, что М. С. Грушевский «скрывает свои истинные намерения» [13, с. 144], заключавшиеся в создании «независимой Украины».

Через три года, весной 1917 г., П. Н. Милюков станет одним из лидеров Февральской революции, министром Временного правительства, которое вступит в конфликт с возглавляемой М. С. Грушевским Центральной радой Украинской Народной Республики. Одним из героев этой республики, борцом за независимость Украины и жертвой русского самодержавия будет объявлен Т. Г. Шевченко.

Вступление России в Первую мировую войну сопровождалось патриотическим подъемом большинства народа страны. Как считал лидер Русской монархической партии И. Восторгов, это было вызвано и тем, что во время празднования

многочисленных «славных исторических юбилеев», произошло «накопление патриотических чувств в русском народе» [4, с. 29].

В начале войны казалось, что произошло «единение царя с народом», о необходимости которого постоянно говорилось во время празднования официальных, государственных юбилеев. Так же произошло «единение» царя с либеральной оппозицией, в том числе и в Государственной Думе. Оппозиция была готова на определенных условиях сотрудничать с властью.

Неудачи на фронте, во внутренней политике, в том числе и в исторической политике государства, в период Первой мировой войны приводили к росту напряженности в российском обществе, к расколу политической элиты, что стало важной причиной начала в феврале 1917 г. Великой русской революции.

Список литературы:

1. *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья Дума. М. : Наука, 1968. 520 с.
2. *Аксенов В.* Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 488 с.
3. *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Дубенцов Б. Б.* Кризис самодержавия в России 1895–1917 гг. Л. : Наука, 1984. 664 с.
4. *Восторгов И.* Во дни войны. Голос пастыря-патриота. М. : Русская печатня, 1916. 156 с.
5. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 604 с.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия II. Заседание 37. 11 февраля 1914 г. : stenograficheskiy otchet. SPb. : Gosudarstvennaya Tipografiya, 1914. С. 633–731.
7. *Джунковский В. С.* Воспоминания : в 2 т. Т. 1. М. : Издательство имени Сабашниковых, 2015. 734 с.
8. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914). М. : Искусство, 1996. 411 с.
9. *Ключевский В. О.* Литературные портреты. М. : Современник, 1991. 462 с.
10. *Кокорцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 : в 2 т. М. : Современник, 1991. 504 с.
11. *Ланин В. В.* Использование мифа двенадцатого года в политике при проведении предвыборной кампании в IV Государственную Думу // Наполеоновские войны на картах Европы: историческое сознание и литературные мифы : материалы конференции. М. : Ключ-С, 2011. С. 245–259.

References:

1. *Avrekh A. Ya.* Stolypin i Tret'ya Duma. M. : Nauka, 1968. 520 s.
2. *Aksenov V.* Vojna patriotizmov. Propaganda i massovye nastroyeniya v Rossii perioda krusheniya imperii. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 488 s.
3. *Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh., Dubentsov B. B.* Krizis samoderzhaviya v Rossii 1895–1917 gg. L. : Nauka, 1984. 664 s.
4. *Vostorgov I.* Vo dni vojny. Golos pastyrya-patriota. M. : Russkaya pechatnya, 1916. 156 s.
5. *Gajda F. A.* Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917). M. : Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. 604 s.
6. Gosudarstvennaya Duma. Chetvertyj sozyv. Sessiya II. Zasedanie 37. 11 fevralya 1914 g. : stenograficheskiy otchet. SPb. : Gosudarstvennaya Tipografiya, 1914. S. 633–731.
7. *Dzhunkovskij V. S.* Vospominaniya : v 2 t. T. 1. M. : Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh, 2015. 734 s.
8. *Kizevetter A. A.* Na rubezhe dvuh stoletij (vospominaniya 1881–1914). M. : Iskusstvo, 1996. 411 s.
9. *Klyuchevskij V. O.* Literaturnye portrety. M. : Sovremennik, 1991. 462 s.
10. *Kokorcov V. N.* Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 : v 2 t. M. : Sovremennik, 1991. 504 s.
11. *Lapin V. V.* Ispol'zovanie mifa dvenadcatogo goda v politike pri provedenii predvybornoj kampanii v IV Gosudarstvennuyu Dumu // Napoleonovskie vojny na kartah Evropy: istoricheskoe soznanie i literaturnye mify : materialy konferencii. M. : Klyuch-S, 2011. S. 245–259.

12. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 25. М. : Политиздат, 1969. 384 с.
13. Милуков П. Н. Воспоминания. Т. 2. М. : Политиздат, 1999. 530 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е : в 33 т. Т. XXXIII. Отд. 1. 1913. СПб. : Гос. тип., 1916. 1470 с.
15. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. : материалы перлюстрации Департамента полиции / сост. К. А. Соловьев. М. : РОССПЭН, 2014. 718 с.
16. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 2. М. : Прогресс-академия, 1997. 247 с.
17. Родзянко М. В. Крушение империи. Л. : Прибой, 1929. 271 с.
18. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб. : Гос. тип., 1906. 223 с.
19. Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи : каталог. М. : Вагриус Плюс, 2006. 504 с.
20. Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. Т. 2. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1954. 423 с.
21. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М. : Молодая гвардия, 1991. 227 с.
12. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 25. M. : Politizdat, 1969. 384 s.
13. Milyukov P. N. Vospominaniya. T. 2. M. : Politizdat, 1999. 530 s.
14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e : v 33 t. T. XXXIII. Otd. 1. 1913. SPb. : Gos. tip., 1916. 1470 s.
15. Predstavitel'nye uchrezhdeniya Rossijskoj imperii v 1906–1917 gg. : materialy perlyustracii Departamenta policii / sost. K. A. Solov'ev. M. : ROSSPEN, 2014. 718 s.
16. Protokoly Central'nogo komiteta Konstitucionno-demokraticeskoy partii : v 6 t. T. 2. M. : Progress-akademiya, 1997. 247 s.
17. Rodzyanko M. V. Krushenie imperii. L. : Priboj, 1929. 271 s.
18. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 1. Ch. 1. SPb. : Gos. tip., 1906. 223 s.
19. Sokol K. G. Monumental'nye pamyatniki Rossijskoj imperii : katalog. M. : Vagrius Plyus, 2006. 504 s.
20. Stalin I. V. Sochineniya : v 13 t. T. 2. M. : Gos. izd-vo polit. lit., 1954. 423 s.
21. Stolypin P. A. Nam nuzhna velikaya Rossiya. Polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj Dume i Gosudarstvennom Sovete. M. : Molodaya gvardiya, 1991. 227 s.

Для цитирования:

Борисов Александр Владимирович, Поликарпов Иван Алексеевич. Историческая политика Российской империи в период Думской монархии // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 69–77.

For citation:

Borisov Aleksandr Vladimirovich, Polikarpov Ivan Alekseevich. Historical Policy of the Russian Empire during the Period of the Duma Monarchy // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 69–77.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

Княжев Виктор Борисович,
доктор юридических наук,
кандидат военных наук, доцент,
начальник центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: Vkniazhev4@mvd.ru

Егоров Константин Анатольевич,
старший преподаватель-методист центра
командно-штабных учений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: E.A.Constantin@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Victor Borisovich Knyazhev,
Doctor of Law,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor,
Head of the Center for Command and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Vkniazhev4@mvd.ru

Konstantin Anatolyevich Egorov,
Senior Lecturer and Methodologist
at the Center for Command and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: E.A.Constantin@yandex.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

УДК 34.07

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-78-84

Дата поступления статьи: 31 января 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

От управления по ситуации – к ситуационному управлению в различных условиях обстановки

From Situation Management to Situational Management in Various Environments

Аннотация

Актуальность: в статье рассматриваются некоторые особенности подходов к процессу управления. Авторы анализируют деятельность, связанную с переходом от управления по ситуации к ситуационному управлению в современных условиях, а также реализацию принципов ситуационного управления в системе МВД России. Особое внимание уделено повышению эффективности проведения мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в различных условиях оперативной обстановки.

Abstract

Relevance: the article discusses some features of approaches to the management process. The authors analyze the activities related to the transition from situation management to situational management in modern conditions, as well as the implementation of the principles of situational management in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Special attention is paid to improving the effectiveness of measures to protect public order and ensure public safety in various operational conditions.

Постановка проблемы: существующие подходы к управлению деятельностью органов внутренних дел не в полной мере соответствуют современным требованиям и критериям для решения перспективных задач. Это создает необходимость проведения комплексных научных исследований, направленных на совершенствование управленческих процессов. В частности, требуется переход к новому качеству управления – ситуационному. Таким образом, представляется актуальной необходимость в адаптации существующих управленческих подходов к осуществлению комплекса мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в различных условиях оперативной обстановки с целью повышения эффективности их проведения.

Цель исследования заключается в анализе и обосновании необходимости перехода от традиционного управления по ситуации к использованию форм и методов ситуационного управления в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Исследование направлено на определение перспективных направлений развития ситуационного управления в системе МВД России, выявление эффективных методов подготовки (обучения) слушателей Академии управления МВД России, руководящего состава органов, подразделений и организаций системы МВД России, органов оперативного управления, создаваемых в системе МВД России, по принятию управленческих решений в различных условиях обстановки.

Методы исследования: исторический, анализ, диалектика, системный подход и конкретно-социологический метод.

Результаты и ключевые выводы: в статье представлены направления совершенствования процесса управления силами и средствами органов внутренних дел, отработка которых осуществляется слушателями Академии управления МВД России в ходе командно-штабных учений с использованием современной учебно-материальной базы. Также в статье отражены аспекты подготовки слушателей к принятию на практических занятиях управленческих решений, необходимых для проведения мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в соответствии с алгоритмами, разработанными авторами.

Ключевые слова: управление; подходы к управлению; условия обстановки; ситуационный центр; комплекс ситуационного управления; центр командно-штабных учений.

Problem statement: the existing approaches to managing the activities of internal affairs bodies do not fully meet modern requirements and criteria for solving promising tasks. This creates the need for comprehensive scientific research aimed at improving management processes. In particular, a transition to a new quality of management is required – situational. Thus, it seems urgent to adapt existing management approaches to the implementation of a set of measures to protect public order and ensure public safety in various operational conditions in order to increase the effectiveness of their implementation.

The purpose of the study is to analyze and substantiate the need for a transition from traditional situation management to the use of forms and methods of situational management in the operational and official activities of internal affairs bodies. The research is aimed at identifying promising areas for the development of situational management in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, identifying effective methods of training students of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, senior staff of bodies, divisions and organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, operational management bodies created in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, for making managerial decisions in various environments.

Research methods: historical, analysis, dialectics, a systematic approach and a specific sociological method.

Results and key conclusions: the article presents the directions for improving the management of the forces and means of the internal affairs bodies, which are worked out by students of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia during command and staff exercises using modern educational and material facilities. The article also reflects the aspects of preparing students for making managerial decisions in practical classes necessary for carrying out measures to protect public order and ensure public safety, in accordance with the algorithms developed by the authors.

Keywords: management; management approaches; situational conditions; situational center; situational management complex; command and staff exercise center.

Анализ современных теории и практики управления по ситуации на основе закономерностей организации управленческого процесса показывает, что наука занимается изучением взаимоотношений между людьми и разрабатывает системы и методы влияния на управляемые объекты, одновременно прогнозируя развитие исследуемых явлений. Практика же управления аккумулирует управленческий опыт, который способствует формированию разнообразных научных направлений и подходов в области управления. Эти школы и подходы играют важную роль в эволюции управленческой деятельности во всех аспектах функционирования органов внутренних дел, включая охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в различных условиях обстановки [2, с. 493].

Следует подчеркнуть, что многие подходы к управлению были разработаны на основе анализа текущей ситуации. Однако в настоящее время, с появлением прогностического анализа, ситуация существенно изменилась. Выделим некоторые из ключевых подходов к управлению в социальных сферах:

- традиционный (классический);
- процессный подход;
- системный подход [5, с. 72–73].

Традиционный подход к управлению, основанный на научных исследованиях и практическом опыте, достаточно детально изучен как учеными, так и практиками в данной области и нашел свое отражение в различных научных трудах. Содержание традиционного подхода отражается в порядке работы руководителя (аппарата управления) с момента получения информации, требующей принятия и реализации управленческого решения. Формами таких управленческих решений, как правило, являются распоряжение, приказ, указание, содержание которых непосредственно связано с обобщением и анализом информации, а затем выработкой и изложением управленческих решений в связи с возникновением различного рода событий в повседневных условиях, при проведении публичных и массовых мероприятий, в том числе в особых условиях, и т. д.

Хотя традиционный, или классический, подход к организации управления успешно применяется на протяжении многих лет и доказал свою эффективность, он не всегда соответствует современным требованиям, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, интеграцией науки и формированием единого потока — от научной идеи через научно-технические разработки к новым технологиям и массовому производству. Во-вторых, необходимостью подготовки новых управленцев, способных применять на практике современные технологии управления. В-третьих, появлением новых требований к организации

управленческого труда. Поскольку процессы исследования, конструирования, проектирования и производства неразрывно связаны между собой, перед руководителем стоит важнейшая задача — связать воедино все эти этапы.

В связи с этим возникает необходимость в его модернизации, что предполагает более активное внедрение современных средств автоматизации в практику управления [3, с. 118–119].

Одним из наиболее близких к традиционному является *процессный подход*. Началом его функционирования служит получение информации об изменении ситуации. Отличительной чертой процессного подхода является непрерывность взаимосвязанных действий. Каждое из этих действий представляет собой отдельную управленческую функцию, а процесс управления можно рассматривать как совокупность всех этих функций.

На каждом этапе управленческой деятельности происходит детализация алгоритма управления, что дает руководителю возможность определять и управлять ключевыми процессами в организации.

Управляемая структура — это система, включающая элементы, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом, такие как группы, отряды, иные подразделения и другие структуры. Такая организация способствует оптимизации горизонтальных связей внутри системы, что, в свою очередь, приводит к повышению ее эффективности.

Сторонники данного подхода в управлении разработали перечень функций, основными из которых являются планирование, организация, мотивация, контроль [5, с. 83–84]. Представители процессного подхода считают, что управление универсально и должно осуществляться всеми руководителями вне зависимости от их уровня и вида организации [1, с. 3–4].

Другим, не менее важным подходом к управлению в социальных сферах является *системный подход*. Этот метод предполагает изучение процесса управления с использованием принципов системного анализа.

Рассмотрим характерные признаки системного подхода.

1. Анализ исследуемой структуры как целостного объекта проводится независимо от конкретных целей и выводов, сформулированных различными специалистами.

2. Функционирование системы обеспечивается в условиях сохранения ее целостности и порядка. При этом решение частных задач осуществляется исключительно в контексте интересов системы в целом.

3. В рамках исследования структуры системы проводится анализ не только механизмов ее функционирования, но и выявление внутренних закономерностей развития.

4. Компоненты системы, которые в одних условиях представляются второстепенными, могут приобрести ключевое значение при изменении внешних обстоятельств [6, с. 263].

Системный подход не гарантирует успешного решения задач. Однако изучение опыта решения системных задач в области управления позволяет выявить проблему создания сложных организационных систем, которые способны самостоятельно функционировать, изменять и перераспределять свои функции. К таким задачам относятся: функционирование и совершенствование органов государственной власти, управление министерствами, организациями, отраслями и видами деятельности, а также управление на уровне отдельных структур и подразделений.

Несмотря на то, что все рассмотренные методы в той или иной мере подразумевают предварительное прогнозирование развития ситуации и планирование действий, они все же имеют свои ограничения. В частности, орган управления может разрабатывать лишь ограниченное количество вариантов развития событий, использовать доступные ресурсы и возможности, а также строго следовать принятым решениям в процессе их реализации [4, с. 58–70].

Важно отметить, что в настоящее время развитие системы управления открывает широкие перспективы для совершенствования теорий управления, что, в свою очередь, создает прочный фундамент для дальнейшего совершенствования практики управления.

В современной теории управления можно выделить ряд ключевых тенденций развития.

Во-первых, совершенствование материально-технической базы способствует повышению эффективности и качества выполнения поставленных задач.

Во-вторых, вовлечение в управленческую деятельность интеллектуальных ресурсов органов государственного, регионального, муниципального, ведомственного и иных уровней, интегрированных в целостную систему поддержки принятия решений.

В-третьих, совершенствование и использование в управленческой деятельности передовых средств коммуникации, спутниковых навигационных систем, автоматизированных систем управления, систем видеонаблюдения и контроля.

В-четвертых, развитие технологий цифровых двойников открывает широкие перспективы для апробации различных решений без риска для человека, а также для моделирования и прогнозирования ситуаций в различных условиях обстановки. Концепция ситуационного подхода в теории управления предполагает, что выбор и использование методов управления на-

ходятся в прямой зависимости от конкретных обстоятельств и условий, в которых осуществляется любой вид деятельности.

В современном обществе наблюдается широкое применение информационных технологий в различных сферах жизни. Появление навигационных спутниковых систем, автоматизированных систем видеонаблюдения и контроля, а также совершенствование средств связи оказали значительное воздействие на субъекты управления, открыв новые возможности для сбора, обработки, анализа и распространения информации. Одним из способов совершенствования системы управления является переход на новый уровень – к ситуационному управлению. Ситуационный подход в управлении заключается в том, что результаты одних и тех же управленческих действий, принятых в различных ситуациях, могут значительно отличаться. В процессе принятия управленческих решений необходимо учитывать основные параметры текущей ситуации. Одними из основных преимуществ ситуационного управления являются возможность оперативного принятия решений, наличие заранее разработанных и научно обоснованных алгоритмов, позволяющих автоматизировать процесс принятия решений, высокая степень универсальности. Ситуационное управление является дополнением к таким видам управления, как стратегическое и перспективное, а его реализация осуществляется посредством создания и развития системы ситуационных центров, которая служит одним из основных инструментов ситуационного управления.

В настоящее время концепция ситуационного управления находит свое воплощение в процессе создания и развития системы ситуационных центров, а также в объединении созданных ситуационных центров в единое информационное пространство. Основным ведомственным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность Ситуационного центра МВД России, является приказ МВД России от 16 ноября 2018 г. № 775 «Об утверждении Положения о Ситуационном центре Министерства внутренних дел Российской Федерации и Регламента работы Ситуационного центра Министерства внутренних дел Российской Федерации». Так, созданный ситуационный центр МВД России стал частью общей системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия, и важным инструментом ведомственной управленческой среды. Ключевая задача формирования системы ситуационных центров в МВД России заключается в повышении степени оперативности и оптимизации процесса принятия управленческих решений ру-

ководящим составом органов оперативного управления МВД России на применение сил и средств в любых условиях оперативной обстановки, а также непосредственно в совершенствовании системы управления ресурсами и средствами органов внутренних дел.

В Академии управления МВД России в целях реализации утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Концепции создания системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия¹ (далее – Концепция создания СРСЦ), создан комплекс ситуационного управления, на базе которого осуществляется подготовка руководящего состава органов внутренних дел к использованию форм и методов ситуационного управления в целях повышения эффективности оперативно-служебной деятельности.

Для реализации положений Концепции создания СРСЦ в Академии управления МВД России разработаны:

- структурно-логическая схема проведения командно-штабных учений;
- программное обеспечение командно-штабных учений «Каскад-модуль»;
- информационно-аналитический портал комплекса ситуационного управления центра командно-штабных учений;
- классификация моделей и методов моделирования на основе цифровой трансформации.

Кроме того, подготовлено необходимое количество учебно-методических материалов в целях повышения качества проведения командно-штабных учений, проводимых под руководством начальника Академии управления МВД России, его заместителей и начальника центра командно-штабных учений.

В рамках выполнения Указа Президента Российской Федерации от 25 июля 2013 г. № 648 «О формировании системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия» Концепцией создания СРСЦ предусмотрено проведение комплекса мероприятий по нескольким направлениям. Кроме того, предусмотрены следующие требования к организации подготовки кадров, осуществляемой по образовательным программам высшего и дополнительного профессионального образования, а также профессиональной подготовке и повышения квалификации руководящего состава федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций:

– осуществлять расширение перечня дополнительных образовательных программ повышения квалификации, реализуемых в том числе с использованием дистанционных технологий обучения специалистов, в соответствии с потребностями СРСЦ;

– обеспечить условия для овладения знаниями и навыками использования информационных технологий СРСЦ экспертами и системными аналитиками федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций;

– создать системы образовательных тренингов, семинаров-практикумов, включенных в единый план подготовки кадров, и организовать проведение обучающих курсов для пользователей СРСЦ, а также их методическую поддержку;

– обеспечить условия для совершенствования управленческой деятельности руководящего состава федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций².

В настоящее время Академией управления МВД России и Главным управлением оперативного реагирования МВД России (далее – ГУОР МВД России) разработаны программы дополнительного профессионального образования для подготовки руководителей и сотрудников ГУОР МВД России, членов групп Оперативного штаба МВД России, а также руководителей оперативных управлений, групп оперативных штабов территориальных органов МВД России.

Одним из важных этапов в развитии ситуационного управления в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, его перспективным направлением на ближайшие годы стал разработанный Академией управления МВД России совместно с ГУОР МВД России Перечень мероприятий по интеграции комплекса ситуационного управления Академии управления с Ситуационным центром МВД России.

Комплекс ситуационного управления создан в Академии управления МВД России с целью качественной подготовки руководящего состава органов внутренних дел к принятию эффективных управленческих решений при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в повседневных условиях, при проведении публичных и массовых мероприятий, а также в особых условиях. Основной целью комплекса ситуационного управления является повышение эффективности подготовки (обучения) руководящего

¹ Концепция создания системы распределенных ситуационных центров : утв. Президентом Рос. Федерации 3 октября 2013 г. № Пр-2308 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

² О формировании системы распределенных ситуационных центров, работающих по единому регламенту взаимодействия : Указ Президента Рос. Федерации от 25 июля 2013 г. № 648 // Гос. система правовой информ. Офф. интернет-портал правовой информ. : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2025).

состава органов, подразделений и организаций системы МВД России, органов оперативного управления, создаваемых в МВД России, а также обеспечение научных исследований в области совершенствования организации управления силами и средствами органов внутренних дел в различных условиях оперативной обстановки.

Задачи, решение которых осуществляется с использованием комплекса ситуационного управления:

- проведение деловых игр, штабных тренировок, тренингов и командно-штабных учений со слушателями Академии управления МВД России, руководителями органов, подразделений и организаций системы МВД России, а также с представителями органов государственной власти и местного самоуправления (по запросу);

- подготовка и переподготовка руководящего состава подразделений центрального аппарата МВД России, кадрового резерва МВД России и руководящего состава территориальных органов МВД России в рамках реализации программ дополнительного профессионального образования;

- подготовка должностных лиц органов оперативного управления различного уровня (оперативных штабов, групп управления, оперативных групп), создаваемых в системе МВД России для выполнения задач в условиях осложнения оперативной обстановки, в особых условиях;

- подготовка и переподготовка персонала ситуационных центров (центров оперативного управления) территориальных органов МВД России с использованием современных информационных, аналитических и технологических средств, применяемых в МВД России, иных органах государственной власти;

- внедрение и использование методов оперативного анализа, реализация мер, направленных на повышение объективности контроля знаний обучаемых, в том числе при проведении государственной итоговой аттестации;

- исследование направлений, форм и методов реализации современной системы управле-

ния в государственной и муниципальной сферах на основе развития организационных механизмов объективного принятия решений;

- развитие методологических основ принятия управленческих решений и аппарата их информационно-аналитической поддержки;

- определение характера и содержания мер упреждающего реагирования на процессы развития складывающейся ситуации;

- выработка ведомственных механизмов мониторинга и методик оценки, в том числе оперативной обстановки;

- осуществление мониторинга эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел;

- исследование и апробация интеллектуальных информационных технологий, разработка прототипов рабочих технологий, направленных на совершенствование государственного и муниципального управления в различных условиях обстановки.

В состав комплекса ситуационного управления Академии управления МВД России входят учебные полигоны, центральный полигон управления, аппаратно-программный комплекс и учебный полигон в защищенном исполнении, на базе которых осуществляется обучение слушателей использованию форм и методов ситуационного управления при решении учебных задач и вводных в ходе межкафедральных командно-штабных учений, проводимых под общим наименованием «Магистраль».

Таким образом, в статье нами была кратко рассмотрена актуальность перехода от управления по ситуации к ситуационному управлению, а также представлена информация о системе подготовки в Академии управления МВД России соответствующих специалистов с использованием современной учебно-материальной базы, созданной для обучения руководящего состава органов внутренних дел принятию эффективных управленческих решений при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в различных условиях обстановки.

Список литературы:

1. Андреев Н.А. Теоретические вопросы стратегического управления в правоохранительной сфере / Н.А. Андреев, В.Б. Коробов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 360 с.
2. Большая Российская энциклопедия : в 35 т. Т. 11. М. : Большая российская энциклопедия, 2008. 767 с.
3. Княжев В.Б. Алгоритм работы руководителя территориального органа МВД России в особых условиях / В.Б. Княжев, Л.Л. Грищенко.

References:

1. Andreev N.A. Teoreticheskie voprosy strategicheskogo upravleniya v pravoohranitel'noj sfere / N.A. Andreev, V.B. Korobov. M. : YuNITI-DANA, 2022. 360 s.
2. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya : v 35 t. T. 11. M. : Bol'shaya russijskaya enciklopediya, 2008. 767 s.
3. Knyazhev V.B. Algoritm raboty rukovoditelya territorial'nogo organa MVD Rossii v osobyykh usloviyah / V.B. Knyazhev, L. L. Grishchenko,

- ко, К. А. Егоров // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 118–127.
4. Кононов Д. А. Управление чрезвычайными ситуациями в региональных системах методами ситуационного анализа / Д. А. Кононов, Н. Л. Лепе, Р. О. Пономарев // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2016. № 4 (6). С. 58–70.
 5. От управления по ситуации – к ситуационному управлению : монография / Л. Л. Грищенко, К. А. Егоров, В. Б. Княжев, Д. А. Назаренко. М. : РУСАЙНС, 2024. 218 с.
 6. Шагиахметов М. Р. Основы системного мировоззрения. Системно-онтологическое обоснование. М. : Академиздат, 2022. 260 с.
4. K. A. Egorov // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 3 (67). S. 118–127.
 4. Kononov D. A. Upravlenie chrezvychajnymi situacijami v regional'nyh sistemah metodami situacionnogo analiza / D. A. Kononov, N. L. Lepe, R. O. Ponomarev // RSUH/RGGU Bulletin. Series Economics. Management. Law. 2016. № 4 (6). S. 58–70.
 5. Ot upravleniya po situacii – k situacionnomu upravleniyu : monografiya / L. L. Grishchenko, K. A. Egorov, V. B. Knyazhev, D. A. Nazarenko. M. : RUSAJNS, 2024. 218 s.
 6. Shagiahmetov M. R. Osnovy sistemnogo mirovozzreniya. Sistemno-ontologicheskoe obosnovanie. M. : Akademizdat, 2022. 260 s.

Для цитирования:

Княжев Виктор Борисович, Егоров Константин Анатольевич. От управления по ситуации – к ситуационному управлению в различных условиях обстановки // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 78–84.

For citation:

Knyazhev Victor Borisovich, Egorov Konstantin Anatolyevich. From Situation Management to Situational Management in Various Environments // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 78–84.

Кононов Анатолий Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: a.kononov@bk.ru

Anatoly Mikhailovich Kononov,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher of the Scientific Research Center,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: a.kononov@bk.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

УДК 342

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-85-92

Дата поступления статьи: 5 мая 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Актуальные проблемы и перспективы совершенствования административно-правового обеспечения механизма управления органами внутренних дел

Current Problems and Prospects for Improving the Administrative and Legal Support of the Mechanism Management of Internal Affairs Bodies

Аннотация

Актуальность работы обусловлена потребностью в научном анализе ключевых проблем административно-правового обеспечения механизма управления органами внутренних дел в России, выработки возможных направлений для их решения.

Постановка проблемы: управление органами внутренних дел заключается в реализации системы правовых норм и организационных мер, направленных на регулирование общественных отношений в сфере государственного управления, обеспечение общественного порядка, безопасности и противодействия преступности. Накопившиеся в механизме управления органами внутренних дел проблемы, среди которых наиболее существенными являются бюрократизация и избыточная централизация, кадровый дефицит, включая звено руководителей, законодательные ограничения в финансировании, наличие дублирования в функциях и полномочиях подразделений различного уровня, существенно снижают эффективность правоохранительной деятельности.

Abstract

The relevance of the work is due to the need for a scientific analysis of the key problems of administrative and legal support for the management mechanism of internal affairs bodies in Russia, and the development of possible directions for their solution.

Problem statement: the management of internal affairs bodies consists in the implementation of a system of legal norms and organizational measures aimed at regulating public relations in the field of public administration, ensuring public order, security and combating crime. The problems that have accumulated in the management mechanism of internal affairs bodies, among which the most significant are bureaucratization and excessive centralization, staff shortages, including senior management, legislative restrictions on funding, and duplication in the functions and powers of departments at various levels, significantly reduce the effectiveness of law enforcement activities.

The purpose of the study is to analyze the current state of administrative and legal support for management activities in internal affairs bodies, to substantiate the need for an integrated

Цель исследования: проанализировать современное состояние административно-правового обеспечения управленческой деятельности в органах внутренних дел, обосновать необходимость комплексного подхода к реформированию механизма управления органами внутренних дел, сочетающего правовые, организационные и финансовые меры.

Методы исследования: контент-анализ документов, сравнительный анализ нормативных правовых актов, изучение теоретических источников, индукция, дедукция, моделирование.

Результаты и ключевые выводы: обоснована необходимость комплексного подхода к реформированию механизма управления органами внутренних дел, сочетающего правовые, организационные и финансовые меры. Перспективными направлениями совершенствования административно-правового обеспечения механизма управления органами внутренних дел следует признать: оптимизацию правового регулирования, реорганизацию организационной структуры, принятие дополнительных мер социальной поддержки сотрудников, повышения их мотивации, законодательное решение вопроса вовлечения региональных бюджетов в финансирование органов внутренних дел.

Ключевые слова: административно-правовое обеспечение; управление органами внутренних дел; бюрократизация; кадровый дефицит; оптимизация; цифровизация.

approach to reforming the management mechanism of internal affairs bodies, combining legal, organizational and financial measures.

Research methods: content analysis of documents, comparative analysis of normative legal acts, study of theoretical sources, induction, deduction, modeling.

Results and key conclusions: the necessity of an integrated approach to the reform of the management mechanism of internal affairs bodies, combining legal, organizational and financial measures, is substantiated. Promising areas for improving the administrative and legal support of the management mechanism of internal affairs bodies should be recognized: optimization of legal regulation, reorganization of the organizational structure, taking additional measures to provide social support to employees, increase their motivation, and legislative solutions to the issue of involving regional budgets in financing internal affairs bodies.

Keywords: administrative and legal support; management of internal affairs bodies; bureaucratization; staff shortage; optimization; digitalization.

В теории управления «обеспечить» — значит создать должные правовые и организационные условия, предоставить юридические гарантии, необходимые материальные и нематериальные блага для осуществления возложенных на субъект управления функций и задач, реальной реализации субъективных прав и обязанностей объектом управления.

Сущность административно-правового обеспечения управления в самом широком смысле заключается в регулировании общественных отношений, возникающих в сфере государственного и муниципального управления с помощью норм административного права. Содержание такого обеспечения чаще всего охватывает систему и структуру органов исполнительной власти, права и обязанности граждан и организаций в отношениях с органами исполнительной власти, правовые основы государственной и муниципальной службы, формы и методы управленческой деятельности, порядок предоставления государственных услуг, вопросы административной ответственности, административный процесс и административное су-

допроизводство, обеспечение законности в государственном и муниципальном управлении, особенности государственного управления в отдельных сферах (экономики, социально-культурной сфере, обороны и охраны правопорядка и т. д.) [6, с. 51; 5, с. 17–18].

Административно-правовое обеспечение механизма управления органами внутренних дел — это система правовых норм и организационных мер, направленных на эффективное регулирование управленческих отношений, функционирование управленческих процессов, обеспечивающих реализацию возложенных на систему МВД России функций и задач по обеспечению общественного порядка, безопасности и противодействию преступности.

Механизм управления органами внутренних дел представляет собой систему взаимосвязанных правовых, организационных, информационных, кадровых и иных обеспечивающих инструментов, имеющихся в распоряжении субъекта управления [2, с. 48]. При этом, говоря об управлении органами внутренних дел, следует иметь в виду как внешнее управление систе-

мой МВД России, так и управление непосредственно в системе органов внутренних дел, управление центральным аппаратом МВД России, подчиненными ему территориальными органами, организациями и подразделениями, а также управление теми, кто проходит службу и работает в них.

Ключевыми элементами механизма управления являются: правовая основа, организационная структура, функции, методы и процессы управления, информационное, кадровое и материально-техническое обеспечение деятельности органов, организаций и подразделений системы МВД России.

Реализуемый сегодня в органах внутренних дел механизм управления позволяет в целом на должном уровне решать задачи обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, противодействия преступности, оперативно реагировать на современные вызовы и угрозы. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные и цифры, приведенные в докладе Министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России.

В 2024 г. отмечается снижение на 1,8 % общего числа зарегистрированных преступлений. Существенно уменьшилось количество убийств – на 9,8 %, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – на 8,1 %, разбоев – на 16,3 %, грабежей – на 20,7 %, краж – на 14,3 %, угонов – на 13 %. Безопаснее стало в общественных местах, где число посягательств сократилось на 14 %.

Определенные успехи органами внутренних дел достигнуты в раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел. Полицией выявлены лица, совершившие более 800 тысяч противоправных деяний. Увеличилась раскрываемость грабежей, разбойных нападений, краж транспортных средств. Стабильно высокие результаты сохраняются по раскрытию убийств и фактов причинения тяжкого вреда здоровью – в целом ряде регионов этот показатель достиг 100 % [1].

В то же время Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на указанном выше заседании отмечал необходимость обратить дополнительное внимание на раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, на поиск новых, более эффективных методов борьбы с этой угрозой. Призывал к наступательному и последовательному противодействию незаконному обороту наркотиков, решению задач, стоящих перед МВД России в миграционной сфере, к жестким и оперативным реакциям на различного рода проявления экстремизма.

В числе важнейших приоритетных задач были также названы обеспечение экономической безопасности, борьба с хищениями в бюджетной сфере, с любыми коррупционными проявлениями. Серьезного внимания по-прежнему требует безопасность на дорогах [4].

Безусловно, решение поставленных задач во многом будет определяться эффективностью функционирования механизма управления органами внутренних дел. И здесь настало время с критических позиций оценить ее состояние, тем более что такие попытки на страницах научных изданий уже имели место [3, с. 89–96].

Действующий механизм управления органами внутренних дел сформировался в ходе реформы МВД России 2010–2011 гг. и в последующем каких-либо серьезных изменений не перетерпел, если не считать передачу в 2016 г. ряда функций и личного состава (внутренних войск, вневедомственной охраны, лицензионно-разрешительной системы, подразделений специального назначения и авиации) во вновь созданную Федеральную службу войск национальной гвардии, а также возвращение в лоно МВД России подразделений по вопросам миграции и противодействия незаконному обороту наркотиков, на основе которых Указом Президента России от 2 апреля 2025 г. № 205 образована Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации¹.

К сожалению, приходится констатировать, что реформа началась без должной теоретической проработки, поэтому предпринимаемые шаги нередко носили спонтанный характер, а принимаемые решения зачастую осуществлялись под влиянием неадаптированных к российской действительности либеральных идей. В то же время не получили должного внимания хорошо известные и апробированные в мировой практике теории – «социального обслуживания», «социального партнерства» и другие теории полицейского менеджмента [2, с. 52].

Признав полицию составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, мы фактически лишили органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления возможности эффективно участвовать в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, нести затраты на содержание полицейских. Увлечшись идеей монетизации льгот и гарантий социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, в условиях посто-

¹ О совершенствовании государственного управления в сфере миграции : Указ Президента Рос. Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 14. Ст. 1692.

янной инфляции породили проблему, которая сегодня привела к плачевному состоянию работы по формированию профессионального кадрового состава МВД России.

Некомплект личного состава органов внутренних дел достиг пугающих размеров: на 1 января 2025 г. общее количество вакансий превысило 172 тыс. должностей. В ряде органов и подразделений органов внутренних дел неукомплектованными оказались 50 и более процентов должностей [1].

Сам процесс управления органами внутренних дел сегодня стал избыточно бюрократизированным, что вкуче с просчетами в аналитической работе и прогнозировании нередко является причиной запаздывания в реагировании на новые вызовы и угрозы правопорядку и общественной безопасности. Чрезмерное увлечение централизацией в управлении органами внутренних дел, постоянное стремление к нормативному правовому регулированию всего и всякого оборачиваются на практике скопыванием разумной инициативы руководителей при принятии управленческих решений, снижением их ответственности. Смещение управленческих и правоохранительных функций, реализуемых подразделениями аппаратов управления, включая центральный аппарат МВД России (далее – ЦА МВД России), приводит к их громоздкости и снижению эффективности в руководстве подчиненными органами и подразделениями [2, с. 52]. Избыточный документооборот, отягощенный постоянно расширяющимся кругом задач и полномочий, в условиях хронического некомплекта в значительной степени увеличивает и без того немалую нагрузку на сотрудников полиции. И это лишь малая толика проблем, накопившихся в управлении органами внутренних дел.

Важнейшим элементом механизма управления органами внутренних дел является административно-правовое регулирование, основными средствами которого выступают нормативно-правовые акты, административные процедуры, меры административного и дисциплинарного принуждения, контрольно-надзорные мероприятия.

Деятельность органов внутренних дел регулируется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами Президента России, постановлениями Правительства и ведомственными нормативными правовыми актами. Органы внутренних дел также руководствуются международными договорами и соглашениями в области прав человека, борьбы с трансграничной преступностью, наркоманией и терроризмом. В целом состояние правового обеспечения управленческой деятельности соответствует реализуемой в систе-

ме МВД России модели управления, однако, как отмечалось выше, ее громоздкость, чрезмерная централизация, зарегулированность и бюрократизированность практически сводят на нет предпринимаемые усилия по повышению эффективности управления органами внутренних дел. Возникает эффект сродни «самоедской экономики», когда все ресурсы поглощает содержание и обслуживание аппарата управления, администрирование самой управленческой деятельности, а на решение основных задач не остается ни сил, ни времени.

МВД России в 2024 г. в тесном взаимодействии с Федеральным Собранием Российской Федерации предпринимались шаги по совершенствованию правового регулирования деятельности органов внутренних дел: вносились коррективы в правовую регламентацию правоохранительной деятельности. Сопровождалось принятие порядка 200 законов, из которых 14 разработаны непосредственно Министерством. В числе приоритетов – сфера миграции, противодействие киберпреступности, а также нормативная база, связанная с проведением специальной военной операции [1].

Вместе с тем, как показали проведенные в Академии управления МВД России исследования, сегодня актуальной задачей совершенствования правовых основ правоохранительной деятельности, в том числе и управления органами внутренних дел, является внесение изменений в законодательство и соответствующие акты Правительства Российской Федерации, регулирующие прохождение службы в органах внутренних дел, прежде всего в части реализации инициатив Совета Федерации по предоставлению сотрудникам органов внутренних дел дополнительных льгот, компенсаций и иных гарантий, направленных на повышение социальной защищенности и заинтересованности в дальнейшем прохождении службы, а также росту ее привлекательности для граждан, рассматривающих службу в органах внутренних дел в качестве будущей профессии.

Обоснованным и своевременным представляется предложение организовать работу по мониторингу законодательства, направленную на снижение избыточного документооборота, оптимизации нагрузки на оперативный состав органов внутренних дел, исключению дублирования функций и полномочий и при необходимости внесению требуемых в этих целях изменений в уголовно-процессуальное, уголовное и административное законодательство.

Отдельного внимания требуют вопросы повышения эффективности правовых актов управления органов внутренних дел, среди которых выделяют прежде всего нормативные и индивидуальные акты управления. Именно

недостаточная упорядоченность процесса издания правовых актов управления и является одной из основных причин, отмеченных ранее — зарегулированности и забюрократизированности управления в системе МВД России. Нередко приказы, распоряжения руководителей носят «шаблонный» характер, по сути дублируют нормативные правовые акты вышестоящих органов и не учитывают реальные условия функционирования конкретного территориального органа внутренних дел. Наибольшее число проблем, связанных с несоблюдением юридической техники, непоследовательностью и порой определенной противоречивостью издаваемых правовых актов управления, наблюдается в территориальных органах МВД России на районном уровне, где не всегда удается обеспечить качественный правовой контроль со стороны правовых подразделений.

В качестве отдельной категории нормативных правовых актов управления органами внутренних дел можно рассматривать административные регламенты. Они регулируют порядок предоставления государственных услуг и выполнения государственных функций, связанных с деятельностью полиции и других подразделений органов внутренних дел, оптимизируют процессы, сокращают сроки выполнения задач, обеспечивают стандартизацию, прозрачность и эффективность работы органов внутренних дел.

В настоящее время МВД России приняты и реализуются 36 административных регламентов предоставления государственных услуг и три по осуществлению функции государственного контроля (надзора) (в сфере миграции, регистрационного учета граждан, в сфере оборота наркотических средств). Проблемы применения административных регламентов сегодня в основном связаны с недостаточной информированностью населения, физической невозможностью соблюдения предусмотренных сроков из-за перегруженности исполнителей, работающих в условиях уже упомянутого некомплекта личного состава, отсутствием должного уровня исполнительской дисциплины. Перспективным направлением является внедрение электронных сервисов для упрощения взаимодействия с органами внутренних дел, что, несомненно, позволит снизить негативные последствия существующих бюрократических барьеров.

Не менее важным, чем правовое регулирование, элементом в механизме управления является организационная структура. Она определяет иерархию управленческих отношений, организационно-штатное построение органов внутренних дел, потоки коммуникации, полномочия и обязанности сотрудников.

Построение централизованной системы управления органами внутренних дел базируется на сочетании линейного и функционального принципов. Линейный принцип построения организационной структуры системы МВД России позволяет распределять и реализовывать функции и полномочия органов внутренних дел в соответствии с установленными в стране уровнями государственного управления по вертикали, с учетом существующего административно-территориального, политико-территориального и экономико-территориального устройства (ЦА МВД России, территориальные органы на окружном, региональном и районном уровнях). Функциональное построение выражается в совокупности различных отраслевых подразделений, реализующих отдельные задачи (функции) органов внутренних дел в масштабах всей системы МВД России (уголовного розыска, по контролю за оборотом наркотиков, охраны общественного порядка, обеспечения безопасности дорожного движения, по вопросам миграции, по работе с личным составом, правовой работы и др.).

Кроме того, в организационной структуре МВД России можно выделить относительно обособленные подсистемы — это органы внутренних дел на транспорте и органы предварительного следствия в системе Министерства, что связано главным образом со спецификой решаемых ими задач.

Такая многослойная схема построения нередко порождает проблему разграничения полномочий по ряду направлений правоохранительной деятельности. Так, например, по мнению Организационно-аналитического департамента МВД России, в практической деятельности имеется ряд вопросов, связанных с нормативной неопределенностью разграничения полномочий территориальных органов внутренних дел на региональном и районном уровнях при совпадении отраслевой компетенции при раскрытии и расследовании преступлений. Такое совпадение зачастую приводит к выполнению одинаковых функций по непосредственному противодействию преступности на одной территории несколькими подразделениями, что неминуемо оборачивается размыванием ответственности за состояние этой работы.

Проблема разграничения полномочий является актуальной и для подразделений самого ЦА МВД России. В 2023 г. Академия управления МВД России по заявке Организационно-штатного управления МВД России проводила научные исследования, задачами которого было проанализировать положения о подразделениях ЦА МВД России на соответствие профилю подразделения и наличие дублирующих функций; предложить возможные подходы к опреде-

лению рационального распределения целевых функций в рамках существующей структуры ЦА МВД России, дальнейшей оптимизации его организационно-штатного построения.

Действительно, деятельность подразделений ЦА МВД России рассматривается в первую очередь как управленческая. Они обеспечивают и осуществляют в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности; в пределах установленной компетенции организуют, координируют и контролируют деятельность территориальных органов, организаций и подразделений системы МВД России, осуществляют организационно-методическое обеспечение их деятельности. В то же время ряд подразделений ЦА МВД России наделены и непосредственно реализуют правоприменительные функции, осуществляя оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную, административную деятельность, оказывая государственные услуги по отдельным направлениям обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, противодействия преступности в Российской Федерации.

В рамках проведенного исследования были выявлены ряд расхождений в функциях, задачах и полномочиях подразделений ЦА МВД России, наличие дублирования функций некоторых подразделений ЦА МВД России. Определено, что смещение в рамках одного структурного подразделения ЦА МВД России управленческих и сугубо правоохранительных функций создает предпосылки для неверного определения приоритетов в их работе, приводит к определенному дисбалансу в распределении сил и средств, усилий сотрудников указанных подразделений. В связи с чем были предложены два пути решения указанных проблем: консервативный и реорганизационный.

Консервативный путь заключается в принятии мер правового характера, направленных на внесение соответствующих изменений в статусные документы – положения о подразделениях ЦА МВД России в рамках действующей организационно-штатной структуры в целях устранения дублирующих функций и приведения перечня исполняемых функций в точное соответствие с возложенными на подразделениями задачами.

Реорганизационный путь заключается в решении ключевой задачи: освобождения подразделений ЦА МВД России от непосредственной реализации правоприменительных функций по федеральному государственному контролю (надзору), осуществления оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, админи-

стративной деятельности, оказания государственных услуг в сфере внутренних дел и превращения ЦА МВД России в центральный орган управления системой МВД России. Практическое решение данной задачи возможно путем передачи указанных функций созданным при подразделениях ЦА МВД России соответствующим специализированным оперативным частям и центрам.

Вряд ли у кого-то возникнет сомнение в ответе на вопрос: каким путем решили идти в Министерстве дальше?

Потребность в совершенствовании административно-правового обеспечения сегодня испытывает не только организационная, но и функциональная структура управления. В данном случае имеются в виду такие функции управления, как:

– *сбор, обработка и анализ информации*: использование статистики, сведений о состоянии оперативной обстановки и иной, социально значимой информации для принятия решений. Применение в управлении органами внутренних дел современных технологий (цифровизация управленческих процессов, использование больших данных, искусственного интеллекта);

– *выработка и принятие управленческих решений*: своевременность разработки и утверждения стратегий, программ, планов, оперативных управленческих решений по обеспечению общественного порядка и безопасности, противодействию преступности, повышению эффективности деятельности органов внутренних дел;

– *организация исполнения*: создание оптимальной организационно-штатной структуры, рациональное распределение полномочий, необходимое ресурсное (кадровое, финансовое, материально-техническое) обеспечение, мотивация сотрудников к эффективной работе через поощрения за успешную работу, профессиональное обучение и карьерный рост;

– *координация и взаимодействие*: обеспечение согласованности деятельности исполнителей между подразделениями органов внутренних дел, а также с другими государственными органами и общественными организациями. Обмен информацией между подразделениями и с другими органами власти. Корректировка стратегий и методов работы на основе полученных данных;

– *контроль*: проверка выполнения поставленных задач и соблюдения законодательства. Функционирование системы ведомственного контроля за деятельностью органов и подразделений внутренних дел. Анализ представлений прокуратуры, определений судов, материалов СМИ, обращений общественных организаций, жалоб и предложений граждан.

Важным направлением повышения эффективности механизма управления органами внутренних дел является совершенствование административно-правового регулирования финансового и материально-технического обеспечения управленческой деятельности. Значение этих вопросов в современных условиях сложно переоценить.

Учитывая это, нельзя не упомянуть еще об одной проблеме административно-правового обеспечения управления органами внутренних дел, порожденной переводом органов внутренних на финансирование исключительно из средств федерального бюджета. В условиях хронического недофинансирования реальных потребностей МВД России как никогда актуальной является задача совершенствования взаимодействия территориальных органов МВД России с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, определения эффективного алгоритма участия территориальных органов МВД России в разработке и реализации региональных государственных программ, включения в них мероприятий правоохранительной направленности.

Сегодня многие регионы проявляют заинтересованность в более активном участии в решении вопросов обеспечения правопорядка на своих территориях. Примером тому служат соглашения между правительствами, ад-

министрациями субъектов Российской Федерации и МВД России о передаче полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных региональным законодательством, а также соглашения о взаимодействии между МВД России и субъектом Российской Федерации, допускающие участие уполномоченной субъектом Российской Федерации организации в осуществлении полномочий по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства патентов, и некоторые другие формы взаимодействия. В той или иной степени указанные соглашения предусматривают, что бремя финансового обеспечения реализации передаваемых полномочий несут субъекты Российской Федерации.

Вместе с тем, реально оценивая ситуацию, можно констатировать явную недостаточность таких мер. В этой связи представляется весьма привлекательным предложение о проработке вопроса о частичном финансировании территориальных органов внутренних дел за счет бюджетов субъектов Российской Федерации, которое нашло отражение в решении Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации от 1 июля 2024 г. Несомненно, что реализация данного предложения потребует внесения серьезных изменений в российское законодательство.

Список литературы:

1. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Рамблер Новости : сайт. URL: https://news.rambler.ru/community/54301958/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.05.2025).
2. Кононов А. М. Научная школа «Управление органами внутренних дел» как теоретическая основа подготовки руководящих кадров для системы МВД России // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции : сборник научных статей Международной научно-практической конференции / под ред. Л. Н. Бодя, А. Л. Ситковского. М. : Академия управления МВД России, 2024. С. 47–55.
3. Маркушин А. Г., Морозов О. Л. Современные проблемы управления в органах внутренних дел и некоторые направления их решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 89–96.

References:

1. Vystuplenie Vladimira Kolokol'ceva na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii // Rambler Novosti : sayt. URL: https://news.rambler.ru/community/54301958/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashcheniya: 25.05.2025).
2. Kononov A. M. Nauchnaya shkola «Upravlenie organami vnutrennih del» kak teoreticheskaya osnova podgotovki rukovodyashchih kadrov dlya sistemy MVD Rossii // 95 let Akademii upravleniya MVD Rossii: prodolzhataya i priumnozhaya slavnye tradicii : sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. L. N. Bode, A. L. Sitkovskogo. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2024. S. 47–55.
3. Markushin A. G., Morozov O. L. Sovremennye problemy upravleniya v organah vnutrennih del i nekotorye napravleniya ih resheniya // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2 (50). S. 89–96.
4. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD // Prezident Rossii : ofic. sayt. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

4. Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Сигарев А. В. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления : курс лекций. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2016. 207 с.
6. Смоленский М. Б. Административное право : учебник / М. Б. Смоленский, Э. В. Дригола. М. : КНОРУС, 2020. 320 с.
5. Sigarev A. V. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya : kurs lekcij. Novosibirsk : Izd-vo SibAGS, 2016. 207 s.
6. Smolenskij M. B. Administrativnoe pravo : uchebnik / M. B. Smolenskij, E. V. Drigola. M. : KNORUS, 2020. 320 s.

Для цитирования:

Кононов Анатолий Михайлович. Актуальные проблемы и перспективы совершенствования административно-правового обеспечения механизма управления органами внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 85–92.

For citation:

Kononov Anatoly Mikhailovich. Current Problems and Prospects for Improving the Administrative and Legal Support of the Mechanism Management of Internal Affairs Bodies // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 85–92.

Репьев Артем Григорьевич,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель директора по науке,
Юридический институт
Российского университета транспорта,
Российская Федерация, 127994, г. Москва,
ул. Образцова, д. 9, стр. 9
E-mail: repev-artem@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0718-698X

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 340.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-93-101

Дата поступления статьи: 30 июля 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Теоретическая концепция формирования законодательства в сфере легкового такси: классические подходы унификации и экспериментальные методики

The Theoretical Concept of the Formation of Legislation in the Field of Passenger Taxis: Classical Unification Approaches and Experimental Methods

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена тем, что автором с теоретико-правовых позиций предпринимается попытка осмысления состояния отечественного законодательства, регламентирующего перевозки легковым такси. Констатируется, что формирование законодательства в сфере легкового такси, способного эффективно, максимально предметно и по возможности гибко регулировать данные отношения, – сложная задача. Аргументировано, что ее решению может способствовать обращение к фундаментальным основам правовой специализации, которая традиционно опирается на единство двух форм воздействия: унификацию правового регулирования, с одной стороны, и дифференциацию – с другой.

Постановка проблемы: усложнение общественных отношений в области транспорта подталкивает субъекты управления к поискам альтернативных вариантов удовлетворения общественных потребностей, нередко с использованием экспериментальных методик. Постулируется, что несовершенство законодательства в области пассажирских перевозок,

Artyom Grigorievich Repev,
Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Director for Science,
Law Institute
of the Russian University of Transport,
Russian Federation, 127994, Moscow,
Obraztsova St., 9, Building 9,
E-mail: repev-artem@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0718-698X

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Abstract

The relevance of the article is due to the fact that the author attempts to understand the state of domestic legislation regulating passenger taxi transportation from a theoretical and legal point of view. It is stated that the formation of legislation in the field of passenger taxis, which is able to regulate these relations effectively, as objectively and flexibly as possible, is a difficult task. It is argued that its solution can be facilitated by an appeal to the fundamental foundations of legal specialization, which traditionally relies on the unity of two forms of influence: unification of legal regulation, on the one hand, and differentiation – on the other.

Problem statement: the increasing complexity of public relations in the field of transport pushes management entities to search for alternative ways to meet public needs, often using experimental techniques. It is postulated that the imperfection of legislation in the field of passenger transportation, interpretative and law enforcement activities based on the clash of public and private interests determine the omissions in the field of ensuring citizens' rights to affordable and safe transport services.

интерпретационная и правоприменительная деятельность, построенная на столкновении публичных и частных интересов, детерминируют упущения в области обеспечения прав граждан на доступные и безопасные транспортные услуги.

Цель исследования: выявить способы повышения эффективности нормативной правовой базы в области регулирования пассажирских перевозок за счет обращения к фундаментальным основам юридической специализации: унификации и дифференциации. Аргументируется приоритетность экспериментального правового регулирования среди иных способов воздействия на таксомоторную отрасль. В качестве дополнительной цели ставится доказательство перспективности правового экспериментирования в части регулирования таксомоторных перевозок, которое позволит осуществить точечную донастройку существующих механизмов и дополнить их инновационными элементами.

Методы исследования: на основе сочетания общей и частной методологии, при использовании формально-юридического подхода, метода интерпретации нормативных предписаний выдвигается и впоследствии доказывается гипотеза, что одним из приоритетных способов регулирования таксомоторной отрасли должен позиционироваться режим экспериментального правового регулирования, позволяющий провести максимально глубокое разделение подходов к правовому воздействию. Базируясь на анализе существующих специальных правовых режимов, статистических данных, материалов совещаний государственных органов, прогнозируем, что экспериментирование в рамках правового регулирования таксомоторных перевозок позволит методом проб и ошибок, выработать наиболее оптимальные, адаптированные потребностям общества подходы правового воздействия.

Результаты и ключевые выводы: доказано, что экспериментальный метод воздействия на общественные отношения – эффективная, но крайне сложная технология. Она определяет необходимость глубокого научного осмысления правового инструментария для обеспечения баланса интересов в сфере легкового такси. Делается вывод о необходимости расширения правовых исследований в области систематизации и специализации таксомоторного законодательства. Констатируется, что в рамках научно-исследовательского поиска будет возможность обеспечить функционирование и развитие тематической профессиональной площадки, специализирующейся на вопросах правового обеспечения деятельности такси, формирование единого норма-

The purpose of the study is to identify ways to increase the effectiveness of the regulatory legal framework in the field of passenger transportation regulation by referring to the fundamental principles of legal specialization: unification and differentiation. The author argues for the priority of experimental legal regulation among other ways of influencing the taxi industry. As an additional goal, we set out to prove the prospects of legal experimentation in terms of regulating taxi transportation, which will make it possible to fine-tune existing mechanisms and supplement them with innovative elements.

Research methods: based on a combination of general and particular methodology, using a formal legal approach, a method of interpreting regulatory requirements, the hypothesis is put forward and subsequently proved that one of the priority ways to regulate the taxi industry should be an experimental legal regulation regime that allows for the deepest possible separation of approaches to legal impact. Based on the analysis of existing special legal regimes, statistical data, and materials from meetings of government agencies, we predict that experimentation within the framework of legal regulation of taxi transportation will allow trial and error to develop the most optimal approaches to legal influence adapted to the needs of society.

Results and key conclusions: attention is drawn to the fact that the experimental method of influencing public relations is an effective but extremely complex technology. It determines the need for a deep scientific understanding of the legal instruments to ensure a balance of interests in the field of passenger taxis. It is concluded that it is necessary to expand legal research in the field of systematization and specialization of taxi legislation. It is stated that within the framework of the research search, it will be possible to ensure the functioning and development of a thematic professional platform specializing in the legal support of taxi activities, the formation of a unified regulatory space, as well as a platform for coordination and cooperation between representatives of the public transport administration, science, the business segment of passenger taxis, and experts.

тивного пространства, а также площадки координации и сотрудничества представителей публичного транспортного управления, науки, предпринимательского сегмента легкового такси, экспертов.

Ключевые слова: такси; законодательство; специализация; унификация; правовой эксперимент.

Keywords: taxi; legislation; specialization; unification; legal experiment.

Транспортный комплекс представляет собой каркас любого государства, а таксомоторная сфера сегодня стала в буквальном смысле отражением не только экономической составляющей общества, но и претендует на более широкую, культурологическую оценку. Институт такси за годы своего становления прошел нелегкий путь развития: от рядового показателя усиливающейся урбанизации до неотъемлемого компонента повседневной жизни не только города, но и сельских агломераций. Сегодня можно без преувеличения позиционировать таксомоторную отрасль в качестве стержневой опоры государства, обеспечивающей его модернизацию и в то же время целостность, устойчивость геополитическим вызовам. В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне мы вспоминаем героев-таксистов, подвиги которых во благо сохранения нашего суверенитета воспеты поэтами-фронтовиками (речь, в частности, идет о подвиге военного шофера Владимира Артюха, ранее работавшего в таксопарке Ленинградского автотранспортного предприятия, описанном поэтом А. Т. Твардовским в стихотворении «Шофер Артюх») [10, с. 123].

Между тем, начатая несколько лет назад реформа такси, изначально всколыхнув экспертное сообщество, сегодня всецело находит отражение в политической повестке органов публичной власти, что, как следствие, отражается на интересе со стороны юридической доктрины.

С одной стороны, государство вкладывает в отрасль значительные финансовые средства и привлекает колоссальные человеческие ресурсы. В 2024 году только на одно из направлений улучшения транспортной доступности — проект «Безопасные качественные дороги» — было выделено 621,4 млрд рублей¹. В 2025 году на комплексную поддержку инфраструктурных задач в области перевозки пассажиров в новом национальном проекте «Эффективная транспортная система» Правительство

Российской Федерации предусмотрело выделение из бюджета государства одного триллиона рублей². С другой стороны, увеличивается в динамике арифметической прогрессии и при этом содержательно трансформируется и сам рынок такси. Если на отметке знаковой для отрасли 2022 года количество зарегистрированных автомобилей такси составляло 346 тысяч единиц, то на 1 мая 2025 года в сфере задействовано уже 1 млн 46 тысяч машин³. Данный аспект, к слову сказать, не может не сказываться на экологической ситуации в государстве. Среднестатистический пассажирский автомобиль ежегодно выбрасывает около 4,6 метрических тонн CO₂ (углекислого газа), вследствие чего более 90 % загрязнения воздуха в городах мира происходит от автомобилей⁴. Перспективы включения в концепцию развития такси тематики электрификации — также назревшая проблема.

Между тем устойчивому и системному развитию отрасли нередко препятствуют внутренние противоречия. Участники рынка такси зачастую сталкиваются с равнодушием субъектов государственного регулирования, видят безразличие нормотворческих органов к запросам бизнеса и самозанятых граждан. В определенной мере это наглядно продемонстрировала ситуация с обсуждением закона о локализации такси⁵. Представляется, что применительно к этой проблеме регулятору не всецело удалось обеспечить баланс частных и публичных интересов⁶,

² Мишустин: На нацпроект «Эффективная транспортная система» выделят 1 трлн рублей // Рос. газ. 2025. 26 марта.

³ Госдума приняла закон о локализации такси // Рос. газ. 2025. 13 мая.

⁴ Экологические аспекты транспортных сервисов: влияние на рынок такси // KM/RU : сайт. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2023/12/20/avtomobilnyi-transport-v-rossii/908463-ekologicheskie-aspekty-transportnykh-serv> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ О внесении изменений в статьи 9 и 10 Федерального закона «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»: Федер. закон от 23 мая 2025 г. № 116-ФЗ: принят Гос. Думой 13 мая 2025 г.: одобрен Советом Федерации 21 мая 2025 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 21. Ст. 2537.

⁶ Пересядут ли таксисты на отечественные машины // Рос. газ. — Спец. выпуск «Автопарк». 2025. 10 апреля.

¹ Расходы бюджета на исполнение нацпроектов в 2024 году составят 3 трлн рублей // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19694631> (дата обращения: 27.05.2025).

что, возможно, не в лучшую сторону отразится на потребителе⁷.

Сказанное лишней раз демонстрирует, что таксомоторная отрасль, без преувеличения, занимает особое место внутри транспортного массива. Ее развитие можно охарактеризовать не только как пульсирующее в ногу со временем, а, пожалуй, даже опережающее его. Не удивительно, что формирование законодательства в сфере легкового такси, способного эффективно, максимально предметно и по возможности гибко регулировать данные отношения, — задача «со звездочкой». Ее решению может поспособствовать обращение к фундаментальным основам правовой специализации [9; 12]. Последняя традиционно опирается на единство двух форм воздействия: унификацию правового регулирования, с одной стороны [3; 5; 8], и дифференциацию — с другой [1; 6; 11]. Останемся на этом вопросе подробнее.

Унификация таксомоторного законодательства

Первым аргументом, демонстрирующим насущную необходимость унификации законодательства в таксомоторной отрасли, является сложившаяся вариативность понятийно-категориального ряда, специфической юридической терминологии. Лексико-семантические единицы, используемые для правового регулирования отношений в любой сфере, должны быть максимально единообразными, точными, целостными — это аксиома юридической науки. Между тем таксомоторное законодательство даже базовое, родовое понятие «легковое такси» дефинирует по-разному. При этом, по нашему мнению, вариант, закрепленный в подзаконном нормативном акте — постановлении Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586, более выверенный содержательно и терминологически (за счет употребления устоявшегося словосочетания «транспортное средство», хотя и без обязательной, на наш взгляд, характеристики — «механическое»). В свою очередь, рамочный для отрасли Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ использует категорию «легковой автомобиль»⁸ — неизвестную отечественному законодательству. Важно, что при совершении водителем такси дорожно-транспортного происшествия, квалифициру-

емого как административное правонарушение или уголовно-наказуемое деяние, юрисдикционные органы будут ориентироваться на три основных нормативных правовых акта (Правила дорожного движения⁹, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁰ и Уголовный кодекс Российской Федерации¹¹), которые апеллируют иным терминологическим рядом (к сожалению, закрепленным также не единообразно). Достаточно посмотреть в сравнении определение понятия «транспортное средство», данное в примечании к ст. 12.1 КоАП РФ, и гипотезу статьи 264 УК РФ, использующую терминологический ряд «автомобиль, трамвай», а затем раскрывающееся в примечании понятие «другое механическое транспортное средство».

Аргумент второй — отсутствие единых формально-юридических принципов и идеологических начал правовой регламентации таксомоторных отношений, разрозненность технических и информационных требований, методических стандартов и рекомендаций. В частности, выступая предметом совместного ведения центра и регионов, законодательство в области такси допускает возможность ужесточения условий к участникам рынка. Так, на середину 2025 года 12 субъектов Российской Федерации региональными нормативными правовыми актами установили требования относительно цветовой гаммы автомобилей такси (к примеру, если для г. Москвы это исключительно желтый цвет¹², то в Краснодарском крае еще и белый)¹³; в пяти регионах определен допустимый экологический класс, а в двух запланирована или уже реализуется обязательная аттестация водителя на предмет ориентирования на местности (вла-

⁷ Принятие закона о локализации такси приведет к росту цен на поездки // Рос. газ. 2025. 13 мая.

⁸ Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 580-ФЗ : в ред. от 24 июня 2023 г. : принят Гос. Думой 22 декабря 2022 г. : одобрен Советом Федерации 23 декабря 2022 г. (далее — Федеральный закон № 580) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. 1). Ст. 27; 2023. № 26. Ст. 4686.

⁹ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») : постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 : в ред. от 16 июля 2025 г. // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 13. Ст. 1496.

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : в ред. от 23 мая 2025 г. : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; 2025. № 15. Ст. 1796.

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 21 апреля 2025 г. : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2025. № 17. Ст. 2131.

¹² О легковом такси в городе Москве : закон г. Москвы от 7 июня 2023 г. № 20 // Mos.ru : офиц. портал Мэра и Правительства Москвы : сайт. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/51473220/> (дата обращения: 16.07.2025).

¹³ Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Краснодарском крае : закон Краснодарского края 31 мая 2023 г. № 4906-КЗ // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2300202306070001> (дата обращения: 16.07.2025).

дение знаниями особенностей территории)¹⁴. При этом если ранее отсутствие свидетельства о прохождении аттестации являлось лишь критерием допуска к выходу на линию, то в ближайшее время в г. Москве будет применяться административный штраф за игнорирование данной нормы в размере 5 тыс. рублей.

Третьим аргументом в пользу необходимости унификации таксомоторного законодательства является множественность и внесистемность нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере конкретного вида транспорта, в данном случае легкового и пассажирского. С одной стороны, базовые положения об организации перевозок пассажиров определены ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (в частности, ст. 786 определяет природу и содержание договора перевозки пассажира)¹⁵; с другой — специфика перевозки легковым такси регулируется еще несколькими нормативными правовыми актами, включая различные иерархические уровни и степени систематизации: федеральные (при этом среди них есть кодифицированные акты), подзаконные, региональные, ведомственные. Помимо уже упомянутого рамочного Федерального закона № 580-ФЗ, это еще и Устав автомобильного транспорта (например, касательно заключения договора фрахтования легкового такси)¹⁶, Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» (например, в части определения критериев допуска к управлению автомобилем)¹⁷, Правила перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом¹⁸, а кроме того акты Таможенного союза (например, в части определения категории транспорт-

ного средства, допускаемого для работы в легковом такси)¹⁹.

Вариативность юридической терминологии, отсутствие единых формально-юридических принципов и идеологических начал, множественность как свойство системы норм регулирования таксомоторных отношений детерминируют неопределенность правового регулирования, а главное, сомнение в истинности реализации актов данного законодательного массива. Нередко возникает ситуация со сложностью адаптации нормативных положений, как говорится, к реалиям «на земле». Законодательные нормы, разработанные для больших агломераций, зачастую нежизнеспособны в отдаленных территориях. Регуляторные матрицы, предусмотренные для крупных игроков рынка, не соотносятся с интересами самозанятых водителей, что нивелирует ранее разработанный государством и положительно себя зарекомендовавший специальный налоговый режим. В этой связи наряду с унификацией специализация таксомоторного законодательства должна быть ориентирована на дифференциацию. При этом с учетом интенсивно развивающихся в отрасли отношений одним из приоритетных должен позиционироваться режим экспериментального правового регулирования [2; 4], позволяющий, по нашему мнению, провести максимально глубокое разделение подходов к правовому воздействию.

Нормативной основой правового экспериментирования выступает Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ²⁰ (далее — Федеральный закон № 258-ФЗ). Как известно, на сегодняшний день в нашей стране уже действуют 18 экспериментальных правовых режимов, четыре из которых регулируют перевозки наземным транспортом, включая использование беспилотных автомобилей. В экспериментальном регулировании транспортных отношений задействованы 38 субъектов Российской Федерации²¹. Юридической сущностью эксперимен-

¹⁴ Об аттестации лиц, претендующих на допуск к управлению легковым такси для осуществления перевозок пассажиров и багажа в городе Москве : приказ Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы от 11 июля 2024 г. № 61-02-379/24 // Mos.ru : офиц. портал Мэра и Правительства Москвы : сайт. URL: <https://www.mos.ru/dt/documents/prikazy-i-rasporiazheniia-departamenta/view/307573220/> (дата обращения: 16.07.2025).

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ : в ред. от 13 декабря 2024 г. : принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; 2024. № 51. Ст. 7853.

¹⁶ Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : Федер. закон от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ : в ред. от 19 октября 2023 г. : принят Гос. Думой 18 октября 2007 г. : одобрен Советом Федерации 26 октября 2007 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 46. Ст. 5555; 2023. № 1 (ч. I). Ст. 74.

¹⁷ О безопасности дорожного движения : Федер. закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ : в ред. от 8 августа 2024 г. : принят Гос. Думой 15 ноября 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873; 2024. № 29 (ч. II). Ст. 4103.

¹⁸ Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 : в ред. от 23 марта 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 41. Ст. 6428; 2024. № 14. Ст. 1904.

¹⁹ О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (вместе с «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств») : решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 // Электронный фонд нормативно-тех. и нормативно-правовой информ. Консорциума «Кодекс» : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902320285> (дата обращения: 15.12.2011).

²⁰ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ : в ред. от 8 августа 2024 г. : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017; 2024. № 29 (ч. II). Ст. 4098.

²¹ Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций // Министерство экономического развития Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/?ysclid=mazbhxub

тального правового регулирования выступает установление специальных норм: норм-изъятий и норм-дополнений. Первые позволяют участникам правоотношений не руководствоваться общим, генеральным правовым предписанием на определенной территории, в ограниченных временных рамках и по установленному перечню субъектов, а вторые корректируют, уточняют действие основного правила в условиях эксперимента.

Ранее мы обращались к проблематике экспериментирования в праве, отмечая, несомненно, имеющиеся сильные стороны такого пробного, тестового варианта регулирования общественных отношений [7]. Как известно специалистам, на сегодняшний день Центр стратегических разработок выступил с инициативой по внедрению цифровых технологий в пассажирские перевозки, в частности в такси. Экспериментальный правовой режим предполагает реализацию четырех ключевых направлений: электронные путевые листы, дистанционный техконтроль и медосмотр, моментальное урегулирование дорожно-транспортных происшествий и выполнение заказов по месту деятельности (но не по месту регистрации, как это происходит на сегодняшний день). Между тем выдвинем предположение, что внедрением указанной цифровой платформы потенциал правового экспериментирования в области такси не ограничивается.

Экспериментальное правовое регулирование в сфере легкового такси

Обозначим некоторые сильные стороны такой методики воздействия, которые, на наш взгляд, могут способствовать повышению в целом эффективности правового регулирования таксомоторной отрасли за счет более гибкого, адаптируемого к потребностям государства и участников рынка регулирования:

– высокая степень реагирования на изменяющиеся общественные отношения. Таксомоторная сфера в силу своей уникальной динамичности подвергается перманентному воздействию со стороны законодательских субъектов различного уровня. Несмотря на то, что после принятия Федерального закона № 580-ФЗ не прошло и трех полных лет, а с момента вступления в силу двух лет, он уже подвергался изменениям, а количество инициатив, не прошедших в итоге фильтра законодательного процесса, превышает 30 законопроектов. На сегодняшний день к нормативному правовому акту подготовлены еще не менее 25 законопроектов, находящихся на различных стадиях обсуждения. К примеру, поправки, ужесточающие ответственность агрегатора за передачу за-

каза водителю без действующего разрешения²²; или законопроект, устанавливающий административную ответственность за неразмещение обязательной информации на сайте агрегатора²³ и многое другое. Введение полноценного экспериментального правового режима для такси позволит если не остановить, то как минимум притормозить регуляторную перегрузку отрасли;

– снижение консервативности подходов правовой регламентации. Участники и эксперты в области таксомоторных перевозок отмечают, что практически весь объем нормативно-правовых требований, разработанных для таксопарков «постиндустриальной экономики», в настоящее время предъявляется к деятельности «цифрового такси»²⁴. Сегодня цифровизация отрасли не просто медийный слоган, а реальный и уже реализующийся комплекс мер по автоматизации процессов транспортных организаций, в том числе оснащению телемедицинским оборудованием и технологией формирования электронных путевых листов. В свою очередь, экспериментальное правовое регулирование позволит рисковать технологиями, не рискуя фундаментальными ценностями и не подменяя базовые принципы государственного участия в предпринимательской деятельности;

– возможность прогнозирования социальных последствий. К сожалению, нередко формируемые методом «кавалерийского наскока» законодательные новеллы не соотносятся с ожидаемыми результатами. Отчасти такая ситуация наблюдалась в результате вступления в силу Федерального закона № 580-ФЗ: непосильные для многих комиссии агрегаторов вынудили водителей уходить в нелегальный сегмент, организовывая перевозки посредством чатов в мессенджерах и группах в социальных сетях²⁵. В настоящее время, например, органы исполнительной власти прорабатывают возможные механизмы реализации поручения Президента Российской Федерации об установлении льготной стоимости перевозок в такси для многодетных семей²⁶. Вопрос изна-

²² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления ответственности за нарушение правил передачи информации о заказе легкового такси) : проект федер. закона № 853934-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/853934-8> (дата обращения: 23.07.2025).

²³ Там же.

²⁴ Для таксистов планируют создать единое приложение. Что в нем будет и как оно сделает поездки дешевле и безопаснее // Рос. газ. 2025. 24 апреля.

²⁵ Все больше таксистов уходят работать в «серую» зону. Чем это грозит пассажирам? // Рос. газ. 2024. 13 ноября.

²⁶ Перечень поручений по итогам заседания Государственного Совета по вопросам социальной поддержки семей // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76156> (дата обращения: 23.05.2025).

чально непростой, поскольку по своей природе базируется на противоречии публичных и частных интересов, а по технологии реализации столкнется с многочисленными сложностями: процедура оформления заказа, лимитирование поездок, установление адресного перечня объектов для посещения социальных организаций и многое другое. Введение экспериментально-правового регулирования даст возможность тестовым методом нащупать, а затем апробировать наиболее подходящие средства реализации данного поручения главы государства.

Следовательно, экспериментирование в рамках правового регулирования таксомоторных перевозок в целом позволит осуществить точечную донастройку существующих механизмов и дополнить реализуемую правовую систему координат инновационными элементами. Однако, помимо преимуществ, для экспериментальных правовых режимов характерны и отдельные уязвимые места, на которые необходимо обратить пристальное внимание.

Во-первых, в нашем государстве применяется закрытая модель экспериментальных правовых режимов, в отличие от ряда иных, на уровне конституций, закрепивших легальную возможность тестового правового воздействия во всех необходимых областях (к примеру, основной закон Франции прямо устанавливает допустимость экспериментального правового регулирования в стране)²⁷. В России нормы-изъятия и нормы-дополнения устанавливаются только в отношении тех правовых положений, которые прямо указаны в экспериментальном нормативном правовом акте и только применительно к тем областям, которые определены ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 258-ФЗ. Такая ситуация детерминирует не только «законы-спутники» (что снова приводит к множественности правового регулирования, отягощает общий законодательный массив), но и подмену уровней нормотворчества. Столкнувшись с громоздкой машиной законодательного процесса, инициатор эксперимента идет на ее обход при помощи издания постановления Правительства Российской Федерации вместо федерального закона. В 2020 г. соотношение принимаемых по экспериментально-правовой тематике федеральных законов и постановлений Правительства РФ было 3/13, в 2021 г. при отсутствии федеральных законов принято 17 постановлений Правительства РФ. Тенденция соотношения сохра-

няется на протяжении нескольких лет: 2022 г. — 4/11, 2023 г. — 2/26, 2024 г. — 0/25, 2025 г. (истекший период) — 1/6. Это, в свою очередь, подрывает фундаментальные основы построения нормотворческого процесса, приводит к разбалансированию единой системы публичной власти.

Во-вторых, характерной чертой правового экспериментирования в нашем государстве является отсутствие объективной, прозрачной экспертной оценки состоявшихся специальных режимов регулирования. К сожалению, в рамках многих ранее организованных правовых экспериментов заинтересованные субъекты так и не получили от государства необходимой ответной реакции, основанной на объективном, квалифицированном мониторинге результатов. Так было до принятия Федерального закона № 258-ФЗ, ситуация не меняется и сейчас. К примеру, упоминаемый ранее Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций не содержит резюмирующей графы о том, признан ли конкретный экспериментальный режим удачным, будет ли он распространен в качестве положительного опыта и т. д. Анализ итогов правового экспериментирования, их открытость для профессионального сообщества — необходимое условие не только для подкрепления легитимной основы такого нестандартного подхода к правовой регламентации, но и важный критерий доверия общества к действиям государства. Впоследствии при внесении законодательной инициативы указание в пояснительной записке на тот факт, что проект основывается на результатах правового эксперимента, несомненно, повысит репрезентативность, доказательность предлагаемых новелл.

В-третьих, для чистоты оценки результатов правового экспериментирования необходимо до его запуска разработать, а затем неукоснительно придерживаться содержательных и процедурных условий:

- формирования четких критериев оценки правовых и социально-экономических эффектов экспериментирования;
- недопустимости смещения ранее установленных сроков проведения экспериментирования и их досрочного завершения;
- нежелательности (в крайнем случае минимизации) сокращения финансирования.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что экспериментальный метод воздействия на общественные отношения — эффективная, но крайне сложная технология. Для ее реализации субъекту необходимо иметь высокий набор компетенций, не только в области правовых знаний, но и экономических, организационно-управленческих, психологических, полити-

²⁷ Constitution de la République française du 4 octobre 1958 (Version mise à jour en janvier 2015) (Конституция Французской Республики от 4 октября 1958 г. (обновленная версия в январе 2015 г.)) // Assemblée nationale (Национальное собрание) : сайт. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp#titre_5 (дата обращения: 28.05.2025).

ческих и многих иных. Тем не менее дальнейшее развитие транспортного комплекса в целом и таксомоторного сегмента в особенности свидетельствует о высоких перспективах использования экспериментального правового режима. Для его применения необходима научно обоснованная разработка соответствующей модели: начиная от нормативной правовой базы в области инновационных цифровых правоотношений и завершая просчетом организационных, финансовых и иных ресурсов.

Сегодня такси – это уже не про «отвезти из точки А в точку Б». Такси – это часть отечественной истории, культуры, не побоимся этого слова, национальной самобытности. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р, давшая запуск кардинальным преобразованиям в отрасли, уже повлекла за собой реформирование роли государства в регулировании отношений.

Список литературы:

1. *Абанина Е. Н., Петров Д. Е.* Проявление дифференциации и интеграции в системе права в условиях реализации в Российской Федерации концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 158–162.
2. *Баранов В. М.* Экспериментальный нормативный правовой акт как нетипичная форма российского права // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 61–118.
3. *Дмитриева Г. К.* Унификация или гармонизация права: новые формы // Унификация международного частного права в современном мире : сборник статей / отв. ред. И. О. Хлестова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. С. 14–24.
4. *Леднев А. А.* Эксперимент как метод познания государственно-правовых закономерностей // Образование и право. 2024. № 4. С. 205–209.
5. *Нарутто С. В.* Роль практики Европейского суда по правам человека в унификации национального законодательства об образовании // Административное и муниципальное право. 2013. № 8 (68). С. 833–842.
6. *Петров Д. Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2015. 472 с.

Матрица, основывающаяся на доминантном участии органов власти в воздействии на пассажирский сегмент транспортных услуг, должна постепенно смениться сбалансированным регулированием, ориентированным на внутренние потребности отрасли. Безусловно, это вызовет необходимость глубокого научного осмысления правового инструментария для обеспечения баланса интересов в сфере легкового такси.

Правовая наука, до сегодняшнего дня нередко игнорируемая участниками отрасли, может предложить максимально адекватные, адаптированные вызовам времени режимы правового регулирования. В рамках научно-исследовательского поиска будет возможность обеспечить функционирование и развитие тематической профессиональной площадки, специализирующейся на вопросах правового обеспечения деятельности такси в Российской Федерации, формирование единого пространства координации и сотрудничества представителей публичного транспортного управления, науки, образования, предпринимательского сегмента легкового такси, экспертов.

References:

1. *Abanina E. N., Petrov D. E.* Proyavlenie differenciacii i integracii v sisteme prava v usloviyah realizacii v Rossijskoj Federacii koncepcii ustojchivogo razvitiya // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. № 5 (154). S. 158–162.
2. *Baranov V. M.* Eksperimental'nyj normativnyj pravovoj akt kak netipichnaya forma rossijskogo prava // Legal Technology. 2025. № 19. S. 61–118.
3. *Dmitrieva G. K.* Unifikaciya ili garmonizaciya prava: novye formy // Unifikaciya mezhdunarodnogo chastnogo prava v sovremennom mire : sbornik statej / отв. red. I. O. Hlestova. M. : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: INFRA-M, 2013. S. 14–24.
4. *Lednev A. A.* Eksperiment kak metod poznaniya gosudarstvenno-pravovyh zakonomernostej // Education and Law. 2024. № 4. S. 205–209.
5. *Narutto S. V.* Rol' praktiki Evropejskogo suda po pravam cheloveka v unifikacii nacional'nogo zakonodatel'stva ob obrazovanii // Administrative and Municipal Law. 2013. № 8 (68). S. 833–842.
6. *Petrov D. E.* Differenciaciya i integraciya strukturnyh obrazovanij sistemy rossijskogo prava. Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2015. 472 s.
7. *Rep'ev A. G.* Pravovoj eksperiment i pravovorcheskij opyt kak special'nye modeli pravovogo regulirovaniya: tekhnika, praktika, predely // Vestnik of the St. Petersburg Universi-

7. *Репьев А. Г.* Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 44–52.
8. *Сенякин И. Н.* О роли унификации в системе российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 15–23.
9. *Сенякин И. Н.* Специальные нормы советского права / под ред. М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 96 с.
10. *Твардовский А. Т.* Стихотворения и поэмы. М. : Молодая гвардия, 1956. 602 с.
11. *Толстик В. А.* Проблема дифференциации допустимого и недопустимого рискованного поведения в праве // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 362–365.
12. *Черданцев А. Ф.* Специализация и структура норм права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1970. № 1. С. 41–49.
- ty of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (97). S. 44–52.
8. *Senyakin I. N.* O roli unifikacii v sisteme rossijskogo zakonodatel'stva // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 2 (127). S. 15–23.
9. *Senyakin I. N.* Special'nye normy sovetskogo prava / pod red. M. I. Bajtina. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. 96 s.
10. *Tvardovskij A. T.* Stihotvoreniya i poemy. M. : Molodaya gvardiya, 1956. 602 s.
11. *Tolstik V. A.* Problema differenciacii dopustimogo i nedopustimogo riskovogo povedeniya v prave // Legal Technology. 2019. № 13. S. 362–365.
12. *Cherdancev A. F.* Specializaciya i struktura norm prava // News of Higher Educational Institutions. Law studies. 1970. № 1. S. 41–49.

Для цитирования:

Репьев Артем Григорьевич. Теоретическая концепция формирования законодательства в сфере легкового такси: классические подходы унификации и экспериментальные методики // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 93–101.

For citation:

Repev Artyom Grigorievich. The Theoretical Concept of the Formation of Legislation in the Field of Passenger Taxis: Classical Unification Approaches and Experimental Methods // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 93–101.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ преступлений

Яджин Николай Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации расследования
преступлений и судебных экспертиз,
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России,
Российская Федерация, 625049, г. Тюмень,
ул. Амурская, 75
E mail: yadzhinw@mail.ru

Nikolay Vasilievich Yadzhin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Crime Investigation
and Forensic Expertise,
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 625049, Tyumen,
Amurskaya St., 75
E mail: yadzhinw@mail.ru

Гайкин Максим Сергеевич,
старший эксперт отдела взрыво-
и пожарно-технических экспертиз управления
инженерно-технических экспертиз,
Экспертно-криминалистический центр
МВД России,
Российская Федерация, 125130, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5

Maxim Sergeevich Gaikin,
Senior Expert of the Department of Explosive
and Fire-Technical Expertise of the Department
of Engineering and Technical Expertise,
Expert and Criminalistic Center of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Russian Federation, 125130, Moscow,
Zoi and Aleksandra Kosmodemyanskikh St., 5

E mail: maxon291@yandex.ru

E mail: maxon291@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.98.064

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-102-108

Дата поступления статьи: 24 июня 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

**Криминалистическое значение использования
экспозиции учебных наглядных пособий –
объектов взрывотехнической экспертизы
в оперативно-служебной деятельности
органов внутренних дел**

**The Criminalistic Significance of Using the Exposition
of Educational Visual Aids – Objects of Explosive Expertise
in the Operational and Official Activities
of Internal Affairs Bodies**

Аннотация

Актуальность: в статье рассматривается понятие экспозиции учебных наглядных пособий – объектов взрывотехнической экспертизы, а также возможность использования данного термина в понятийном аппарате сотрудников экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел. Изучается криминалистическое значение экспозиции при производстве взрывотехнических судебных экспертиз, в частности использования экспонатов как образцов для сравнительного исследования. Кроме того, рассматривается возможность использования экспонатов при производстве отдельных следственных действий с участием эксперта-взрывотехника, что позволит достаточно точно воссоздать либо смоделировать обстановку места совершения преступления. Предлагаются практические рекомендации по ее формированию и пополнению.

Постановка проблемы: необходимость совершенствования экспертно-криминалистической деятельности и повышения эффективности расследования преступлений, связанных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Цель исследования: совершенствование экспертно-криминалистической деятельности и повышение эффективности расследования преступлений, связанных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Методы исследования: диалектический метод познания, а также общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, дедукции, конкретизации и др.

Результаты и ключевые выводы: реализация предложений, изложенных в настоящей публикации, в практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел, безусловно, будет способствовать результативности производства взрывотехнических экспертных исследований, а также полному и всестороннему расследованию уголовных дел, связанных с использованием взрывчатых веществ и устройств, их содержащих.

Ключевые слова: взрывные устройства; взрывчатые вещества; боеприпасы; экспозиция; специальные знания; взрывотехническая экспертиза; расследование; обучение.

Abstract

Relevance: the article discusses the concept of exposure of educational visual aids – objects of explosive expertise, as well as the possibility of using this term in the conceptual apparatus of the staff of the forensic units of the territorial bodies of internal affairs. The criminalistic significance of the exposition in the production of explosive forensic examinations, in particular, the use of exhibits as samples for comparative research, is being studied. In addition, the possibility of using the exhibits in the production of individual investigative actions with the participation of an explosives expert is being considered, which will make it possible to accurately recreate or simulate the situation of the crime scene. Practical recommendations on its formation and replenishment are offered.

Problem statement: the need to improve forensic expertise and improve the effectiveness of the investigation of crimes related to the use of explosives and explosive devices.

The purpose of the study is to improve forensic expertise and improve the efficiency of investigating crimes related to the use of explosives and explosive devices.

Research methods: dialectical method of cognition, as well as general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, deduction, concretization, etc.

Results and key conclusions: the implementation of the proposals outlined in this publication in the practical activities of the forensic units of the territorial internal affairs bodies will certainly contribute to the effectiveness of the production of explosive expert research, as well as a full and comprehensive investigation of criminal cases related to the use of explosives and devices containing them.

Keywords: explosive devices; explosives; ammunition; exposure; special knowledge; explosive expertise; investigation; training.

Текущая военно-политическая обстановка, сложившаяся на Ближнем Востоке и западе Российской Федерации, способствует модернизации и совершенствованию конструкции взрывных устройств, способов их применения, а также росту количества преступлений, совер-

шаемых с их использованием на территории страны. Вместе с тем расширяется и сама номенклатура объектов взрывотехнической экспертизы. Объектами исследования зачастую становятся современные средства поражения, в том числе иностранного производства [6],

а отсутствие необходимой справочной и технической информации на вышеуказанные изделия только усложняет задачу экспертам. Объекты взрывотехнической экспертизы являются наиболее опасными с технической точки зрения, а элементарное незнание предполагаемой конструкции исследуемых объектов может привести к несчастному случаю, например при их демонтаже с целью установления наличия взрывчатого снаряжения в их конструкции. Отсутствие необходимой справочной информации также может негативно отразиться на ходе и времени проведения исследования, а фактор оперативности зачастую играет решающую роль в организации и планировании первоочередных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [4]. От результативности производства экспертизы зависит и квалификация общественно опасного деяния. Все вышеперечисленное ставит задачу разработки и внедрения в оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел новых криминалистических методов и средств, направленных на полное и всестороннее расследование рассматриваемой категории преступлений.

На данный аспект также обратил свое внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин, который, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам работы ведомства за 2024 г., отметил, что «...в условиях навязанного нам вооруженного конфликта, проведения специальной военной операции вся правоохранительная сфера и ключевое ее звено – МВД – всю свою деятельность, безусловно, должны строить исходя из этих угроз, которые, безусловно, возникают в сегодняшней ситуации»¹. Одним из пунктов реализации этих мероприятий будет являться формирование и использование в экспертно-криминалистической деятельности экспозиции учебных наглядных пособий – объектов взрывотехнической экспертизы.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, стоит подчеркнуть его историческую и научную значимость. О.Б. Дронова и И.В. Рыжков достаточно точно отмечают, что «проблема формирования, ведения, хранения и использования криминалистически значимой информации, полученной в ходе выявления и расследования преступлений, не теряет своей актуальности на протяжении нескольких столетий» [2, с. 51]. Еще в 1912 г. в Санкт-Петербурге при департаменте полиции был создан музей уголовного сыска и научной техники расследования преступлений, инициатором его созда-

ния был знаменитый российский ученый-криминалист В.И. Лебедев [1]. Экспонаты музея пополнялись вещественными доказательствами из числа орудий совершения различных преступлений, когда приговор суда вступал в законную силу.

Так, например, С.Н. Трегубовым был представлен механизм слеодообразования на пулях и гильзах, а созданная в рамках работы над методикой исследования криминалистическая коллекция огнестрельного оружия, пуль и гильз способствовала дальнейшему развитию судебно-баллистической экспертизы. В последующем данный опыт был перенят СССР, где создавались натурные коллекции в виде музейных экспонатов. Наряду с учетом пуль и гильз, также создавались и другие натурные фонды традиционных видов судебной экспертизы, к ним можно отнести трасологические коллекции, коллекции поддельных денежных билетов и т. п. С начала 80-х гг. прошлого века активно начали развиваться коллекции объектов, относящихся к специальным видам экспертиз, что обуславливалось развитием специализированных лабораторий в системе МВД СССР. Справочно-информационные фонды накапливали информацию о наркотических средствах и лекарственных препаратах, спиртов и т. д. [10]. В этот период в системе МВД СССР зародилось направление взрывотехнических экспертиз, история которого начинается с отделения пиротехнических исследований, созданного на базе Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории. В текущем году направлению исполняется 45 лет.

Интерес исследователей XXI в. к данной тематике не ослабевает. Так, например, в 2005 г. защищена кандидатская диссертация на тему «Коллекционная деятельность в криминалистике: понятие, содержание, направления использования» [9], а в 2023 г. на тему «Теоретические основы и современные тенденции организации функционирования натуральных коллекций» [11]. Исследования по данной тематике говорят об устойчивом мнении в научной среде о практической значимости натуральных коллекций для правоохранительной деятельности. Вместе с тем исследователи выявляют ряд проблемных вопросов, заключающихся в необходимости модернизации правовых, организационных и методических подходов [3, с. 97], с чем сложно не согласиться.

Переходя от общей криминалистической теории к направлению взрывотехнических экспертиз, необходимо отметить, что установление комплекса конструктивных признаков с целью отнесения исследуемого объекта к категории взрывчатых в том числе решается по результа-

¹ Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 17.04.2025).

там сравнительного исследования с натурными образцами, что определено типовыми методиками исследования вещественных доказательств, разработанными ЭКЦ МВД России [5, с. 249]. Несмотря на возможность использования данного метода исследования в практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов внутренних дел (далее – ЭКП), до сих пор не существует единого нормативного правового акта, регламентирующего порядок формирования и использования натуральных объектов взрывотехнической экспертизы в деятельности экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов. Решение этого вопроса фактически ложится на плечи руководителей этих подразделений.

В экспертных кругах при проведении различных семинаров и стажировок по направлению взрывотехнических экспертиз данный вопрос вызывает достаточно бурную дискуссию: начиная от использования терминологии, заканчивая организационно-правовыми аспектами. Для начала постараемся разобраться, какой термин для натуральных объектов взрывотехнической экспертизы будет более подходящим «коллекция» либо «экспозиция».

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова значение слова «коллекция» толкуется как систематизированное собрание каких-нибудь предметов [8, с. 434], а слово «экспозиция» трактуется как размещение каких-нибудь предметов, выставляемых для обозрения [8, с. 1358]. Данные термины очень распространены в музейной деятельности, поэтому стоит рассмотреть их значение в соответствующей терминологии. В словаре музейных терминов [12] музейная коллекция определяется как совокупность музейных предметов в составе фонда, представляющая научный интерес как единое целое. Музейный предмет – это движимый объект культурного и природного наследия, первоисточник знаний и эмоций, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в музейное собрание. Музейная экспозиция определена как основная форма презентации музеем историко-культурного наследия в виде искусственно созданной предметно-пространственной структуры. Экспонатом является первичный структурный элемент музейной экспозиции, предмет, выставленный для обозрения.

В ст. 3 Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»² содержатся следующие

дефиниции: музейный предмет – это культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление, а музейная коллекция – это совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам. Термин «экспозиция» законом не определен.

Проводя параллели с судебно-баллистической экспертизой, скажем, что в системе МВД России существует приказ, который регламентирует порядок функционирования криминалистических коллекций оружия и патронов к нему в ЭКП³, при этом значение термина «коллекция» приказом также не определено.

Исходя из определений рассмотренных выше терминов, используемых в музейной деятельности, можно сделать вывод, что коллекция представляет собой некую совокупность предметов, представляющих какую-либо ценность (историческую, культурную и т. п.), а экспозиция искусственно созданную предметно-пространственную структуру. По мнению авторов, слова «искусственно созданная» являются ключевыми, поэтому термин «экспозиция» для натуральных образцов будет более подходящим.

Авторами предлагается следующее определение: экспозиция учебных наглядных пособий – объектов взрывотехнической экспертизы – создаваемая на базе ЭКП предметно-пространственная структура номенклатуры взрывоопасных предметов и их элементов промышленного и самодельного изготовления, в том числе их остатков после взрыва (применения), не содержащих в своей конструкции взрывчатых веществ для использования в экспертной деятельности. Экспозиция является постоянно действующей и предназначена для обеспечения получения достоверной криминалистической, а также технической информации при производстве взрывотехнических экспертиз.

Отсутствие взрывчатых веществ в конструкции экспонатов обуславливается рядом факторов. Во-первых, оборот взрывчатых материалов и отдельных средств вооружения в органах внутренних дел строго регламентирован, следовательно, их номенклатура и количество зависит от норм положенности конкретных подразделений. Во-вторых, экспонаты должны быть

решения: 17.04.2025).

³ О порядке функционирования криминалистических коллекций оружия и патронов в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 4 февраля 2016 г. № 53 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.05.2025).

² О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федер. закон от 26 мая 1996 № 54-ФЗ : в ред. от 12 декабря 2023 г. : принят Гос. Думой 24 апреля 1996 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата об-

безопасны в обращении. В-третьих, при производстве экспертных исследований одним из основных вопросов, решаемых экспертами-взрывотехниками, является установление наличия взрывчатого содержимого в конструкции представленного объекта и его пригодности к взрыву, что предусматривает их расходование в процессе исследования.

С криминалистической точки зрения экспозиция решает две основные задачи: информационно-справочную и учебную. Информационно-справочная задача заключается в использовании экспонатов в качестве сравнительных образцов при проведении взрывотехнических экспертиз или исследований, в том числе экспертиз по фактам взрывов. В экспертной практике достаточно примеров поступления на исследование самодельно изготовленных ручных осколочных гранат, которые, на первый взгляд, практически неотличимы от промышленно изготовленных. При их более детальном сравнительном исследовании с использованием объектов промышленного изготовления удавалось найти конструктивные различия, что позволяло установить самодельный способ их изготовления. При проведении экспертизы по фактам взрывов, которые в экспертной практике являются наиболее сложными, наличие экспонатов позволит облегчить данную задачу. С учетом постоянно расширяющейся номенклатуры объектов взрывотехнической экспертизы иностранного производства ее роль неопределима. Применяемые на театре военных действий современные средства поражения имеют достаточно сложную конструкцию, и определение конкретной части боеприпаса, образовавшейся после его взрыва, возможно только в процессе сравнительного исследования ввиду дефицита технической информации.

Учебная задача экспозиции направлена на использование экспонатов при проведении занятий с личным составом для получения практических навыков и теоретических знаний о взрывоопасных объектах, способах их обнаружения, фиксации, изъятия и последующей транспортировки в ходе осмотров мест происшествий и производстве следственных действий. Категории обучаемых могут быть весьма разнообразны: сотрудники строевых подразделений полиции, сотрудники органов предварительного следствия и дознания, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений.

Переходя к такому важному и значимому элементу криминалистической характеристики как личность преступника, важно отметить, что на стадии предварительного следствия для полного и всестороннего расследования уголовного дела следователю необходимо будет изучить личность преступника, в том числе установить

уровень его знаний в области боеприпасной техники и взрывного дела, осуществить проверку его показаний, а при необходимости провести следственный эксперимент.

Рассматривая личность преступника-взрывника, стоит отметить, что далеко не всегда лица, совершающие данные преступления, проходили военную службу либо обучались в профильных образовательных учреждениях, где могли получить данную подготовку (горный, технический институты и т. п.). С развитием сети Интернет достаточно много информации по данной тематике находится в открытом доступе, следовательно, преступники могут быть самоучками, которые по уровню своей подготовки не будут уступать специалистам и иметь никаких документов об образовании установленного образца. Использование экспозиции будет достаточно эффективно для разрешения вышеуказанной следственной ситуации, а эксперт-взрывотехник может быть привлечен в качестве специалиста для участия в следственном действии для постановки вопросов подозреваемому (обвиняемому) относительно номенклатуры взрывоопасных предметов. Данный алгоритм также возможно использовать в ходе проверки показаний на месте либо следственного эксперимента. С учетом ведения боевых действий в ряде случаев взрывы могут быть совершены военнослужащими по неосторожности на своих позициях, поэтому объективность установления всех обстоятельств произошедшего является приоритетной задачей.

Переходя к вопросу создания экспозиции, необходимо отметить, что основной организационно-правовой формой ее реализации будет являться подготовка приказа, регламентирующего порядок ее размещения, формирования, ведения, использования и пополнения. Одними из первых данную экспозицию создали на базе ЭКЦ МВД России, а опыт ее создания был в дальнейшем заимствован в ряде территориальных экспертных учреждений. Стоит сказать, что руководители ЭКП на региональном уровне не наделены полномочиями подписания подобных приказов, поэтому в конкретном территориальном органе внутренних дел он издается от имени руководителя. В качестве примера рассмотрим Тюменскую область, где одним из авторов настоящего исследования был разработан приказ «О создании на базе экспертно-криминалистического центра УМВД России по Тюменской области постоянно действующей экспозиции учебных пособий – объектов взрывотехнической экспертизы». Данный опыт был также перенят экспертами-взрывотехниками Запорожской области, где такая экспозиция на текущий момент создана.

Пополнение экспозиции новыми экспонатами производится из представляющих инте-

рес для экспертов-взрывотехников учебных либо охлажденных (не содержащих взрывчатых веществ) объектов, поступивших для проведения взрывотехнических экспертиз или исследований, предоставленных инициатором, а также поступающих в порядке осуществления технического взаимодействия с подразделениями Минобороны России, ФСБ России, ВНГ России, МЧС России и предприятий военно-промышленного комплекса (далее – ВПК). В первом случае ходатайство на помещение объекта в экспозицию целесообразно заявлять после окончания производства экспертизы (исследования), когда сформированы выводы об отсутствии в конструкции исследуемого объекта взрывчатых веществ либо о его полном расходовании в процессе исследования. Во втором случае получение образцов учебных изделий (макетов), например от предприятий ВПК возможно по запросу государственного судебно-экспертного учреждения. Данное право в обоих случаях предоставлено этим учреждениям в соответствии с действующим законодательством⁴. В качестве положительного примера стоит отметить организацию взаимодействия ЭКЦ МВД России с одним из предприятий ВПК, которым были предоставлены образцы кумулятивно-осколочных боевых элементов, использующихся в качестве нагрузки для беспилотных воздушных судов, что в условиях их активного использования на поле боя имеет очень важное криминалистическое значение.

⁴ См. ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 02.05.2025).

Список литературы:

1. Во главе сыска в Москве и Империи. К 300-летию российской полиции // Ежедневная газета «Петровка, 38». 2017. № 47 (9 599). URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/vo-glave-syska-v-moskve-i-imperii> (дата обращения: 17.04.2025).
2. Дронова О. Б., Рыжков И. В. Начальные этапы формирования и использования в работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел системы натуральных коллекций (конец XIX–середина XX века) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 50–58.
3. Дронова О. Б., Рыжков И. В. Проблемные аспекты организации функционирования натуральных коллекций в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России // Вестник Уральского юри-

Пополнение экспозиции объектами исследования также позволит сократить мероприятия по последующему уничтожению вещественных доказательств, так как анализ судебной практики показывает, что подобные объекты уничтожаются после рассмотрения дела в суде и вынесения приговора.

Подводя итог, стоит выделить ряд аспектов, способствующих реализации использования экспозиции учебных наглядных пособий – объектов взрывотехнической экспертизы в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Во-первых, необходимы разработка методических рекомендаций для экспертно-криминалистических подразделений по формированию и использованию экспозиции, а также проведение дополнительных занятий с экспертами-взрывотехниками в рамках первоначальной стажировки по соответствующей экспертной специальности.

Во-вторых, целесообразно проведение семинара-совещания экспертов-взрывотехников и сотрудников органов предварительного следствия и дознания для организации их взаимодействия по вопросу пополнения экспозиции.

В-третьих, следует внедрить вышеуказанные методические рекомендации в учебный процесс образовательных организаций системы МВД России, реализующих учебные программы по направлениям подготовки судебных экспертов и следователей.

Формирование и использование экспозиции имеет очень важное криминалистическое значение, способствующее полному и всестороннему расследованию уголовных дел, связанных с использованием взрывчатых веществ и устройств, их содержащих.

References:

1. Vo glave syska v Moskve i Imperii. K 300-letiyu rossijskoj policii // Ezhenedel'naya gazeta «Petrovka, 38». 2017. № 47 (9 599). URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/vo-glave-syska-v-moskve-i-imperii> (data obrashcheniya: 17.04.2025).
2. Dronova O. B., Ryzhkov I. V. Nachal'nye etapy formirovaniya i ispol'zovaniya v rabote ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenij organov vnutrennih del sistemy naturalnykh kollekcij (konec XIX–seredina XX veka) // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2020. № 3 (15). S. 50–58.
3. Dronova O. B., Ryzhkov I. V. Problemye aspekty organizacii funkcionirovaniya naturalnykh kollekcij v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyah MVD Rossii // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry

- дического института МВД России. 2023. № 3 (39) С. 93–98.
4. Дьяконов А. В., Старостин К. Д. Особенности применения средств и экспресс-методов методов обнаружения и идентификации взрывчатых веществ // Научный портал МВД России. 2016. № 4 (36). С. 69–78.
 5. Исследование изъятого объекта на предмет принадлежности (непринадлежности) к взрывчатым веществам / В. В. Кузьмин, Ю. Б. Тузков, А. Ю. Семенов [и др.] // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Часть II / под общ. ред. В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2012. 800 с.
 6. Каталог средств поражения, применяемых на территории проведения специальной военной операции. М. : ЭКЦ МВД России, 2024. 217 с.
 7. Латышов И. В. Концептуальные основы судебно-баллистической диагностики : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. 475 с.
 8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование, 2019. 1376 с.
 9. Полещук О. В. Коллекционная деятельность в криминалистике: понятие, содержание, направления использования : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 201 с.
 10. Рыжков И. В. Исторические предпосылки, обусловившие формирование натуральных коллекций в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 172–180.
 11. Рыжков И. В. Теоретические основы и современные тенденции организации функционирования натуральных коллекций : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2023. 213 с.
 12. Словарь музейных терминов : учебно-методическое пособие / сост. О. И. Захарова. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. 28 с. URL: https://structure.sfu-kras.ru/files/structure/docs/slovar_muzeynyh_terminov.pdf (дата обращения: 02.05.2025).
- of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (39) S. 93–98.
4. D'yakonov A. V., Starostin K. D. Osobennosti primeneniya sredstv i ekspress-metodov metodov obnaruzheniya i identifikatsii vzryvchatyh veshchestv // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4 (36). S. 69–78.
 5. Issledovanie iz'yatogo ob'yekta na predmet prinaldzhnosti (neprikladzhnosti) k vzryvchatym veshchestvam / V. V. Kuz'min, Yu. B. Tuzkov, A. Yu. Semenov [i dr.] // Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennyh dokazatel'stv. Chast' II / pod obshch. red. V. V. Martynova. M. : EKC MVD Rossii, 2012. 800 s.
 6. Katalog sredstv porazheniya, primenyaemyh na territorii provedeniya special'noj voennoj operatsii. M. : EKC MVD Rossii, 2024. 217 s.
 7. Latyshov I. V. Konceptual'nye osnovy sudebno-ballisticheskoy diagnostiki : dis. ... d-ra yurid. nauk. Volgograd, 2016. 475 s.
 8. Ozhegov S. I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. L. I. Skvorcova. 28-e izd., pererab. M. : Mir i Obrazovanie, 2019. 1376 s.
 9. Poleshchuk O. V. Kollektionnaya deyatel'nost' v kriminalistike: ponyatie, soderzhanie, napravleniya ispol'zovaniya : dis. ... kand. yurid. nauk. Vladivostok, 2005. 201 s.
 10. Ryzhkov I. V. Istoricheskie predposylki, obuslovivshie formirovanie naturnyh kollekcij v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyah MVD Rossii // Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 2 (26). S. 172–180.
 11. Ryzhkov I. V. Teoreticheskie osnovy i sovremennye tendentsii organizatsii funkcionirovaniya naturnyh kollekcij : dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2023. 213 s.
 12. Slovar' muzejnyh terminov : uchebno-metodicheskoe posobie / sost. O. I. Zaharova. Krasnoyarsk : Sibirskij federal'nyj universitet, 2013. 28 s. URL: https://structure.sfu-kras.ru/files/structure/docs/slovar_muzeynyh_terminov.pdf (data obrashcheniya: 02.05.2025).

Для цитирования:

Яджин Николай Васильевич, Гайкин Максим Сергеевич. Криминалистическое значение использования экспозиции учебных наглядных пособий — объектов взрывотехнической экспертизы в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 102–108.

For citation:

Yadzhin Nikolay Vasilievich, Gaikin Maxim Sergeevich. The Criminalistic Significance of Using the Exposition of Educational Visual Aids — Objects of Explosive Expertise in the Operational and Official Activities of Internal Affairs Bodies // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 102–108.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, прокурорский надзор, правоохранительная деятельность

Баранов Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационных технологий,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Государственно-правовые
(публично-правовые) науки

ORCID 0000-0002-4603-7533

УДК 351.74:004.056.5:323.28

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-109-122

Дата поступления статьи: 26 марта 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Формирование специализированных подразделений киберполиции в Российской Федерации в условиях информационного противоборства

Formation of Specialized Cyber Police Units in the Russian Federation in the Context of Information Warfare

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования эффективных подразделений киберполиции в условиях стремительного роста киберпреступности и усложнения информационных угроз. Специфика современных вызовов требует от правоохранительных органов качественно новых подходов к организации борьбы с киберпреступностью, что актуализирует проблемы определения оптимальной институциональной модели киберполиции, ее правового статуса, технологического оснащения и методов работы.

Постановка проблемы: в статье рассматривается проблема формирования эффективной организационно-правовой модели подразделений киберполиции в России, способной адекватно

Vladimir Vladimirovich Baranov,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Information Technology,
Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Scientific Speciality:
5.1.2. Public
Law (State Law) Sciences

ORCID 0000-0002-4603-7533

Abstract

The relevance of the research topic is due to the need to form effective cyber police units in the context of the rapid growth of cybercrime and the increasing complexity of information threats. The specifics of modern challenges require qualitatively new approaches from law enforcement agencies to the organization of the fight against cybercrime, which actualizes the problems of determining the optimal institutional model of cyber police, its legal status, technological equipment and working methods.

Problem statement: the article discusses the problem of forming an effective organizational and legal model of cyber police units in Russia, capable of adequately responding to modern challenges in the field of information security.

но отвечать на современные вызовы в сфере информационной безопасности.

Цель исследования: определение особенностей формирования подразделений киберполиции в России, оценка их текущего институционального и правового положения, а также изучение применяемых ими технологий и методов работы.

Методы исследования: инструментарий включает анализ нормативно-правовой базы, сравнительно-правовой метод для сопоставления моделей киберполиции в России и зарубежных странах, статистический анализ функционального распределения задач Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России, кейс-анализ и др.

Результаты и ключевые выводы: в ходе исследования выявлена эволюция нормативно-правовой базы и институциональной структуры подразделений по борьбе с киберпреступностью в России: от создания Управления «К» в 1998 г. до формирования самостоятельного Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России в 2022 г. Проведенный сравнительный анализ организационных моделей киберполиции в различных странах показал, что российская модель имеет свои особенности. Анализ практических кейсов (2023–2025 гг.) демонстрирует, что деятельность Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России выходит за рамки традиционной борьбы с преступлениями и становится важным элементом государственной системы информационного противоборства, направленным на пресечение транснациональных киберугроз. SWOT-анализ выявил как сильные стороны (четкую нормативно-правовую базу, прямое подчинение руководству МВД России, развитую техническую инфраструктуру), так и слабые места в работе киберполиции (зависимость от импортных технологий, дефицит квалифицированных кадров, недостаточное взаимодействие с частным сектором). На основе проведенного исследования разработаны рекомендации по совершенствованию деятельности Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России, включающие меры по импортозамещению программно-аппаратных средств, усилению кадрового потенциала, развитию международного сотрудничества и выстраиванию эффективного государственно-частного партнерства, что в совокупности способно существенно повысить возможности российской киберполиции по защите национальных интересов в информационной сфере.

Ключевые слова: киберполиция; информационное противоборство; гибридные угрозы; кибербезопасность; УБК МВД России; киберпреступность; цифровизация.

The purpose of the study: to determine the specifics of the formation of cyber police units in Russia, to assess their current institutional and legal situation, as well as to study the technologies and methods of work they use.

Research methods: the toolkit includes an analysis of the regulatory framework, a comparative legal method for comparing cyberpolice models in Russia and foreign countries, a statistical analysis of the functional distribution of Management tasks for organizing the fight against the illegal use of information and communication technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a case analysis, etc.

Results and key conclusions: the study revealed the evolution of the regulatory framework and institutional structure of cybercrime units in Russia: from the creation of the Department “K” in 1998 to the formation of an independent Department for combating the illegal use of information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2022. A comparative analysis of the organizational models of cyberpolice in different countries has shown that the Russian model has its own characteristics. The analysis of practical cases (2023–2025) demonstrates that the activities of the Department for Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia go beyond the traditional fight against crime and become an important element of the state information warfare system aimed at suppressing transnational cyber threats. The SWOT analysis revealed both strengths (a clear regulatory framework, direct subordination to the leadership of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a well-developed technical infrastructure) and weaknesses in the work of the cyber police (dependence on imported technologies, shortage of qualified personnel, insufficient interaction with the private sector). Based on the conducted research, recommendations have been developed to improve the activities of the Department for Combating the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, including measures for import substitution of software and hardware, strengthening human resources, developing international cooperation and building effective public-private partnerships, which together can significantly enhance the capabilities of the Russian cyber police to protect national interests in the information sphere.

Keywords: cyber police; information warfare; hybrid threats; cybersecurity; UBK of the Ministry of Internal Affairs of Russia; cybercrime; digitalization.

Цифровизация как закономерный процесс технологического развития в XXI в. оказывает значительное влияние на различные сферы социального пространства, привнося в них качественные изменения цифрового характера [4; 10]. Сквозь призму понятия «кибер» уже можно рассматривать такие области, как безопасность (кибербезопасность [1]), право (киберправо [9]), судопроизводство (киберправосудие [3]), государственное управление, экономику и др. Эта тенденция, в нашем представлении, обусловлена двумя факторами: во-первых, имманентной технологической трансформацией самих этих отраслей, вызванной внутренними причинами и продиктованной логикой их развития в условиях всеобъемлющей цифровизации; во-вторых, усложнением и диверсификацией внешних угроз, что побуждает развивать соответствующие сферы в направлении минимизации этих вызовов. Особое внимание следует уделить второму аспекту, поскольку в последние годы Россия оказалась втянута в гибридную войну с коллективным Западом, в рамках которой гибридные угрозы проявляются по разным направлениям (санкционное давление, политическое запугивание, медийная демонизация образа страны, наращивание вооружения, провокационные действия, военное вмешательство и др.) [8]. Одним из основных каналов реализации гибридных атак выступает информационная сфера. Информационное противоборство, разворачивающееся в киберпространстве, представляет собой одно из магистральных направлений гибридной войны, нацеленное на подрыв суверенитета, экономического потенциала и социально-политической стабильности России.

В этих условиях различные правоохранные структуры фокусируются на отдельных аспектах информационного противоборства, однако зачастую не выстраивают целостной и всеобъемлющей системы противодействия. В связи с этим представляется целесообразным рассматривать подразделения киберполиции в качестве одного из главных элементов государственной системы информационного противоборства [10; 11]. Их деятельность должна быть направлена на комплексное обеспечение информационной безопасности, предупреждение, выявление и пресечение правонарушений в киберпространстве, защиту критической инфраструктуры.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать эволюцию нормативно-правовой базы в сфере информационной безопасности и формирования подразделений киберполиции в России.

2. Исследовать организационно-правовой статус, структуру и функциональные обязан-

ности Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России (далее – УБК МВД России) как ключевого элемента государственной системы информационного противоборства.

3. Провести сравнительный анализ организационных моделей киберполиции в России и зарубежных странах по параметрам ведомственной принадлежности, уровня самостоятельности, направлений деятельности.

4. Изучить технологические аспекты и программно-аппаратные средства, применяемые УБК МВД России в противодействии киберугрозам.

5. Проанализировать конкретные примеры деятельности УБК МВД России по противодействию киберпреступности.

6. Выявить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы в деятельности российской киберполиции на современном этапе.

7. Разработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию деятельности УБК МВД России в контексте обеспечения информационной безопасности государства.

Актуальность темы исследования, как уже было отмечено, обусловлена нарастанием гибридных угроз для России в условиях геополитического противостояния, необходимостью формирования эффективной государственной системы информационного противоборства, а также потребностью в научном осмыслении места и роли подразделений киберполиции в этой системе. Всесторонний анализ обозначенной проблематики имеет не только теоретическую значимость с точки зрения развития научного знания в области информационной безопасности и правоохранительной деятельности, но и существенную практическую ценность в контексте выработки обоснованных рекомендаций по совершенствованию функционирования киберполиции и повышению эффективности государственной политики противодействия гибридным угрозам.

История полиции в России насчитывает несколько веков и может быть разделена на ряд этапов [5], однако именно в рамках современного этапа (начиная с 1990-х гг.) происходит формирование специализированных подразделений, в том числе ориентированных на противодействие киберпреступности, что в целом можно считать следствием более широкого процесса «структурной реорганизации правовых подразделений в МВД России» [5, с. 183]. Само становление киберполиции в России неразрывно связано с развитием законодательства в сфере информационной безопасности в постсоветский период:

1. *Начальный этап (1990-е гг.)* – создание Гостехкомиссии РФ и Межведомственной комиссии по защите государственной тайны в период технологического кризиса 1992–1993 гг.; развитие частных компаний, занимающихся вопросами защиты информации; первые отечественные разработки в сфере антивирусной защиты; выступление России на 53-м заседании ООН с инициативой по международной информационной безопасности, что свидетельствовало о формировании государственного подхода к обеспечению безопасности в информационном пространстве¹.

2. *Формирование нормативно-правовой системы (2000–2010 гг.)* – принятие первой Доктрины информационной безопасности Российской Федерации², ряда федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, «О персональных данных»⁴, подписание Указа Президента Российской Федерации «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена»⁵.

В 2016 г. была утверждена новая Доктрина информационной безопасности⁶, которая учитывала современные вызовы и угрозы в информационной сфере. Этот документ стал концептуальной основой для дальнейшего развития системы противодействия киберпреступности. В совокупности описанные выше нормативно-правовые элементы сделали возможным постепенное создание специализированных структур по борьбе с киберпреступностью. Сама необходимость формирования специализированных подразделений по борьбе с преступлениями

в сфере информационных технологий была обусловлена рядом объективных факторов:

1) ростом киберпреступности. По информации, опубликованной информационным агентством «ТАСС», число киберпреступлений в России выросло в 11 раз за пять лет – 2016–2021 гг.⁷ Дополнительным катализатором стала пандемия коронавирусной инфекции, в период которой наблюдался значительный рост числа киберпреступлений на фоне общей стабильности преступности в стране. По данным статистики за 2021 г., вредоносное программное обеспечение было обнаружено приблизительно на 1,5 % мобильных устройств в России. Также статистика показывает, что практически 20 % компьютеров на территории страны сталкивались с локальной атакой вредоносного программного обеспечения⁸;

2) технологическим развитием и цифровизацией общества. Так, уровень проникновения Интернета в стране на 2024 г. составил 90,4 % от общей численности населения, что само по себе создает риски более активного распространения информационных угроз⁹;

3) появлением новых форм информационного воздействия. По словам И. Зубова, заместителя главы МВД России, изменение поведения молодого поколения «в деструктивную сторону» посредством «информационного давления»¹⁰ потребовало разработки специализированных мер противодействия.

До создания единого специализированного подразделения функции по борьбе с киберпреступностью были распределены между различными структурами МВД России. Так, до 2022 г. основную работу по противодействию правонарушениям в информационной сфере осуществляло Управление «К» МВД России, которое было создано в 1998 г. и изначально специализировалось на борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий [2]. По мере усложнения киберугроз и роста числа киберпреступлений функционал Управления «К» неоднократно расширялся, однако, несмотря на предпринимаемые усилия по укреплению организационно-технического потенциала подразделения, к концу 2010-х гг. стало очевидно, что данная структура не в полной мере соответствует новым вызовам и угрозам в киберсфере. В 2019–2020 гг. на различных уровнях государственного управления активно обсуждалась идея созда-

¹ Резолюции 53-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: <https://clk.li/Hqzq> (дата обращения: 19.03.2025).

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 : утратила силу // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁵ О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена : Указ Президента Рос. Федерации от 17 марта 2008 г. № 351 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁶ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁷ Число киберпреступлений в России выросло в 11 раз за пять лет // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10616343> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸ Cyber security performance of Russia as of 2021, by indicator // Statista : сайт. URL: <https://clk.li/Dvzt> (дата обращения: 19.03.2025).

⁹ Digital 2024: The Russian Federation // DataReportal : сайт. URL: <https://clk.li/ephY> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁰ МВД объявило о создании киберполиции в России // Хабр : сайт. URL: <https://clk.li/KVjJ> (дата обращения: 14.03.2025).

Таблица 1

Основные задачи Управления по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России

Группа задач	Содержание
Стратегические	Участие в формировании и реализации государственной политики по вопросам противодействия киберпреступности
	Совершенствование нормативно-правовой базы
	Международное сотрудничество
Оперативно-тактические	Организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений в сфере ИКТ
	Пресечение распространения противоправной информации в сети Интернет
	Системный анализ криминалистически значимой информации
Организационно-методические	Координация деятельности иных подразделений МВД России
	Организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений по борьбе с киберпреступлениями

ния специализированного подразделения киберполиции. В частности, соответствующие инициативы озвучивались Советом Безопасности Российской Федерации, отдельными представителями правоохранительных органов и экспертного сообщества. Четкие сроки формирования киберполиции не назывались, а сама концепция вызывала определенные сомнения у ряда высокопоставленных лиц, в том числе у Президента России В. В. Путина.

Ситуация изменилась в 2022 г., когда под влиянием ряда внешних и внутренних факторов было принято политическое решение о создании в системе МВД России принципиально нового подразделения – Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России). Определенную роль в этом сыграло и резкое обострение информационного противоборства после начала специальной военной операции на Украине. Россия столкнулась с беспрецедентным внешним давлением в киберпространстве, которое выразилось в росте кибератак на критическую инфраструктуру (в 2023 г., по данным аналитиков МТС RED, центр мониторинга и реагирования на кибератаки выявил более 50 тыс. инцидентов, то есть на 43 % больше, чем годом ранее¹¹), активизации антироссийской пропаганды и дезинформации в Интернете, попытках дестабилизации внутривнутриполитической ситуации через социальные сети и мессенджеры.

¹¹ Число критических хакерских атак на российский бизнес в 2023 году снизилось // Forbes : сайт. URL: <https://clk.li/MAWB> (дата обращения: 14.03.2025).

Юридической основой для формирования УБК МВД России стал Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2022 г. № 688¹². Во исполнение данного указа 29 декабря 2022 г. Министром внутренних дел РФ было подписано Положение об Управлении¹³, которое детально регламентирует его правовой статус, цели, задачи, функции, полномочия и организационную структуру. Хотя в официальном названии УБК МВД России термин «киберполиция» отсутствует, фактически данное подразделение является ее институциональным воплощением и формирует более целостную и эффективную систему противодействия киберпреступности и киберугрозам.

С целью выявления специфики и потенциала УБК МВД России целесообразно провести детальный анализ главных положений нормативной правовой базы, регламентирующей его деятельность. В первую очередь обращает на себя внимание широкий спектр задач, стоящих перед Управлением (п. 8 Положения). Для наглядности они отображены в таблице 1.

Как видно, главные задачи УБК МВД России тесно взаимосвязаны и нацелены на комплексное противодействие современным киберугрозам. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в числе задач УБК МВД отсутству-

¹² О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 30 сентября 2022 г. № 688 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.03.2025).

¹³ Положение об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://clk.li/SuXV> (дата обращения: 14.03.2025).

ет контрразведывательная функция (в отличие от Управления «К», которое активно взаимодействовало с органами ФСБ). Это свидетельствует о том, что новое подразделение в большей степени сфокусировано на противодействии внутригосударственной и общественной киберпреступности, в том числе пресечении распространения противоправного контента, а не на вскрытии иностранных киберразведывательных сетей.

Тем не менее само УБК МВД России позиционируется как межведомственный координационный центр по борьбе с киберугрозами, тесно взаимодействующий с другими силовыми структурами, профильными министерствами и ведомствами (п. 6, 9.33, 9.36, 10.7 Положения). Система информационного взаимодействия УБК МВД России структурно может быть представлена в виде четырех основных контуров:

1. *Внутриведомственный контур* предполагает информационный обмен с иными подразделениями центрального аппарата МВД России и территориальными органами МВД России. В рамках этого контура УБК МВД России координирует деятельность подразделений по борьбе с киберпреступлениями, осуществляет организационно-методическое обеспечение их деятельности, проводит анализ криминалистически значимой информации (п. 9.25, 9.36 Положения).

2. *Межведомственный контур* включает взаимодействие с иными правоохранными органами (Следственный комитет, ФСБ России, Генеральная прокуратура и др.), федеральными органами исполнительной власти, Центральным Банком Российской Федерации (п. 10.7 Положения).

3. *Контур взаимодействия с частным сектором* формирует каналы оперативного получения криминалистически значимой информации от операторов связи, интернет-провайдеров, социальных сетей, финансовых организаций и ИТ-компаний (п. 9.33 Положения).

4. *Международный контур* включает информационное взаимодействие с правоохранными органами иностранных государств, международными полицейскими организациями и национальными контактными пунктами (п. 9.23 Положения).

Это позволяет выстраивать единую скоординированную систему борьбы с противоправными деяниями в информационном пространстве. Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации для противодействия преступлениям в цифровой среде «требуется согласованные действия федеральных государственных органов и органов государственной власти субъектов РФ, а также их взаимодействие с ЦБ РФ, финансовыми и иными организациями, институтами граж-

данского общества»¹⁴. Подобная консолидация усилий разных ведомств и подразделений обеспечивается через систему координационных механизмов, а УБК МВД России играет ключевую роль в данном процессе как головное подразделение МВД России в сфере борьбы с киберпреступлениями.

В отличие от Управления «К», находившегося в составе Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД России, новое подразделение является полностью самостоятельной структурой. Оно не входит в состав других служб и департаментов министерства, а подчиняется напрямую заместителю Министра внутренних дел РФ, курирующему данное направление. Начальник УБК МВД России обладает весьма широкими полномочиями в части подбора, назначения, ротации, обучения личного состава. Фактически речь идет о формировании профессионального кадрового ядра подразделения, состоящего из высококвалифицированных специалистов в сфере ИТ и информационной безопасности. На региональном уровне реализация соответствующих функций возлагается на подразделения по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий, типовое положение о которых разрабатывается УБК центрального аппарата МВД России.

Анализ основных функций и полномочий УБК МВД России (раздел III Положения) показывает, что данное подразделение наделено большими возможностями по решению поставленных задач, – в нормативном документе их представлено более 40. Наибольший удельный вес занимают функции организационно-методического (33 %) и оперативно-служебного характера (28 %). На долю нормотворческой и информационно-аналитической деятельности приходится по 13 % и 15 % соответственно. Еще 11 % составляют иные, не включенные в основные группы функции подразделения (рисунок 1).

При этом другие подразделения МВД России, ранее выполнявшие смежные функции, сохранили за собой профильные функции: БСТМ фокусируется преимущественно на технической поддержке оперативно-розыскных мероприятий, проводимых различными подразделениями МВД России; ГУУР продолжает заниматься раскрытием общеуголовных преступлений, в которых применение ИКТ не является квалифицирующим признаком; ГУПЭ фокусируется на противодействии экстремистским проявлениям в Интернете; ГУНК концентрируется на борьбе с нарко-

¹⁴ Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. №4154-п//СПСКонсультантПлюс:сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.03.2025).

Распределение функций УБК МВД России по категориям



* Данные основаны на анализе полномочий УБК МВД России

Рис. 1. Структура основных функций УБК МВД России

преступностью с использованием сети Интернет. В такой системе распределения компетенций УБК МВД России выполняет координирующую роль, что закреплено в п. 8.8 Положения.

В целом создание УБК МВД России соответствует общемировой тенденции повышения роли специализированных подразделений киберполиции в системе обеспечения информационной безопасности государства. Анализ зарубежного опыта показывает, что аналогичные структуры функционируют во многих странах, хотя и различаются по своему статусу, месту в системе правоохранительных органов, объему полномочий. Для сравнительного анализа организационных моделей киберполиции в разных государствах целесообразно исходить из сравнительного правоведения [6] и использовать, в нашем представлении, следующие критерии:

1. Принадлежность киберполиции к конкретному ведомству (МВД, спецслужбы, прокуратура и т. д.) — определяет институциональную основу деятельности киберполиции, влияет на формирование ее целей и задач, правовой статус сотрудников, характер взаимодействия с другими правоохранительными органами.

2. Уровень самостоятельности (специализированное подразделение в составе ведомства, от-

дельная служба) — характеризует степень организационной автономии киберполиции.

3. Основные направления деятельности (оперативно-розыскная, информационно-аналитическая, следственная и т. д.) — позволяет выявить функциональные особенности различных моделей киберполиции, определить приоритеты и специализацию.

4. Характер полномочий (преимущественно правоохранительные, координационные, консультативные) — определяет юридический инструментарий, доступный киберполиции для выполнения своих задач, что напрямую влияет на результативность и методы работы.

5. Степень централизации (наличие территориальных подразделений) — характеризует организационно-управленческую структуру киберполиции, отражает особенности государственного устройства и правовой системы страны.

В таблице 2 приведены результаты сравнительного анализа моделей киберполиции в России и ряде зарубежных стран. Для правоприменительной практики систематизация и анализ данных параметров имеет прикладное значение в контексте определения наиболее эффективных организационно-управленческих решений, оптимизации межведомственного взаимодействия и повыше-

ния оперативности реагирования на киберугрозы. Кроме того, сравнительный анализ позволяет оценить перспективы заимствования зарубежного опыта с учетом национальной специфики правовой системы.

Сравнительный анализ показывает, что российская модель киберполиции в организационном плане имеет свои особенности (принадлежность к МВД, функционирование в качестве управления, сочетание оперативно-розыскных и координирующих полномочий). В то же время по основным направлениям деятельности прослеживается сходство с американской и германской моделями (акцент на оперативно-розыскной работе). Китайская модель выделяется более широкими возможностями в части контроля интернет-пространства, однако подобные методы с точки зрения демократического подхода дискуссионны. Британская модель отличается повышенным вниманием к цифровой криминалистике и экспертному сопровождению расследования киберпреступлений. Однако российская киберполиция пока уступает своим зарубежным коллегам по ресурсному и технологическому оснащению, а также по интенсивности международных контактов.

Переходя к анализу технологических аспектов деятельности УБК МВД России, следует отметить, что данное подразделение ис-

пользует в своей работе современные аппаратно-программные средства и информационные системы. В частности, сотрудники УБК МВД России применяют:

– специализированное программное обеспечение для сбора, анализа и обработки криминалистически значимой информации, извлечения электронных доказательств (Belkasoft Evidence Center, Oxygen Forensic Detective, Cellebrite UFED и др.);

– автоматизированные поисковые системы, в том числе с внедрением алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта (ИИ), для выявления противоправной информации в Интернете. Приведем некоторые из отечественных разработок:

1) «Окулус» (специализированная система анализа визуального контента, выявляющая экстремизм, наркотики и другие запрещенные материалы в изображениях и видео);

2) «Вебрь» (система текстовой аналитики для раннего обнаружения информационных угроз и прогнозирования их распространения);

3) «Мир» (универсальный агрегатор контента, классифицирующий информацию из различных источников по типам);

4) «СЕУС» (комплексная система для правоохранительных органов, обеспечивающая мониторинг противоправной деятельности).

Таблица 2

Сравнительный анализ моделей киберполиции в России и за рубежом¹⁵

Параметр / Страна	Россия	США	Великобритания	Германия	Китай
Ведомственная принадлежность	МВД	ФБР	Национальное агентство по борьбе с преступностью	Федеральное ведомство по уголовным делам (ВКА)	Министерство общественной безопасности
Уровень самостоятельности	Управление в составе центрального аппарата МВД	Отдел киберпреступности (Кибердивизион (CyD)) в составе ФБР ¹⁶	Национальный центр кибербезопасности (The National Cyber Security Centre (NCSC)) в составе агентства ¹⁷	Отдел по борьбе с киберпреступностью (Division CC – Cybercrime) в составе ВКА ¹⁸	Бюро по борьбе с кибербезопасностью и технологиями (CSTCB) ¹⁹
Основные направления деятельности	Оперативно-розыскная деятельность, информационно-аналитическая работа, координация	Оперативно-розыскная и следственная деятельность	Оперативно-розыскная деятельность, цифровая криминалистика	Оперативно-розыскная и следственная деятельность, цифровая криминалистика	Оперативно-розыскная и следственная деятельность, цензура и фильтрация интернет-контента
Характер полномочий	Правоохранительные, координационные	Правоохранительные	Правоохранительные, экспертно-криминалистические	Правоохранительные, экспертно-криминалистические	Правоохранительные
Степень централизации	Централизованная с опорой на территориальные подразделения	Централизованная	Централизованная	Централизованная с опорой на земельные подразделения киберполиции	Централизованная с сетью территориальных подразделений

¹⁵ Составлена автором по материалам открытых источников.

¹⁶ The Federal Bureau of Investigation's Ability to Address the National Security Cyber Intrusion Threat Audit Report 11-22 April 2011 // U.S. Department of Justice Office of the Inspector General Audit Division. URL: <https://clk.li/nXqyhttps://clk.li/nXqy> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁷ The National Cyber Security Centre. Making the UK the safest place to live and work online. URL: <https://www.ncsc.gov.uk/> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁸ Cybercrime // Bundeskriminalamt (ВКА). URL: <https://clk.li/QgPd> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁹ Cyber Security and Technology Crime Bureau (CSTCB) // Hong Kong Police Force. URL: <https://clk.li/ZdDt> (дата обращения: 14.03.2025).



Рис. 2. Автоматизированные поисковые системы для выявления противоправной информации в Интернете²⁰

Эти системы образуют комплексный инструмент для мониторинга и выявления противоправного контента в различных сегментах информационного пространства (рисунок 2);

– технологии анонимной работы в сети (VPN, TOR и др.) для проведения оперативно-розыскных мероприятий;

– технические средства для получения удаленного доступа к электронным устройствам и съема информации (СОРМ, IMSI-ловушки и др.);

– технологии виртуализации, эмуляции вредоносного программного обеспечения для безопасного исследования его функциональности и др.

Внедрение перечисленных технологий позволяет повысить эффективность противодействия ки-

беругрозам в условиях информационного противоборства. Так, использование средств OSINT и аналитики больших данных дает возможность оперативно выявлять в сети информационные вбросы, фейки, пропагандистские кампании и принимать меры по их нейтрализации. Технологии компьютерной криминалистики обеспечивают сбор доказательств кибератак и установление причастных к ним лиц. Методы активного киберпротиводействия (внедрение в хакерские группы, отслеживание криптовалютных транзакций, контратаки на ресурсы противника) позволяют срывать вредоносную деятельность злоумышленников.

Проводя анализ эффективности подразделений киберполиции, обратимся к конкретным кейсам из практики УБК МВД России за период 2023–2025 гг. (таблица 3).

²⁰ Составлена автором по материалам открытых источников.

Анализ представленных в таблице примеров из практики деятельности УБК МВД России позволяет сделать ряд значимых выводов об эффективности работы данного учреждения как элемента государственной системы информационного противоборства. Во-первых, обращает на себя внимание трансграничный характер современной киберпреступности. В трех из пяти рассмотренных случаев (кейсы 1, 4 и 5) фигурируют преступные группы с иностранным участием, в частности с территории Украины. Это подтверждает тезис о том, что киберпреступность является одним из инструментов гибридного воздействия в рамках межгосударственного противоборства, а борьба с ней выходит за рамки обычного правоохранительного противодействия и становится элементом обеспечения национальной безопасности. Во-вторых, анализ технологического аспекта представленных кейсов демонстрирует высокий уровень технической оснащенности и специализации современных киберпреступников. Использование GSM-шлюзов для подмены телефонных номеров (кейс 1), незаконный перевыпуск SIM-карт умерших граждан (кейс 2), создание фиктивных интернет-магазинов с проработанной стратегией социальной инженерии (кейс 3), организация международных кол-центров (кейс 4) и многоступенчатых схем хищения средств (кейс 5) свидетельствуют о необходимости постоянного технологическо-

го совершенствования подразделений киберполиции для эффективного противодействия. В-третьих, следует отметить межрегиональный характер деятельности УБК МВД России, что отражает понимание специфики киберпреступности, не имеющей территориальных границ. Операции проводились в различных регионах России: от Москвы до Якутии и Северной Осетии, при этом их география часто не совпадала с местом нахождения жертв преступлений (например, в кейсе 4 жертвами стали жители 14 регионов страны).

Особого внимания заслуживает применяемый УБК МВД России инструментарий противодействия. Фактором успеха становится межведомственное и межрегиональное взаимодействие, позволяющее оперативно координировать усилия различных подразделений правоохранительных органов. Так, в случае с пресечением деятельности ОПС в Северной Осетии (кейс 5) эффективным оказалось сотрудничество с ФСБ России, а в якутском кейсе – взаимодействие с коллегами из Татарстана и центрального аппарата УБК МВД России (кейс 4). Технологическая составляющая работы УБК также заслуживает положительной оценки. Анализ представленных кейсов показывает, что сотрудники подразделения активно применяют методы компьютерной криминалистики для сбора цифровых доказательств, успешно отслеживают движение денежных средств при мошеннических

Таблица 3

**Примеры операций УБК МВД России
по противодействию киберпреступности (2023–2025 гг.)**

№	Дата	Регион операции	Тип киберпреступления	Результаты
1 ²¹	Июнь 2023	Москва, Дмитров, Красногорск	Пособничество телефонным мошенникам, подмена номеров	Задержаны 5 человек, изъято более 10 тыс. SIM-карт, GSM-шлюзы, компьютерная техника
2 ²²	Декабрь 2024	Московская область	Кража средств умершего гражданина через перевыпуск SIM-карты	Задержан подозреваемый, ущерб более 1,27 млн рублей
3 ²³	Декабрь 2024	Сочи	Мошенничество при продаже несуществующей электроники	Задержан мошенник, ущерб более 500 тыс. рублей
4 ²⁴	Март 2025	Республика Саха (Якутия), Татарстан	Организованная группа телефонных мошенников	Задержаны «обнальщики», ущерб около 48 млн рублей, обмануты 25 жителей из 14 регионов
5 ²⁵	Март 2025	Северная Осетия	Межгосударственное организованное преступное сообщество с участием граждан Украины и России	Задержаны 9 человек, возбуждено 56 уголовных дел

²¹ Сотрудники МВД России задержали подозреваемых в пособничестве мошенникам с Украины // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://clk.li/eqKQ> (дата обращения: 14.03.2025).

²² В столице сотрудниками УБК МВД России задержан один из участников криминальной схемы по дистанционной краже денежных средств умершего гражданина // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://clk.li/xSZH> (дата обращения: 14.03.2025).

²³ Полицейские из Иркутской области задержали мошенника на южном курорте // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://clk.li/wVMu> (дата обращения: 14.03.2025).

²⁴ В Якутии окончено расследование уголовного дела в отношении участников организованной группы телефонных мошенников // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/62480959> (дата обращения: 14.03.2025).

²⁵ В Северной Осетии полицейские задержали еще двух членов организованного преступного сообщества, подозреваемых в кибермошенничестве // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://clk.li/USPX> (дата обращения: 14.03.2025).

операциях и эффективно выявляют всю цепочку участников преступных схем. Примечательно, что в большинстве случаев удается изъять не только денежные средства и документы, но и техническое оборудование (сим-боксы, GSM-шлюзы, компьютерную технику), что позволяет пресечь дальнейшую противоправную деятельность и получить ценные вещественные доказательства. Рассмотренные примеры подтверждают, что деятельность УБК МВД России выходит за рамки традиционной борьбы с правонарушениями и становится важным элементом государственной системы информационно-противоборства в условиях гибридных угроз.

Вместе с тем технологическое оснащение российской киберполиции пока не в полной мере соответствует масштабу и сложности стоящих перед ней задач в области информационного противоборства. Остро стоит проблема импортозамещения программно-аппаратных средств в условиях санкций, учитывая, по замечаниям исследователей, что «криминалистический софт, аппаратно-программные комплексы трудно реализуемы в масштабах одной, даже крупной страны»²⁶. Не хватает отечественных разработок мирового уровня в области средств киберзащиты и киберразведки, а имею-

щееся отечественное оборудование (например, микропроцессоры «Эльбрус»), как показывает практика, в случае отказа не может подлежать оперативной замене «ввиду того, что его поставки осуществляются только в плановом порядке» и производятся ограниченным количеством²⁷. Дефицит квалифицированных кадров, владеющих современными IT-компетенциями, затрудняет своевременное освоение передовых технологий. Учитывая эти особенности, нами был проведен SWOT-анализ потенциала УБК МВД России в информационном противоборстве. Анализ основывался на изучении нормативной документации, материалов отчетов о деятельности подразделения, публикаций в ведомственных изданиях, а также открытых источников информации о киберугрозах и методах противодействия им. Механизм проведения SWOT-анализа включал последовательное выделение основных аспектов деятельности УБК МВД России (нормативно-правовой, организационный, технологический, кадровый). По каждому аспекту были определены ключевые характеристики и факторы влияния. Выявленные факторы были равнозначно распределены по четырем классическим квадрантам SWOT-анализа (рисунок 3).

²⁶ Телефоны скрываются от следствия. С чем связан дефицит криминалистического ПО для взлома смартфонов // Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7564193> (дата обращения: 14.03.2025).

²⁷ У МВД России проблема: Не хватает серверов на базе «Эльбрус» // CoNEWS. Информационные технологии завтра : сайт. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-11-13_mvd_ne_hvataet_serverov_na (дата обращения: 14.03.2025).

<p style="text-align: center;">Сильные стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – широкие полномочия в сфере информационной безопасности; – комплексный характер деятельности, сочетание оперативных и аналитических функций; – использование современных ИТ (big data, ИИ, компьютерная криминалистика); – тесная координация с территориальными подразделениями 	<p style="text-align: center;">Слабые стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – нехватка квалифицированных IT-специалистов; – ограниченность финансовых и материально-технических ресурсов; – отставание от мировых лидеров по уровню технологического оснащения; – зависимость от иностранного программного обеспечения и оборудования
<p style="text-align: center;">Возможности:</p> <ul style="list-style-type: none"> – импортозамещение и разработка собственных инновационных решений в сфере кибербезопасности; – расширение партнерства с ведущими IT-компаниями и научными центрами; – интенсификация международного сотрудничества и обмена опытом с зарубежными коллегами; – совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров 	<p style="text-align: center;">Угрозы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – быстрое развитие и усложнение киберугроз, появление новых форм киберпреступности; – активизация кибератак со стороны иностранных спецслужб в условиях геополитической конфронтации; – технологическое отставание РФ в сфере микроэлектроники и телекоммуникационного оборудования; – «утечка мозгов», переход квалифицированных IT-специалистов в коммерческий сектор

Рис. 3. SWOT-анализ потенциала УБК МВД РФ в информационном противоборстве

Если принимать во внимание результаты проведенного SWOT-анализа, представляется возможным сформулировать ряд практических рекомендаций по повышению эффективности работы УБК МВД России и преодолению имеющихся проблем:

1. Необходимо активизировать работу по импортозамещению программно-аппаратных средств, используемых в деятельности подразделений киберполиции. Следует наладить тесное взаимодействие с ведущими российскими IT-компаниями, научно-исследовательскими центрами для разработки и внедрения передовых отечественных решений в области кибербезопасности, адаптированных под специфику правоохранительной деятельности. Если говорить о внедрении зарубежных программно-аппаратных средств, то здесь целесообразно налаживать взаимодействие с Китаем, которое является характерным для стратегического курса (переориентация на Восток) России в последние годы. К примеру, в КНР Министерством общественной безопасности страны создана система Police Cloud. Она интегрирует различные типы информации, включая данные, которые регулярно собирает китайская полиция, и может служить ориентиром для российских разработок. В качестве конкретной меры представляется целесообразным создать в структуре УБК МВД России специализированный научно-технический центр на основе государственно-частного партнерства для разработки отечественных программно-аппаратных решений в области кибербезопасности по аналогии с успешно функционирующим в ФБР США подразделением Cyber Action Team (CAT).

2. Требуется существенно усилить кадровый потенциал УБК МВД России за счет привлечения высококвалифицированных IT-специалистов, обладающих актуальными компетенциями в сфере информационной безопасности, что подчеркивается и в научной литературе [7, с. 79]. Для этого целесообразно расширить сотрудничество с ведущими техническими вузами страны, создать привлекательные условия для молодых талантливых специалистов (конкурентная зарплата, социальный пакет, перспективы карьерного роста). Рекомендуется:

– сформировать систему непрерывной подготовки кадров для УБК МВД России, включающую три уровня: базовый (для всех сотрудников полиции), специализированный (для сотрудников технических подразделений) и экспертный (для аналитиков и руководителей);

– разработать и внедрить до 2026 г. профессиональный стандарт «Специалист по борьбе с киберпреступностью в правоохранительных

органах», включающий четкие квалификационные требования и компетенции.

Привлекаться должны и иностранные специалисты. На данный момент это реализуется (например, «для иностранных граждан, являющихся специалистами в сфере информационных технологий, упрощена процедура трудоустройства и получения вида на жительство в Российской Федерации»²⁸), однако до сих пор такая практика носит ограниченный характер, не предполагает повышения привлекательности страны за рубежом как образовательного IT-центра.

3. Важным направлением должно стать совершенствование системы профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников киберполиции. Для этого рекомендуется создать систему регулярной оценки цифровых компетенций сотрудников УБК МВД России с формированием индивидуальных траекторий профессионального развития и переподготовки (не реже 1 раза в 3 года), используя методику структурированного интервью и практических кейсов. Учебные программы необходимо постоянно актуализировать с учетом динамично меняющегося ландшафта киберугроз. Следует активно внедрять передовые методы обучения с использованием возможностей онлайн-образования, игровых симуляторов, виртуальных полигонов. С этой целью необходимо внедрить систему ежеквартальных киберучений для сотрудников УБК МВД России на базе виртуального полигона «КиберПолигон» (по аналогии с системой Cyber Range, используемой ФБР США), что позволит повысить практические навыки противодействия актуальным киберугрозам. Также представляется необходимым создать официальный информационный портал УБК МВД России для размещения актуальной информации о киберугрозах, рекомендаций гражданам по обеспечению личной информационной безопасности, организации интерактивного диалога с населением.

4. Необходимо интенсифицировать международное сотрудничество российской киберполиции с зарубежными партнерами как на двусторонней основе, так и в рамках международных организаций (ООН, ШОС, ОДКБ). Конкретные предложения могут включать в себя: создание в рамках ШОС и ОДКБ постоянно действующей рабочей группы по противодействию киберпреступности с секретариатом в г. Москве и ежеквартальными совещаниями руководителей профильных подразделений; разработку и внедрение

²⁸ МВД России информирует иностранных IT-специалистов и членов их семей // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. URL: <https://мвд.рф/news/item/36519617/#s1> (дата обращения: 14.03.2025).

до 2026 г. системы защищенного информационного обмена между УБК МВД России и аналогичными структурами дружественных государств (в первую очередь стран БРИКС) по аналогии с системой i24/7, используемой Интерполом. Это позволит обмениваться передовым опытом и лучшими практиками борьбы с киберпреступностью, осуществлять совместные расследования и операции, выработать единые стандарты информационной безопасности. Тем не менее отметим, приоритет должен отдаваться суверенному развитию в данной сфере.

5. Крайне важно выстроить эффективное государственно-частное партнерство между УБК МВД России и главными игроками ИТ-рынка, операторами связи, интернет-провайдерами, владельцами критической информационной инфраструктуры. Формирование атмосферы доверия и взаимовыгодного сотрудничества позволит наладить оперативный информационный обмен о киберинцидентах, координировать усилия по противодействию киберугрозам. Для этого требуется внедрить трехуровневую модель взаимодействия УБК МВД России с частным сектором: а) стратегический уровень – создание Координационного совета по кибербезопасности при МВД России с участием руководителей ведущих ИТ-компаний и операторов связи; б) тактический уровень – формирование отраслевых рабочих групп по направлениям (финансовый сектор, критическая инфраструктура, интернет-сервисы); в) оперативный уровень – создание защищенной платформы обмена информацией о киберинцидентах в режиме реального времени с законодательным закреплением иммунитета для добросовестных информаторов. Также, в нашем представлении, важным шагом явилось бы создание на базе УБК МВД России Центра компетенций по противодействию киберугрозам с функциями обучения и консультирования представителей бизнеса, государственных органов и граждан по вопросам информационной безопасности.

Список литературы:

1. *Борисенко А. В.* Понятие кибербезопасности. Кибербезопасность государственных органов // Актуальные проблемы развития экономических, финансовых и кредитных систем : сборник материалов X Международной научно-практической конференции. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 297–299.
2. *Гудков Ю. А., Нагорная М. А.* О киберполиции в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. Т. 40. № 4. С. 108–114.

Подводя итог, следует отметить, что создание Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России стало закономерным шагом в развитии системы противодействия киберпреступности и обеспечения информационной безопасности нашего государства. Данная структура призвана стать ядром формирующейся в стране киберполиции – специализированной службы, ориентированной на комплексное предупреждение, пресечение и расследование преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

Проведенный анализ организационно-правовых основ функционирования УБК МВД России свидетельствует о наличии у нового подразделения значительного потенциала в сфере борьбы с киберпреступностью. Управление обладает необходимым набором оперативно-розыскных, координационных, информационно-аналитических функций и полномочий, позволяющих эффективно решать поставленные задачи как в части противодействия конкретным криминальным проявлениям в сети Интернет, так и в контексте более широкого участия в стратегическом противообороте с актуальными гибридными угрозами.

Вместе с тем дальнейшее развитие российской киберполиции требует преодоления ряда проблем и ограничений, связанных с недостаточной кадровой и ресурсной обеспеченностью подразделений, пробелами в нормативно-правовой базе, слабой координацией с гражданским сектором. Реализация предложенного в статье комплекса мер организационного, правового и технического характера способна существенно повысить возможности УБК МВД России по защите национальных интересов в информационной сфере, содействовать укреплению всей системы национальной безопасности перед лицом новых глобальных вызовов XXI столетия.

References:

1. *Borisenko A. V.* Ponyatie kiberbezopasnosti. Kiberbezopasnost' gosudarstvennyh organov // Aktual'nye problemy razvitiya ekonomicheskikh, finansovyh i kreditnyh sistem : sbornik materialov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Belgorod : Belgorodskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2022. S. 297–299.
2. *Gudkov Yu. A., Nagornaya M. A.* O kiberpolicii v Rossijskoj Federacii // Law Herald of Dagestan State University. 2021. T. 40. № 4. S. 108–114.
3. *Zelenkov D. S., Ivanova E. I.* Kiberpravosudie: fantastika ili real'nost' // Individual'noe proek-

3. *Зеленков Д. С., Иванова Е. И.* Киберправосудие: фантастика или реальность // Индивидуальное проектирование образования как условие успешной профессиональной деятельности : материалы I Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / под ред. И. Ю. Кузнецовой. Кемерово : ООО «Аэтерна», 2020. С. 19–23.
4. *Игнатьева И. В.* Цифровизация в социальной сфере / И. В. Игнатьева, И. И. Зедгенизова, Е. Л. Власова // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 2. С. 334–337.
5. *Кремнев Р. Н.* К вопросу об истории становления правового контроля МВД России // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. 179–185.
6. *Марченко М. Н.* Сравнительное правоведение : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 784 с.
7. *Михайлюк В. А.* Киберполиция – современный правоохранительный орган в борьбе с интернет-преступностью // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1(99). С. 74–79.
8. *Поляков С. А.* Гибридная война коллективного Запада как угроза национальной и международной безопасности // Российское право онлайн. 2024. № 4. С. 19–23.
9. *Прокопьев И. В.* Киберправо и его роль в обеспечении национальной безопасности России // Образование и право. 2024. № 3. С. 607–611.
10. *Саркисян Г. Г., Лапунова Ю. А.* Создание киберполиции в Министерстве внутренних дел Российской Федерации: от первых шагов к реализации // Академическая мысль. 2022. № 1 (18). С. 23–28.
11. *Чернов И. В.* Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 1. С. 121–132.
- tirovanie obrazovaniya kak uslovie uspehnoj professional'noj deyatel'nosti : materialy I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov, aspirantov, molodyh uchenyh / pod red. I. Yu. Kuznecovoj. Kemerovo : ООО «Aeterna», 2020. S. 19–23.*
4. *Ignat'eva I. V.* Cifrovizaciya v social'noj sfere / I. V. Ignat'eva, I. I. Zedgenizova, E. L. Vlasova // Economic Problems and Legal Practice. 2021. T. 17. № 2. S. 334–337.
5. *Kremnev R. N.* K voprosu ob istorii stanovleniya pravovogo kontrolya MVD Rossii // Juridical Journal of Samara University. 2020. T. 6. № 1. S. 179–185.
6. *Marchenko M. N.* Sravnitel'noe pravovedenie : uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Prospekt, 2017. 784 s.
7. *Mihajlyuk V. A.* Kiberpoliciya – sovremennyy pravoohranitel'nyj organ v bor'be s internet-prestupnost'yu // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1(99). S. 74–79.
8. *Polyakov S. A.* Gibridnaya vojna kolektivnogo Zapada kak ugroza nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti // Russian Law Online. 2024. № 4. S. 19–23.
9. *Prokop'ev I. V.* Kiberpravo i ego rol' v obespechenii nacional'noj bezopasnosti Rossii // Education and Law. 2024. № 3. S. 607–611.
10. *Sarkisyan G. G., Lapunova Yu. A.* Sozдание kiberpolicii v Ministerstve vnutrennih del Rossijskoj Federacii: ot pervyh shagov k realizacii // Academic thought. 2022. № 1(18). S. 23–28.
11. *Chernov I. V.* Cifrovizaciya kak tendenciya razvitiya sovremennogo obshchestva: specifika nauchnogo diskursa // Humanities of the South of Russia. 2021. T. 10. № 1. S. 121–132.

Для цитирования:

Баранов Владимир Владимирович. Формирование специализированных подразделений киберполиции в Российской Федерации в условиях информационного противоборства // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 109–122.

For citation:

Baranov Vladimir Vladimirovich. Formation of Specialized Cyber Police Units in the Russian Federation in the Context of Information Warfare // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 109–122.

Гаврилин Юрий Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: iugavrilin@mvd.ru

Курилов Сергей Иванович,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID 0000-0002-7243-9624

E-mail: skurilov78@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-123-133

Дата поступления статьи: 11 июля 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

Возмещение ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом

Compensation for Damage Caused by Theft Committed Remotely

Аннотация

Актуальность темы исследования: в условиях роста числа краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, а также мошенничеств, совершенных дистанционным способом, особую актуальность приобретают вопросы возмещения ущерба, причиненного этими преступлениями. К числу потерпевших от действий телефонных мошенников нередко относятся социально незащищенные слои населения: пенсионеры, работники бюджетной сферы, лица с ограничениями по здоровью. При этом зачастую подобные преступления координируются и совершаются из-за рубежа, а в их совершение вовлекаются не осведомленные о преступных намерениях организаторов российские граждане, включая несовершеннолетних, задача которых состоит в предоставлении банковских реквизитов своих платежных карт и снятии похищенных денежных средств в терминалах самообслуживания.

Yuri Viktorovich Gavrilin,

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Management
of Crime Investigation Bodies,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemynskikh St., 8
E-mail: iugavrilin@mvd.ru

Sergey Ivanovich Kurilov,

Candidate of Law,
Head of the Department of Management of Crime
Investigation Bodies,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemynskikh St., 8
ORCID 0000-0002-7243-9624
E-mail: skurilov78@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

Relevance of the research topic: in the context of an increasing number of thefts committed from a bank account, as well as in relation to electronic money, as well as fraud committed remotely, the issues of compensation for damage caused by these crimes are becoming particularly relevant. Victims of telephone fraud often include socially vulnerable segments of the population: pensioners, public sector workers, and people with disabilities. At the same time, such crimes are often coordinated and committed from abroad, and Russian citizens who are not aware of the criminal intentions of the organizers, including minors, are involved in their commission, whose task is to provide bank details of their payment cards and withdraw stolen funds from self-service terminals. The need for systematic work to counteract such phenomena is explicitly stated in strategic planning documents at the level of the President of the Russian Federation, as well as at the departmental level.

О необходимости системной работы по противодействию подобным явлениям прямо указывается в документах стратегического планирования на уровне Президента Российской Федерации, а также на ведомственном уровне.

Постановка проблемы: в условиях цифровой трансформации преступности хищения, совершенные дистанционным способом, находятся среди других преступлений на первом месте по своей распространенности, а величина причиненного ими ущерба только в 2024 г. превысила 200 миллиардов рублей. При таких обстоятельствах криминалистика, наряду с другими уголовно-правовыми науками, призвана выработать комплекс научно обоснованных рекомендаций по решению тактической задачи по возмещению ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом. Подобные рекомендации должны строиться на показавших свою эффективность положительных примерах организации взаимодействия участников расследования, включая органы прокуратуры Российской Федерации, а также задействовать гражданско-правовой инструментарий, обеспечивающий возможность взыскания неосновательного обогащения.

Цель исследования: настоящая статья призвана систематизировать положительный опыт органов предварительного следствия по возмещению ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом, существующую судебную практику в этой сфере, на основе чего представить эффективный механизм взаимодействия субъектов уголовно-процессуальной деятельности, направленный на обеспечение защиты прав потерпевших.

Методы исследования: в ходе исследования использовались общенаучные методы: анализ, синтез. При помощи статистического метода изучено состояние дел в рассматриваемом направлении деятельности и определены проблемы, что в совокупности с другими методами позволило сформулировать предложения по совершенствованию указанной сферы деятельности.

Результаты и ключевые выводы: складывающаяся судебная практика дает возможность предъявления потерпевшими иска о взыскании неосновательного обогащения к лицам, которые предоставляют свои данные мошенникам для открытия счетов либо банковские карты для дальнейшего вывода денежных средств. Согласно статье 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, которое без наличия правовых оснований приобрело имущество за счет другого лица, обязано возвратить последнему это имущество. Данные правила применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя, потерпевшего, тре-

Problem statement: in the context of the digital transformation of crime, theft committed remotely is in the first place among other crimes in terms of its prevalence, and the amount of damage caused by them exceeded 200 billion rubles in 2024 alone. Under such circumstances, criminology, along with other criminal law sciences, is called upon to develop a set of scientifically sound recommendations for solving the tactical task of compensating for damage caused by theft committed remotely. Such recommendations should be based on proven positive examples of the organization of interaction between participants in the investigation, including the Prosecutor's Office of the Russian Federation, as well as use civil law tools to ensure the possibility of recovery of unjustified enrichment.

The purpose of the study: this article is intended to systematize the positive experience of the preliminary investigation bodies in compensating for damage caused by theft committed remotely, the existing judicial practice in this area, on the basis of which to present an effective mechanism for interaction of subjects of criminal procedural activities aimed at protecting the rights of victims.

Research methods: general scientific methods were used in the course of the research: analysis, synthesis. Using the statistical method, the state of affairs in the field of activity under consideration was studied and problems were identified, which, together with other methods, made it possible to formulate proposals for improving this area of activity.

Results and key conclusions: the emerging judicial practice makes it possible for victims to file a claim for recovery of unjustified enrichment against persons who provide their data to fraudsters to open accounts or bank cards for further withdrawal of funds. According to article 1102 of the Civil Code of the Russian Federation, a person who has acquired property at the expense of another person without legal grounds is obliged to return this property to the latter. These rules apply regardless of whether the unjustified enrichment resulted from the behavior of the acquirer, the victim, or third parties or occurred against their will. Thus, the victim has all the legal grounds to recover the stolen funds from the persons to whose accounts, under the influence of deception, the funds belonging to them were transferred.

Another noteworthy practice is the establishment of a defect in the client's will to conclude a loan agreement and transfer funds as grounds for invalidating the transaction.

тых лиц или произошло помимо их воли. Таким образом, у потерпевшего имеются все законные основания для взыскания похищенных денежных средств с лиц, на счета которых под влиянием обмана был осуществлен перевод принадлежащих им денежных средств.

Еще одной заслуживающей внимание практикой является установление порока воли клиента на заключение кредитного договора и перевод денежных средств как основания для признания его недействительной сделкой.

Ключевые слова: хищения; возмещение ущерба; дистанционный способ; органы внутренних дел; противодействие преступлениям.

Keywords: *embezzlement; compensation for damage; remote method; law enforcement agencies; crime prevention.*

Одним из направлений противодействия преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является возмещение ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом. В условиях цифровой трансформации преступности эти преступления вышли на первое место по своей распространенности [8], а величина причиненного ими ущерба только в 2024 г. превысила 200 миллиардов рублей [12].

Очевидна социальная опасность подобных преступлений, когда введенные в заблуждение жертвы, в первую очередь социально уязвимые категории граждан, отдают преступникам последние сбережения, берут кредиты, теряют жилье. В марте 2025 г., выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, глава государства обратил внимание на раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, и подчеркнул, что четверть обманутых, пострадавших людей — это пенсионеры [12].

Несмотря на важность и актуальность вопросов возмещения ущерба, причиненного преступлениями, включая хищения, совершенные дистанционным способом, научных исследований в данной области не достаточно. В числе диссертационных исследований, в которых этот вопрос рассматривался в прямой постановке, следует отметить работы Д. А. Иванова [5], Н. Н. Сенина [13], С. Ю. Турова [15], Ж. В. Цыренова [16]. В указанных работах раскрыты преимущественно уголовно-процессуальные аспекты данной проблемы.

Кроме того, она затрагивалась в исследованиях Б. Т. Безлепкина [1], С. А. Синенко [14], Р. В. Графа [4], А. С. Кириллова [6] и др. Уголовно-правовые основы возмещения вреда, причиненного преступлением, рассматривались Е. Н. Клешиной [7], Н. Э. Мартыненко [10].

Вместе с тем приведенные исследования в силу объективных причин не отражают изменений в механизме преступлений, вызванных процессами цифровой трансформации [3, с. 37], и особенностей организации данной работы в условиях активного развития современных финансовых технологий.

В настоящее время наиболее распространенными способами хищений являются звонки от имени сотрудника банка и правоохранительных органов с предложением перевести деньги на «безопасный счет», объявление в сети Интернет о купле-продаже товаров без намерения выполнять обязательство, выплата «вознаграждения» за освобождение близкого лица из некой трудной жизненной ситуации, тайное оформление на потерпевшего микрозайма в сети Интернет, взлом учетной записи в социальной сети (мессенджере) с последующей рассылкой обращений к близким потерпевшего о займе денежных средств, создание фишинговых сайтов и распространение ссылок на них для завладения платежными реквизитами потерпевшего и совершения операций без его согласия и др. [11, с. 242].

В основе механизма подобных хищений находятся приемы социальной инженерии, направленные на получение конфиденциальной информации, необходимой для совершения безналичного перевода без согласия владельца электронного средства платежа или банковского счета [11, с. 243]. Совершению преступления предшествует изучение личной информации о потерпевших, включая сведения из открытых источников и утечки персональных данных. В противоправной деятельности широко используются технологии IP-телефонии для организации криминальных кол-центров. Получение похищенных средств производится через банковские карты, оформленные на лиц, не осведомленных о преступных намерениях организаторов.

Правовую основу возмещения ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом, составляют различные нормативные акты [9, с. 69].

Например, Конституцией Российской Федерации¹ предусмотрена компенсация причиненного ущерба потерпевшим от преступлений.

Одной из важнейших задач, обозначенных в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, является системное предупреждение и пресечение преступлений, в том числе совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также обеспечение реализации конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни².

В рамках задачи по предупреждению и пресечению хищений, совершенных дистанционным способом, рост которых увеличивается, особое значение государством уделяется вопросам возмещения ущерба, причиненного такими преступлениями. Это включает в себя разработку и внедрение эффективных механизмов для быстрого и полного взыскания незаконно полученных средств, имущества или иных материальных ценностей, а также компенсации нанесенного государству или гражданам ущерба.

Конкретные меры в этой области предусматривают создание специализированных процедур и инструментов для выявления и оценки ущерба, причиненного преступными действиями в результате хищений, совершенных дистанционным способом. Важным аспектом является автоматизация процессов учета и контроля за возвратом незаконно полученных активов, что позволяет повысить прозрачность и эффективность работы правоохранительных органов и судов. В целом меры по возмещению ущерба призваны не только компенсировать потери государства или граждан, но и служить действенным инструментом профилактики всех преступлений, в том числе и хищений, совершенных дистанционным способом, а также укреплять доверие к системе правосудия и повышать уровень ответственности лиц их совершивших. Реализация этих мер способствует созданию более прозрачной и ответственной системы управления государственными ресурсами.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Статья 52 // СПС Консультант-Плюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025).

Уголовно-процессуальное законодательство возлагает на следователей и дознавателей важные обязанности, связанные с обеспечением восстановления прав потерпевших и возмещения причиненного им ущерба. В частности, они обязаны выявлять и документировать характер и размер вреда, причиненного преступлением, чтобы обеспечить его полное возмещение. Кроме того, следователи должны разъяснить потерпевшим их права и порядок подачи исковых требований, что позволяет им эффективно реализовать свое право на восстановление нарушенных имущественных интересов.

Особое значение в этом процессе имеет статья 160.1 УПК РФ, которая предусматривает обязанность следователей принимать конкретные меры по установлению местонахождения имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, отвечающих за них по закону. Это имущество должно иметь стоимость, достаточную для полного возмещения причиненного ущерба, а также для взыскания штрафов и других имущественных требований. В рамках этой обязанности следователи и дознаватели могут предпринимать действия по наложению ареста на такое имущество с целью обеспечения его сохранности и последующего использования для компенсации ущерба.

Таким образом, деятельность следственных органов направлена не только на выявление и фиксацию преступных деяний, но и на создание условий для полного восстановления имущественных прав потерпевших за счет выявления и изъятия имущества, которое может быть использовано для возмещения вреда.

В связи с этим УПК РФ содержит следующий комплекс мер, направленных на гарантированное возмещение вреда потерпевшим:

в соответствии со ст. 44 УПК РФ истец вправе заявить требования о компенсации ущерба, что обязывает следователя и дознавателя принимать меры для их обеспечения;

в соответствии со ст. 115 УПК РФ следователями и дознавателями применяются меры, связанные с наложением ареста на имущество обвиняемых или иных лиц для предотвращения его сокрытия в пределах суммы иска, которые требуют судебного решения;

в соответствии со ст. 160.1 УПК РФ следователи и дознаватели, разъяснив потерпевшему право на иск, обязаны обеспечить сохранность имущества и своевременно реализовать обеспечительные меры.

Уголовный кодекс Российской Федерации³ (далее – УК РФ) предусматривает меры добро-

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая

вольного возмещения имущественного ущерба, что относится к смягчающим обстоятельством (ч. 1, 2 ст. 62 УК РФ), является обязательным условием для отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ), для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ) и замены неотбытой части наказания более мягким (ч. 1 ст. 80 УК РФ), а также необходимым условием для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ), с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ).

Однако наряду с мерами добровольного возмещения ущерба УК РФ предусматривает конфискацию имущества в соответствии со ст. 104.1, если органами расследования будет установлено имущество, перечисленное в данной статье.

Отдельные вопросы обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлениями, регламентированы соответствующими межведомственными приказами⁴.

Критерии оценки эффективности деятельности органов внутренних дел в рассматриваемой сфере содержатся в государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»⁵ (далее – Государственная программа), в соответствии с которой предусматривается увеличение доли возмещенного ущерба от фактически причиненного до 24,45 % органами предварительного следствия и 59,5 % подразделениями дознания к 2030 г. Достижение данных показателей предлагается осуществлять в том числе путем принятия своевременных, эффективных управленческих и процессуальных решений. Для достижения указанных показателей осуществляется ведомственный⁶

и отраслевой⁷ контроль оценочных показателей деятельности для подразделений следствия и дознания по рассматриваемому направлению [9, с. 69].

Так, паспортом комплекса процессных мероприятий (далее – паспорт КПП) «Предварительное следствие»⁸ показатель «Доля возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по уголовным делам, оконченным следователями» на 2024 г. установлен в размере 24,15 %. Аналогичный показатель для подразделений дознания составил 59 %. В 2025 г. указанный целевой показатель включен в паспорт КПП «Оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации»⁹ и составляет 24,20 % для подразделений следствия и 59 % для дознания.

Помимо Государственной программы содержание работы по возмещению ущерба включены:

1. В оценку работы территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, предусмотренную приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040, как суммы удельного веса числа уголовных дел, по которым причиненный ущерб возмещен полностью, от общего количества уголовных дел, по которым имеется материальный ущерб, и процента возмещения ущерба (по уголовным делам, оконченным расследованием органами внутренних дел).

2. В оценку работы органов предварительного следствия в системе МВД России, предусмотренную распоряжением МВД России от 29 ноября 2024 г. № 1/14398, как удельного веса возмещенного ущерба по оконченным делам.

3. В оценку работы подразделений дознания в системе МВД России, предусмотренную распоряжением МВД России от 30 ноября 2024 г. № 1/14434, как доли возмещенного ущерба от фактически причиненного ущерба по уголовным делам, оконченным дознавателями.

1996 г. // СПС Консультант Плюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025).

⁴ О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями : приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Росфинмониторинга от 29 марта 2016 г. № 182/189/153/243/33/129/800/220/105 // СПС Консультант Плюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025) и др.

⁵ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 : в ред. от 31 августа 2024 г. // СПС Консультант Плюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025).

⁶ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 (далее – приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040) // СТРАС

«Юрист» (дата обращения: 12.06.2025).

⁷ Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции Следственного департамента МВД России : распоряжение МВД России № 1/14398 от 29 ноября 2024 г. (далее – распоряжение МВД России от 29 ноября 2024 г. № 1/14398) // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 12.06.2025); Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции УОД МВД России : распоряжение МВД России от 30 ноября 2024 г. № 1/14434 (далее – распоряжение МВД России от 30 ноября 2024 г. № 1/14434) // СТРАС «Юрист» (дата обращения: 12.06.2025).

⁸ Паспорт комплекса процессных мероприятий «Предварительное следствие» : утв. Министром внутренних дел Рос. Федерации 11 декабря 2023 г. № 1/15029.

⁹ Паспорт комплекса процессных мероприятий «Оперативно-служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации» : утв. Министром внутренних дел Рос. Федерации от 17 декабря 2024 г. № 1/15385.

Показатели оценки территориальных органов МВД России формируются на основании статистических карточек формы № 1.1 и № 4¹⁰, а показатели оценки органов следствия и подразделений дознания — по данным раздела № 18 «Обеспечение в процессе следствия и дознания возмещения ущерба» формы федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании»¹¹.

Приказом Генпрокуратуры России от 6 сентября 2024 г. № 643 утверждена новая форма отчета, учитывающая суммы причиненного и возмещенного ущерба по уголовным делам, направленным руководителем следственного органа, прокурором в суд с постановлением о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства в порядке ч. 1 ст. 427 УПК РФ, а также расширен перечень субъектов, действия которых признаются возмещением ущерба, в частности представителей органа власти, в том числе в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, включая рассмотрение исков прокуроров в интересах государства, а также потерпевших лиц.

Согласно Инструкции по составлению указанной формы отчетности в строке о возмещении ущерба в результате действий потерпевшего в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства отражается возмещенный ущерб в соответствии с решениями суда, в которых содержатся положения о признании недействительными сделок купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении имущества (движимого и недвижимого имущества, долей в уставных капиталах коммерческих и некоммерческих организаций, акций и иных ценных бумаг денежных средств и ценностей) либо о признании за потерпевшим права на оспариваемое имущество.

При этом одной из особенностей является то, что согласно п. 177 Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ, утвержденной указанным выше приказом, выплаты страховых компаний, произведенные

на основании договора страхования, заключенного с потерпевшим, а также с третьими лицами и организациями, в показатель возмещения ущерба в результате действий потерпевшего в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства не включаются и как возмещенный в процессе предварительного расследования ущерб не учитываются.

Существует ряд объективных факторов, которые оказывают негативное влияние на выполнение запланированных показателей, установленных в рамках вышеуказанной Государственной программы. Эти факторы обусловлены внешними обстоятельствами и особенностями ситуации, в которой находятся лица, причинившие материальный ущерб. В первую очередь к ним относится финансовая несостоятельность данных лиц: у них отсутствует имущество, денежные средства или стабильный источник дохода, что значительно усложняет выполнение ими обязательств по возмещению ущерба.

Все перечисленные объективные обстоятельства создают дополнительные сложности для реализации мер по достижению целей Государственной программы. Они требуют разработки специальных подходов и стратегий, направленных на учет этих факторов при планировании и проведении мероприятий по борьбе с преступностью и восстановлению справедливости. В частности, необходимо совершенствование механизмов выявления и блокировки незаконных финансовых операций, а также создание условий для более эффективного взыскания ущерба даже в условиях отсутствия у должников имущества или денежных средств [9, с. 70].

В этой связи необходимо обратить повышенное внимание не только на установление имущества, подлежащего аресту, но и на тщательную подготовку обосновывающих материалов, представляемых в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество, в том числе принадлежащее лицам, не являющимся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ.

В этой связи в целях повышения эффективности возмещения потерпевшим причиненного материального ущерба и совершенствования работы по данному направлению деятельности руководителями следственных органов и подразделений дознания необходимо в полной мере реализовывать свои процессуальные и иные полномочия, принимать необходимые меры организационного и методического характера по обеспечению возмещения ущерба следователями и дознавателями. Осуществлять контроль при направлении и исполнении поручений следователя (дознавателя) в порядке

¹⁰ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025).

¹¹ Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ»: приказ Генпрокуратуры России от 6 сентября 2024 г. № 643 (далее — приказ Генпрокуратуры России от 6 сентября 2024 г. № 643 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025).

п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ [9, с. 71].

Одним из актуальных вопросов является проблема розыска похищенного имущества, которое было легализовано и направлено за границу, в том числе с использованием криптовалюты. В этом случае, если имеются сведения, что имущество, указанное в ч. 1 ст. 160.1 УПК РФ, находится на территории иностранного государства, закон обязывает следователей, дознавателей направлять в установленном порядке запрос о производстве соответствующих процессуальных действий компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности (ч. 2 ст. 160.1 УПК РФ).

С учетом ограниченных возможностей органов предварительного расследования по восстановлению прав, нарушенных в связи с незаконным выводом денежных средств из Российской Федерации и их невозвращением, отсутствия возможности изъятия в натуральном виде цифровых активов и денежных средств, находящихся на банковских счетах, необходимо использовать алгоритм отраженный в правовых актах¹², подготовленных с участием Генпрокуратуры России, Следственного департамента МВД России и иных заинтересованных ведомств [9, с. 72].

В целях совершенствования механизма противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента, а также повышения эффективности возмещения ущерба потерпевшим принят Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе», который вступил в силу 25 июля 2024 г.¹³

Его положениями закреплена обязанность осуществления оператором по переводу денежных средств проверки наличия признаков их перевода без добровольного согласия клиента до мо-

мента списания его денежных средств (в случае совершения операции с использованием платежных карт, перевода электронных денежных средств или перевода денежных средств с использованием сервиса быстрых платежей платежной системы Банка России либо при приеме к исполнению распоряжения клиента (при осуществлении перевода в иных случаях).

В частности, в ст. 8 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹⁴ (далее – Федеральный закон № 161-ФЗ) регламентируется обязанность кредитной организации приостановить прием к исполнению распоряжения клиента сроком на 2 дня или отказать в совершении операции, содержащей признаки осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия, а также направить ему информацию о выполнении указанных действий с уведомлением о возможности подтвердить распоряжение или совершить повторную операцию (так называемое охлаждение операции).

Введение в законодательство указанных новаций повысит заинтересованность кредитных организаций в пресечении сомнительных операций и, как следствие, будет способствовать эффективному взаимодействию правоохранительных органов с банками, направленному на предупреждение и пресечение преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также возмещению потерпевшим материального вреда по этим преступлениям.

Вместе с тем на фоне указанных изменений законодательства выявляются факты нарушения банковским сектором требований Федерального закона № 161-ФЗ, в том числе по идентификации и блокировке сомнительных операций. Банками не всегда блокируются операции, которые имеют сомнительный характер, либо ими производится формальная проверка (в виде телефонного звонка клиенту, находящемуся под психологическим воздействием мошенников) признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, установленных приказом Банка России от 27 июня 2024 г. № ОД-1027¹⁵.

¹² Об утверждении Инструкции о порядке организации работы по возвращению из-за рубежа активов, полученных в результате совершения преступлений и иных правонарушений: приказ Генпрокуратуры России, СК России, МВД России, МИД России, Минюста России, ФСБ России, Росфинмониторинга, ФТС России, ФНС России, ФССП России, Росимущества, Банка России, государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» от 28 февраля 2023 г. № 133/25/107/3575/33/100/45/144/ЕД-7-18/137/106/40/ОД-326/22/1/2802 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2025).

¹³ О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе»: Федер. закон от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ: принят Гос. Думой 11 июля 2023 г.: одобрен Советом Федерации 19 июля 2023 г. // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2025).

¹⁴ О национальной платежной системе: Федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2011 г.: одобрен Советом Федерации 22 июня 2011 г. // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2025).

¹⁵ Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525: приказ Банка России от 27 июня 2024 г. № ОД-1027 // СПС Консультант Плюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2025).

При этом сделаем акцент на положительном опыте в этой сфере.

Так, складывающаяся судебная практика дает возможность предъявления потерпевшими иска к дропперам, на банковские счета которых потерпевшими переводятся деньги и далее выводятся по цепочке. Дропперы – это лица, которые предоставляют свои данные мошенникам для открытия счетов либо банковские карты для дальнейшего вывода денежных средств, затрудняя установление организаторов преступления. За предоставление доступа к своему счету или банковской карте дропперы получают денежное вознаграждение, при этом они безразлично относятся к тому, для каких целей эти карты будут использованы, сознательно допускают возможность их применения для совершения преступлений – хищений безналичных денежных средств с использованием системы дистанционного банковского обслуживания. В ряде случаев дропперы оказывают услуги по обналечиванию денежных средств, зачисленных на их счета, за денежное вознаграждение.

Фактически данный вид деятельности приносит достаточно высокий нелегальный доход. При этом вопрос о привлечении дропперов к уголовной ответственности был положительно разрешен лишь с принятием Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым установлена ответственность за осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершенной лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ).

Вместе с тем практика взыскания с дропперов неосновательного обогащения в рамках гражданского судопроизводства складывается еще с 2018 г., когда судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрено дело по иску Е. В. Нахимовой к А. Е. Никишиной. С последней взыскано неосновательное обогащение в сумме 500 тыс. рублей и государственная пошлина.

Таких решений судов становится все больше. Обосновывая свои решения, суды указывают, что согласно ст. 1102 ГК РФ, лицо, которое без наличия правовых оснований приобрело имущество за счет другого лица, обязано возвратить последнему это имущество. Данные правила применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя, потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли.

Таким образом, у потерпевшего имеются все законные основания для взыскания с дроппера похищенных денежных средств.

Еще одной заслуживающей внимание практикой является установление порока воли клиента на заключение кредитного договора и перевод денежных средств. Ранее кредитный договор считался действительным, а банк – надлежаще исполнившим свои обязательства, если договор заключался через учетную запись клиента в интернет-банке. Клиент нес ответственность за операции, совершенные с помощью его логина и пароля, даже в том случае, если коды (пароли) были получены и использованы недобросовестными третьими лицами.

Верховный Суд Российской Федерации опубликовал определение по делу № 5-КГ22-127-К2 о признании недействительным кредитного договора, который был заключен посредством мобильного приложения «Тинькофф Банк» неустановленным лицом, похитившим денежные средства у клиента. ВС РФ указал, что для заключения кредитного договора обязательным условием является воля стороны. Из установленных судом обстоятельств следует, что кредитные средства были предоставлены не потерпевшему и не в результате его действий, а неустановленному лицу, действовавшему от его имени¹⁶.

Представляется, что данное определение Верховного Суда Российской Федерации должно оказать значительное влияние на практику рассмотрения судами дел, связанных с телефонным мошенничеством. ВС РФ обозначил необходимый подход при рассмотрении нижестоящими судами споров, связанных с защитой лиц, пострадавших от рук кредитных мошенников.

21 марта 2025 года в Академии управления МВД России состоялся IX Всероссийский онлайн-семинар «Возмещение ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом». В мероприятии приняли участие свыше 1 500 сотрудников органов предварительного следствия, подразделений уголовного розыска, дознания, а также экономической безопасности и противодействия коррупции из 82 субъектов Российской Федерации [2]. На семинаре были рассмотрены вопросы совершенствования оперативно-служебной деятельности в названной сфере, доведены результаты надзорной практики органов прокуратуры и положитель-

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Рос. Федерации от 16 декабря 2022 г. № 5-КГ22-127-К2 (УИД 77RS0031-02-2020-001545-58) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2025).

ный опыт, наработанный в субъектах Российской Федерации.

В частности, был представлен механизм взаимодействия органов предварительного следствия Саратовской области с органами прокуратуры при оказании правовой помощи социально незащищенным слоям населения (в первую очередь пенсионерам) по возмещению им ущерба от хищений, совершенных дистанционным способом, и взыскания неосновательного обогащения с дропперов. Данный механизм включает в себя:

1. Закрепление сотрудников аппарата управления, отвечающих за взаимодействие и оперативный обмен информацией со службами безопасности банков (ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», АО «АЛЬФА-БАНК», ПАО «Совкомбанк», ПАО Банк «Финансовая корпорация Открытие», ПАО «МТС-Банк», АО «Почта Банк», АО «Газпромбанк», АО «Банк Русский Стандарт», АО «Россельхозбанк»).

2. Если сообщение о хищении денежных средств с банковского счета или электронного средства платежа поступило в будний день в рабочее время, следователь, входящий в состав следственно-оперативной группы:

- получает сведения о счете;
- сообщает сотруднику, осуществляющему обмен информацией со службами безопасности банков, информацию о реквизитах счетов, карт, точном времени перевода, сумме перевода и иных известных идентификаторах перевода похищенных денежных средств;
- информирует дежурного судью и сотрудника прокуратуры о необходимости оперативного рассмотрения ходатайства о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на банковском счете;
- готовит материалы и ходатайства в суд;
- оперативно предоставляет копии постановления суда сотруднику, осуществляющему обмен информацией со службами безопасности банков.

Сотрудник, осуществляющий обмен информацией со службами безопасности банков:

- незамедлительно получает сведения об остатке денежных средств на счете (электронном средстве платежа), если указанную информацию невозможно получить через электронный документооборот;
- инициирует приостановления банковских операций по счету дропа (получателя похищенных денежных средств) до получения банком оригинала постановления суда;
- направляет сотрудникам служб безопасности банков копии постановлений судов об аресте денежных средств, а также осуществляет контроль за своевременным предоставлением оригиналов документов судов в банки.

3. В случае если со счета дропа преступники успели обналичить (или перевести на иные

счета) похищенные денежные средства, следователь, входящий в состав следственно-оперативной группы:

- самостоятельно либо во взаимодействии с оперативным сотрудником посредством использования информационно-поискового сервиса «Следопыт-М» получает сведения Федеральной налоговой службы Российской Федерации обо всех банковских счетах, зарегистрированных на получателя похищенных у потерпевшего денежных средств;

- подготавливает материалы и ходатайство в суд о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на счете дропа либо поступившие после вынесения судом постановления на указанный счет, в пределах суммы хищения.

4. Следователь оказывает потерпевшему, относящемуся к социально незащищенным слоям населения, помощь в написании на имя надзирающего прокурора заявления об оказании юридических услуг в рамках правовой помощи, которое направляет в прокуратуру со следующими надлежащим образом заверенными копиями процессуальных документов:

- постановления о возбуждении уголовного дела;
- постановления о признании физического лица потерпевшим;
- протокола допроса потерпевшего;
- копии документа, подтверждающего, что потерпевший относится к категории социально незащищенных слоев населения;
- протокола разъяснения потерпевшему прав, предусмотренных ст. 44 УПК РФ;
- постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на счете дропа;
- постановления суда об аресте денежных средств на счете получателя денежных средств (дропа).

5. Надзирающим прокурором направляется исковое заявление и пакет документов в суд по месту открытия счета получателя денежных средств (дропа) для вынесения в рамках гражданского судопроизводства заочного решения суда.

6. После вынесения решения суда судебным приставом возбуждается исполнительное производство, в рамках которого пристав накладывает арест на счет (переарестовывает в рамках исполнительного производства) и осуществляет исполнение решения суда.

Кроме того, с целью оказания потерпевшим правовой помощи в подаче гражданских исков о признании кредитных договоров недействительными существует положительная практика назначения психолого-психиатрических экспертиз. Они назначаются в процессе расследования мошеннических действий, в ходе которых потерпевшие – физические лица лично

обращались в банк с заявлением о заключении кредитных договоров, после чего обналичивали полученные по кредитному договору денежные средства и передавали их преступникам.

По указанной категории уголовных дел, даже если установлен факт беседы сотрудника банка с потерпевшим с разъяснением ему правовых последствий сделки, с выяснением причин, по которым физическое лицо желает заключить кредитный договор, и, несмотря на принятые меры, физическое лицо заключает кредитный договор с банком, после чего обращается в полицию с сообщением о преступлении, психолого-психиатрическая экспертиза позволяет установить индивидуально-психологические особенности потерпевшего, оказавшие существенное влияние на смысловое восприятие и оценку существа сделки, что привело к формированию у него заблуждения относительно существа или природы совершенной им сделки. Также экспертиза устанавливает факт нахождения потерпевшего в таком эмоциональном состоянии, которое могло оказать существенное влияние на смысловое восприятие и оценку существа сделки и которое привело к формированию у него заблуждения относительно существа или природы сделки.

Список литературы:

1. *Безлепкин Б. Т.* Возмещение вреда, причиненного гражданину в уголовном судопроизводстве: теоретические основы правового института : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981. 203 с.
2. В Академии управления МВД России состоялся IX Всероссийский онлайн-семинар «Возмещение ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом» // Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://xn--80a.xn--b1aew.xn--plai/Universitet/Novosti/item/63026360/> (дата обращения: 01.07.2025).
3. *Гаврилин Ю. В.* О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : научно-практическое пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021. 72 с.
4. *Граф Р. В.* Конституционное право на возмещение государством вреда: нормативное содержание и механизм реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. 219 с.
5. *Иванов Д. А.* Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 497 с.
6. *Кириллов А. С.* Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов, осу-

Щада комиссией экспертов заключения о том, что физическое лицо в момент заключения кредитного договора ввиду его индивидуально-психологических особенностей и эмоционального состояния не осознавало существа сделки по заключению кредитного договора, находилось в состоянии заблуждения, является основанием для отмены постановления о признании физического лица потерпевшим с вынесением постановления о признании потерпевшим банка, так как в подобных случаях действия виновного квалифицируются по факту мошенничества с использованием для получения кредита иного лица, не осведомленного о преступных намерениях¹⁷.

Таким образом, органы расследования преступлений нарабатывают положительный опыт, призванный вывести на новый уровень работу по возмещению ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом.

¹⁷ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 : в ред. от 15 декабря 2022 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2025).

References:

1. *Bezlepkin B. T.* Vozmeshchenie vreda, prichinennogo grazhdaninu v ugovolnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy pravovogo instituta : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1981. 203 s.
2. V Akademii upravleniya MVD Rossii sostoyalsya IX Vserossijskij onlajn-seminar «Vozmeshchenie ushcherba, prichinennogo hishcheniyami, sovershennymi distancionnym sposobom» // Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii : ofic. sajт. URL: <https://xn--80a.xn--b1aew.xn--plai/Universitet/Novosti/item/63026360/> (data obrashcheniya: 01.07.2025).
3. *Gavrilin Yu. V.* O nauchnyh podhodah k probleme ispol'zovaniya informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij v prestupnyh celyah : nauchno-prakticheskoe posobie. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. 72 s.
4. *Graf R. V.* Konstitucionnoe pravo na vozmeshchenie gosudarstvom vreda: normativnoe sodержanie i mekhanizm realizacii : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2022. 219 s.
5. *Ivanov D. A.* Dosudebnyj poryadok vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: teoreticheskie i pravovye osnovy, problemy pravoprimereniya : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2018. 497 s.
6. *Kirillov A. S.* Vozmeshchenie vreda, prichinennogo nezakonnymi dejstviyami

- шествяющих уголовное судопроизводство в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 166 с.
7. *Клещина Е. Н.* Криминологическое учение о жертве преступления и проблемы его реализации в законодательстве и деятельности органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 446 с.
 8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> (дата обращения: 01.07.2025).
 9. *Курилов С. И.* Актуальные вопросы подразделений дознания и следствия МВД России по повышению эффективности возмещения ущерба потерпевшим // Академическая мысль. 2023. № 3 (24). С. 68–75.
 10. *Мартыненко Н. Э.* Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 508 с.
 11. Организация противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. Ю. В. Гаврилина. М. : Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. С. 241–246.
 12. Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 01.07.2025).
 13. *Сенин Н. Н.* Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. 221 с.
 14. *Синенко С. А.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.
 15. *Туров С. Ю.* Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция (теоретико-методологический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 214 с.
 16. *Царенов Ж. В.* Обеспечение органами предварительного расследования возмещения вреда, причиненного преступлениями : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 196 с.
 - organov, osushchestvlyayushchih ugolovnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. 166 s.
 7. *Kleshchina E. N.* Kriminologicheskoe uchenie o zhertve prestupleniya i problemy ego realizacii v zakonodatel'stve i deyatel'nosti organov vnutrennih del : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2010. 446 s.
 8. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' – dekabr' 2024 goda // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii : ofic. sajt. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328> (data obrashcheniya: 01.07.2025).
 9. *Kurilov S. I.* Aktual'nye voprosy podrazdelenij doznaniya i sledstviya MVD Rossii po povysheniyu effektivnosti vozmeshcheniya usherba poterpevshim // Academic Thought. 2023. № 3 (24). S. 68–75.
 10. *Martynenko N. E.* Ugolovno-pravovaya ohrana poterpevshego : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2015. 508 s.
 11. Organizaciya protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij : uchebnik : v 2 ch. / pod obshch. red. Yu. V. Gavrilina. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2024. Ch. 1. S. 241–246.
 12. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD // Prezident Rossii : ofic. sajt. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (data obrashcheniya: 01.07.2025).
 13. *Senin N. N.* Vozmeshchenie vreda, prichinennogo prestupleniem, v ugolovnom processe : dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2004. 221 s.
 14. *Sinenko S. A.* Obespechenie prav i zakonnyh interesov poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy : dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2014. 418 s.
 15. *Turov S. Yu.* Vozmeshchenie prichinennogo prestupleniem vreda kak ugolovno-processual'naya funkciya (teoretiko-metodologicheskij analiz) : dis. ... kand. jurid. nauk. Chelyabinsk, 2013. 214 s.
 16. *Carenov Zh. V.* Obespechenie organami predvaritel'nogo rassledovaniya vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniyami : dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2021. 196 s.

Для цитирования:

Гаврилин Юрий Викторович, Курилов Сергей Иванович. Возмещение ущерба, причиненного хищениями, совершенными дистанционным способом // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 123–133.

For citation:

Gavrilin Yuri Viktorovich, Kurilov Sergey Ivanovich. Compensation for Damage Caused by Theft Committed Remotely // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 123–133.

Грибунов Олег Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
ректор Байкальского государственного
университета,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. Ленина, д. 11
E-mail: gribunov@mail.ru

Oleg Pavlovich Gribunov,
Doctor of Law, Professor,
Rector of Baikal State
University,
Russian Federation, 664003, Irkutsk,
Lenin St., 11
E-mail: gribunov@mail.ru

Берестенников Алексей Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении гражданских
и арбитражных дел,
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
Российская Федерация, 664035, г. Иркутск,
ул. Шевцова, д. 1
E-mail: alex-blitz@yandex.ru

Alexey Gennadievich Berestennikov,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Prosecutorial Supervision and the Participation
of the Prosecutor
in the Consideration of Civil and Arbitration Cases,
Irkutsk Law Institute (Branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Russian Federation, 664035, Irkutsk,
Shevtsova St., 1
E-mail: alex-blitz@yandex.ru

Агафонов Артем Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в рассмотрении гражданских
и арбитражных дел,
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
Российская Федерация, 664035, г. Иркутск,
ул. Шевцова, д. 1
E-mail: agafonov_1990@mail.ru

Artem Sergeevich Agafonov,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of Prosecutorial Supervision and the Participation
of the Prosecutor
in the Consideration of Civil and Arbitration Cases,
Irkutsk Law Institute (Branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Russian Federation, 664035, Irkutsk,
Shevtsova St., 1
E-mail: agafonov_1990@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-134-144

Дата поступления статьи: 4 февраля 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

О некоторых вопросах рассмотрения прокурором жалоб в порядке статьи 124 УПК РФ

On Some Issues of the Prosecutor's Consideration of Complaints in Accordance with Article 124 of the Code of Criminal Procedure

Аннотация

Актуальность: в настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с применением статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ав-

Abstract

Relevance: this article discusses topical issues related to the application of article 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Through the prism of the analysis

торами через призму анализа отраслевого законодательства, положений организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ и судебной практики обсуждаются отдельные проблемные вопросы, с которыми сталкивается правоприменитель. Одни из них вызваны недостатками в организации работы, другие корреспондируются противоречиями в существующем правовом механизме разрешения жалоб в уголовном судопроизводстве. С учетом этих особенностей авторами описывается предмет жалобы в порядке статьи 124 УПК РФ и предлагаются средства, направленные на усовершенствование процедуры обжалования действий (бездействия) и процессуальных решений следователя, дознавателя по уголовному делу.

Постановка проблемы: несмотря на формальную определенность содержания ст. 124 УПК РФ, анализ практики рассмотрения прокурором жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования позволяет выявить ряд проблем, связанных как с несовершенством нормативной регламентации процедуры рассмотрения жалоб, так и с противоречиями между положениями уголовно-процессуального закона и иных нормативных правовых актов. В правоприменительной практике возникают вопросы о предмете жалобы, правомочиях заявителя и его представителя, процедуре исчисления сроков и порядке принятия решений, что требует системного научного осмысления и разработки подходов к совершенствованию механизма рассмотрения жалоб в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ.

Цель исследования: предложить комплекс рекомендаций по совершенствованию правового механизма рассмотрения прокурором жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ.

Методы исследования: в работе использован формально-юридический метод (анализ текстов статей УПК РФ, федеральных законов); применен сравнительно-правовой анализ процедур рассмотрения жалоб по УПК РФ, включая сопоставление с общим порядком рассмотрения обращений граждан и процедурами рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ; для анализа взаимосвязи норм о жалобах в уголовном процессе использован системный подход, а при уточнении понятий («жалоба», «ходатайство», «заявление») и выявлении внутренних противоречий применен логический метод. С использованием эмпирических методов (анализ статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации) оценивалась нагрузка на прокуроров. Изучение судебной практики позволило, в частности, учесть позицию Верховного

of industry legislation, the provisions of organizational and administrative documents of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and judicial practice, the authors discuss certain problematic issues faced by law enforcement officers. Some of them are caused by shortcomings in the organization of work, others correspond to contradictions in the existing legal mechanism for resolving complaints in criminal proceedings. Taking into account these features, the authors describe the subject of the complaint in accordance with Article 124 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and propose means aimed at improving the procedure for appealing actions (inaction) and procedural decisions of the investigator, inquirer in a criminal case.

Problem statement: despite the formal certainty of the content of Article 124 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, an analysis of the prosecutor's practice of reviewing complaints about actions (inaction) and decisions of officials of the preliminary investigation bodies reveals a number of problems related to both imperfect regulatory regulations of the complaints procedure and contradictions between the provisions of the criminal procedure law and other regulatory legal acts. In law enforcement practice, questions arise about the subject of the complaint, the powers of the applicant and his representative, the procedure for calculating deadlines and the decision-making procedure, which requires a systematic scientific understanding and the development of approaches to improving the complaints mechanism in accordance with the procedure established by art. 124 of the CPC RF.

The purpose of the study is to propose a set of recommendations for improving the legal mechanism for the consideration of complaints by the prosecutor in accordance with art. 124 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Research methods: the paper uses the formal legal method (analysis of the texts of articles of the Code of Criminal Procedure, federal laws); comparative legal analysis of the procedures for reviewing complaints under the Code of Criminal Procedure, including comparison with the general procedure for reviewing citizens' appeals and procedures for reviewing complaints in accordance with art. 125 of the Code of Criminal Procedure; to analyze the relationship of norms on complaints in criminal proceedings A systematic approach was used in the process, and a logical method was used to clarify the concepts ("complaint", "petition", "statement") and identify internal contradictions. Using empirical methods (analysis of statistical data from the General Prosecutor's Office of the Russian Federation), the burden on prosecutors was assessed. The study of judicial practice

Суда Российской Федерации по исследуемой авторами проблеме.

Результаты и ключевые выводы: в ходе исследования установлено, что применение ст. 124 УПК РФ сопровождается определенными трудностями, обусловленными, в частности, неясностью в понимании предмета жалобы, отсутствием единых правил исчисления сроков, неопределенностью круга заявителей и противоречивостью полномочий прокурора в части механизмов реагирования на поступающие жалобы. Выявлены коллизии между нормами ч. 21 ст. 124 УПК РФ и положениями ст. 37–39 УПК РФ, затрудняющие исполнение прокурором требований об ускорении расследования. На практике также возникают сложности с правильной идентификацией обращений (жалоба, ходатайство, сообщение о преступлении), что влияет на правомерность их рассмотрения.

Предложены конкретные меры по устранению нормативных и организационных недостатков, включающие в себя: законодательное уточнение момента начала течения срока рассмотрения жалобы; разграничение предметов обращения и унификация порядка их рассмотрения; нормативное закрепление расширенных полномочий прокурора в случаях удовлетворения жалоб на волокиту; трехступенчатую систему прокурорского контроля и предупреждения повторных отказов в удовлетворении жалобы одними и теми же должностными лицами.

В целом авторы приходят к выводу о необходимости системной модернизации процедуры рассмотрения жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ, что позволит укрепить законность и повысить уровень гарантированности прав участников уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное дело; жалоба; прокурор; следователь; дознаватель; процессуальные сроки; законодатель.

allowed, in particular, to take into account the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the problem studied by the authors.

Results and key conclusions: the study found that the application of Article 124 of the Code of Criminal Procedure is accompanied by certain difficulties due, in particular, to the lack of clarity in understanding the subject of the complaint, the lack of uniform rules for calculating deadlines, the uncertainty of the circle of applicants and the contradictory powers of the prosecutor in terms of mechanisms for responding to incoming complaints. Conflicts have been identified between the norms of Part 21 of Article 124 of the Code of Criminal Procedure and the provisions of Articles 37-39 of the Code of Criminal Procedure, making it difficult for the prosecutor to comply with the requirements to speed up the investigation. In practice, difficulties also arise with the correct identification of appeals (complaint, petition, report of a crime), which affects the legality of their consideration.

Specific measures have been proposed to eliminate regulatory and organizational deficiencies, including: legislative clarification of the beginning of the complaint review period; differentiation of the subjects of appeal and unification of the procedure for their consideration; regulatory consolidation of the prosecutor's expanded powers in cases of complaints about red tape; a three-stage system of prosecutorial control and prevention of repeated refusals to satisfy complaints by the same officials faces.

In general, the authors conclude that it is necessary to systematically modernize the complaint procedure in accordance with Article 124 of the Code of Criminal Procedure, which will strengthen the rule of law and increase the level of guarantee of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal case; complaint; prosecutor; investigator; inquirer; procedural terms; legislator.

Уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации предусмотрен механизм восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства посредством подачи жалоб надзирающему прокурору. Данный механизм главным образом урегулирован ст. 123 (право обжалования) и 124 (порядок рассмотрения жалобы прокурором, руководителем следственного органа) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ).

В контексте применения вышеуказанных статей законодатель требует рассматривать гражданина не как объект государственной деятельности, а как равноправного субъекта, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов². От-

рации : Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рубцова Виктора Вячеславовича на нарушение его кон-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Феде-

сюда вытекает важность технико-юридического фактора: чем яснее и последовательнее государством регулируется та или иная процедура, тем эффективнее она работает.

Несмотря на то обстоятельство, что приведенные положения УПК РФ сформулированы предельно лаконично, при их применении на практике возникают отдельные затруднения, в том числе в вопросах соотношения процедуры обжалования и процессуального контроля [12, с. 16–17]. Одни из этих затруднений разрешаются посредством обращения к иным нормативным правовым актам (системно не связанным с УПК РФ), другие – должным образом не урегулированы и требуют корректировок правового поля.

Так, к примеру, Д. А. Сычев справедливо указывает, что законодателем до сих пор не выработан действенный механизм реализации такого надзорного инструмента прокурора как рассмотрение жалоб, в частности в виду того, что прокурор не полностью обеспечен надзорными полномочиями [11, с. 162]. Относительно мер прокурорского реагирования С. И. Рябконов отмечает, что «процессуальные средства, используемые прокурором по результатам рассмотрения жалобы в порядке статьи 124 УПК РФ, не всегда позволяют оперативно добиться должного результата» [10, с. 161]. Данными замечаниями охватывается множество критических суждений частного плана, высказанных по адресу рассматриваемый процедуры. Вполне солидаризируясь с ними, ниже попытаемся дополнить их практическими примерами, которые позволяют взглянуть на заявленные проблемы под другим углом.

Прежде чем перейти к анализу проблем, с которыми сталкивается правоприменитель, следует уделить внимание такому термину, как жалоба. Соглашаясь с позицией А. П. Рыжакова, отметим, что под жалобой в смысле, в котором она рассматривается в контексте УПК РФ, необходимо понимать обращение в государственный либо иной орган или к должностным лицам, в нашем случае к прокурору, по поводу нарушения прав и (или) охраняемых законом интересов конкретного субъекта уголовного процесса [9].

Как показывают статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации, жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования занимают значительное место среди обращений, которые разрешают проку-

ры. Так, в 2020 г. всего рассмотрены 342 934 жалобы, из которых удовлетворены 46 207; в 2021 г. – 339 076 и 64 751 соответственно, в 2023 г. рассмотрены 375 036 жалоб, из которых удовлетворены 124 637, и в 2024 г. рассмотрены 368 251 жалоба, из которых удовлетворены 123 361³. Изложенное позволяет отметить, что при незначительном росте абсолютного числа анализируемых жалоб значительно выросла за указанный период доля удовлетворенных: с 13 % до 33 % соответственно.

Представляется уместным начать анализ проблемных вопросов правоприменения с ситуаций, которые возникают при первоначальном рассмотрении обращения, формально сходного с жалобой.

Прежде всего, при поступлении такого обращения следует установить его предмет. Если он, как верно указывает Н. В. Горак, состоит в процессуальных действиях (бездействии) и решении следователя, дознавателя, затрагивающих права, свободы или законные интересы личности [1, с. 11], то такое обращение представляет собой жалобу в порядке ст. 124 УПК РФ, которая подлежит разрешению. В отсутствие подобных признаков включаются иные правовые механизмы. Представляется необходимым перечислить типичные из них.

Так, если заявитель указывает на нарушения закона, допущенные должностными лицами, которые осуществляют уголовное судопроизводство, то такое обращение при прочих равных условиях подлежит рассмотрению в порядке ст. 124 УПК РФ. Если же он сообщает о совершенном или готовящемся преступлении, то такое обращение подлежит направлению в правоохранительные органы по компетенции для проведения проверки в порядке, предусмотренном ст. 144–145 УПК РФ. В этом случае обращение фиксируется в Книге учета сообщений о преступлениях⁴, в отчете по форме ОЖ⁵ и в конечном итоге в отчете по форме № 2-Е⁶. Рассма-

³ Сведения приведены по данным отчета по форме ОЖ.

⁴ Согласно п. 1.2. приказа Генпрокуратуры России от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

⁵ Согласно абз. 11 приказа Генпрокуратуры России от 28 декабря 2023 г. № 912 «Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «О работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений» по форме ОЖ и Инструкции по его формированию» // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

⁶ Об утверждении и введении в действие формы федерального статистического наблюдения № 2-Е «Сведения о рассмотрении сообщений о преступлениях», а также Инструкции по составлению отчетности по форме федерального статистического наблюдения № 2-Е : приказ Генпрокуратуры России от 16 июня 2017 г. № 402 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

ституционных прав статьей 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 января 2007 г. № 135-О-О // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

тривать сообщение о преступлении в порядке ст. 124 УПК РФ недопустимо.

Что касается жалоб на действия (бездействие) и решения органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, то они выводятся за пределы уголовно-процессуальных отношений, поскольку порядок их обжалования урегулирован не УПК РФ, а ч. 3 и 4 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁷ и главой 3 раздела III Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁸. Исключения составляют ситуации, которые напрямую связаны с деятельностью по выполнению органом дознания поручений следователя, дознавателя. Соответственно, предмет жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ чуть уже, чем у жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку предмет последней включает в себя также решения и действия (бездействие) должностных лиц, которые непосредственно осуществляют оперативно-розыскную деятельность [6].

Суть еще одной проблемы состоит в том, что в соответствии со ст. 119 УПК РФ участники уголовного судопроизводства имеют право заявлять ходатайства, которые, в свою очередь, рассматриваются в порядке, предусмотренном ст. 120–122 УПК РФ. В этой связи необходимо различать ходатайство, ошибочно направленное прокурору, и жалобу в порядке ст. 124 УПК РФ, которая ему поступает. Ходатайство, которое не содержит сведений о допущенных нарушениях закона, а равно о несогласии с ответом, данным руководителем органа предварительного расследования или органа дознания, подлежит направлению в соответствующий орган следствия и дознания по принадлежности, а жалоба, напротив, подлежит разрешению надзирающим прокурором. Исходя из этого, нарушением закона будет направление жалобы как ходатайства в тот орган и тому должностному лицу, действия (бездействие) и решения которого заявителем обжалуются. Если же поступившее в прокуратуру обращение содержит как доводы жалобы, так и просьбу, облеченную в форму ходатайства, то в первой части оно подлежит разрешению в порядке ст. 124 УПК РФ, во второй части – направлению по принадлежности следователю, дознавателю либо в суд в порядке ч. 2 ст. 119 УПК РФ.

Также возникает вопрос, как рассматривать обращения граждан на действия (бездей-

ствие) и решения органов предварительного расследования, органов дознания, если заявителем выступает близкий родственник лица, права которого, по мнению автора жалобы, нарушены? Авторам настоящей публикации представляется, что в уголовно-процессуальном законе не содержится положений, которые давали бы близким родственникам право на обжалование действия (бездействия) и решений следователя, дознавателя, органа дознания в соответствии со ст. 124 УПК РФ. Также следует учитывать, что в силу ч. 1 ст. 161 УПК РФ данные предварительного расследования не подлежат разглашению. По этой причине рассмотрение соответствующей жалобы по существу с изложением мотивов принятого решения, по всей видимости, недопустимо, поскольку это может повлечь за собой нарушение тайны результатов расследования. Представляется, что такой категории заявителей необходимо давать краткий ответ разъяснительного характера.

При рассмотрении жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ, поданной представителем заявителя по доверенности, следует обратить внимание на саму доверенность, а именно какое право она удостоверяет, кто ее выдал, когда и на какой срок. Так, серьезной ошибкой будет рассмотрение жалобы мнимого представителя, когда, к примеру, последний, получив право представлять интересы супруги, подает жалобу в интересах супруга.

И, наконец, если предмет обжалования вообще отсутствует, то заявителю следует разъяснить, что рассматривать различные доводы, отклоняя или удовлетворяя их, в силу требований п. 4.14 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генпрокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45⁹ (далее – Инструкция), не следует.

Если жалоба удовлетворяет формальным требованиям, предъявляемым к ее предмету, то далее необходимо определить порядок ее разрешения. На этом этапе возникает ряд затруднений.

Так, нарушением закона будет рассмотрение жалобы, поданной в порядке ст. 124 УПК РФ, в так называемом общем порядке, то есть в соответствии с требованиями Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹⁰ и указанной выше Инструкции.

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁸ О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁹ Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁰ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ :

Такая оценка обусловлена тем, что в УПК РФ предусмотрен специальный порядок рассмотрения обращений граждан, ключевое отличие которого от общего правила рассмотрения обращений – более короткие сроки, установленные уголовно-процессуальным законом для проверки доводов заявителя. Такой правовой механизм нужен для своевременного устранения нарушений закона, поэтому превышение этих сроков во всяком случае нарушает право заявителя.

Однако суды в ряде случаев не столь категорично оценивают эту ситуацию. Выработанный ими подход основывается на результатах практики рассмотрения административных исковых заявлений граждан, предметом которых является оспаривание «общего» порядка разрешения работниками прокуратуры подобных обращений.

Так, в соответствии с п. 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»¹¹ суд не осуществляет проверку целесообразности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти и государственных служащих, принимаемых, совершаемых ими в пределах своего усмотрения в соответствии с компетенцией, предоставленной законом или иным нормативным правовым актом. В подавляющем большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении административных исковых заявлений граждан, ссылаясь именно на данный пункт постановления¹².

Вместе с тем доводы заявителя могут быть приняты во внимание, если при рассмотрении его жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ и последующих обращений, связанных с несогласием с отказом в ее удовлетворении, были существенно нарушены требования законодательства. Например, когда поступившее обращение необоснованно направляется на рассмотрение в государственный орган или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которого обжалуется.

принят Гос. Думой 21 апреля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 26 апреля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.04.2024).

¹¹ О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹² См., например, Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 марта 2022 г. № 88а-7571/2022; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 января 2023 г. № 88А-1144/2023 и др. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

Подобная ситуация отражена в апелляционном определении Ивановского областного суда от 18 февраля 2021 г. по делу № 33а-417/2021, которым констатировано, что поскольку прокурором Ивановской области были оценены действия должностных лиц прокуратуры Ивановской области, то оснований для направления Генеральной прокуратурой Российской Федерации жалобы заявителя, включающей в том числе доводы об оспаривании действий прокурора Ивановской области, для рассмотрения в прокуратуру Ивановской области не имелось. В связи с этим решение суда первой инстанции об удовлетворении административного искового заявления оставлено без изменения, а доводы апелляционной жалобы Генеральной прокуратуры Российской Федерации – без удовлетворения¹³.

В числе проблемных вопросов рассмотрения прокурором жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ – сроки их разрешения. В ч. 1 ст. 124 УПК РФ указано, что прокурор рассматривает жалобу в течение трех суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток.

Исследователями-процессуалистами по изучению приведенной нормы отмечается, что термин «получение» в процессуальном плане неоднозначный и что «переход от подачи к принятию и получению жалобы законодателем до конца не урегулирован» [8, с. 148]. В свою очередь, И. А. Тутикова и вовсе предлагает увеличить сроки рассмотрения жалобы прокурором: до 7 суток, а в исключительных случаях – до 14 суток [13, с. 12], что может быть обосновано большой загруженностью прокурорских работников и необходимостью всестороннего рассмотрения всех доводов заявителя. Данное предложение заслуживает внимания при условии соблюдения разумного баланса между временем рассмотрения жалобы и разумным сроком уголовного судопроизводства – искусственно затягивать разбирательство по делу во всяком случае недопустимо [15, с. 59].

Несмотря на однозначность редакции ч. 1 ст. 124 УПК РФ в части рассмотрения сроков разрешения прокурором жалобы, на практике возникают трудности в ее применении, вызванные разными подходами к интерпретации ее содержания. Эту проблему вполне обстоятельно описывает А. М. Ибрагимова [2].

Так, прежде всего, возникает вопрос: как исчислять сроки? Включать ли день регистрации

¹³ Апелляционное определение Ивановского областного суда от 18 февраля 2021 г. по делу № 33а-417/2021 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

жалобы в общий срок ее рассмотрения, равный трем и десяти суткам соответственно? Этот вопрос отнюдь не праздный, поскольку жалоба может поступить в прокуратуру в начале рабочего дня, а может — в конце рабочего дня и даже позже, если заявитель использовал электронный канал коммуникации. В первом случае у исполнителя на разрешение будет на сутки больше, во втором случае — на сутки меньше.

Сразу нужно сказать, что в УПК РФ ответа на данный вопрос не содержится. К этой ситуации применяется общая норма, содержащаяся в ч. 1 и 2 ст. 128 УПК РФ: сроки, предусмотренные УПК РФ, исчисляются часами, сутками, месяцами; срок, исчисляемый сутками, истекает в 24 часа последних суток. При очевидности момента истечения последних суток непонятным остается начало течения первых суток. Усложняет общую картину наличие в УПК РФ специальных положений, которые задают особый порядок исчисления процессуальных сроков для некоторых частных ситуаций: например, ч. 3 ст. 128 УПК РФ, согласно которой если подозреваемый был задержан, а впоследствии заключен под стражу, то срок его содержания под стражей исчисляется с момента фактического задержания. Про сроки рассмотрения жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ в законе ничего не говорится.

В большинстве случаев работники прокуратуры исчисляют сроки рассмотрения жалобы, пользуясь аналогией закона, а именно так, как это делают следователи и дознаватели при подсчете времени предварительного следствия и дознания. Например, в силу требований ст. 162 УПК РФ если уголовное дело возбуждено первого числа определенного месяца, то второго числа этого же месяца срок предварительного следствия будет равен сутками, третьего — двум суткам, четвертого — трем суткам и т. д. Иными словами, такой подход предполагает, что день регистрации жалобы в органе прокуратуры в срок ее разрешения не входит, что, надо сказать, вполне объяснимо: никто на практике не заинтересован ставить себя в затруднительное положение и сокращать то время, которое отведено для дачи ответа. Такое понимание срока исчисления в сутках абсолютно логично, так как отрезок времени «сутки» не может быть менее 24 часов.

Казалось бы, данное затруднение должно было бы разрешиться судом. Дело в том, что правовой механизм ст. 124 УПК РФ органично связан с аналогом, регламентированным в ст. 125 УПК РФ. Правомерно предположить, что заявитель, занявший принципиальную позицию, по получении не удовлетворившего ответа прокурора обжаловал его в порядке ст. 125 УПК РФ и среди прочего указал, что ответ ему

был дан по истечении 3- или 10-суточного срока, установленного УПК РФ (при условии понимания заявителем, что день регистрации жалобы входит в срок ее рассмотрения).

Вместе с тем анализ судебных решений показывает, что практикоформирующих постановлений суда об удовлетворении подобных доводов заявителей до настоящего момента не принималось. Этот факт объясняется тем, что предметом жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ является правовая ситуация, затрудняющая доступ к правосудию, а равно причиняющая ущерб конституционным правам участников уголовного судопроизводства. Отсюда следует, что ответ, данный прокурором, по мнению заявителя, не на третий или десятый, а на четвертый или одиннадцатый день никак не затрудняет его доступ к правосудию и не нарушает его конституционного права. Таким образом, трудность, описанная несколькими абзацами выше, является настолько незначительной для процедуры, предусмотренной ст. 125 УПК РФ, что соответствующие доводы заявителей не удовлетворяются.

Тем не менее в последнее время наметилась тенденция к унификации подхода к исчислению процессуальных сроков. «Помощь» подоспела, откуда не ждали: дело в том, что теперь в органах прокуратуры широко используются разные программно-аппаратные комплексы. Для целей регистрации и учета поступивших обращений внедрена система Web-надзор. С точки зрения сроков рассмотрения обращений она не отделяет жалобы, рассматриваемые в порядке ст. 124 УПК РФ, от жалоб в «общем» порядке, и включает день регистрации жалобы в срок ее рассмотрения и разрешения. Будет ли распространена эта практика на работу органов прокуратуры и оценку ее эффективности — пока не ясно.

Далее авторы обращаются к проблемам особенностей делопроизводства, однако ввиду отсутствия в них дискуссионного потенциала, представляется возможным ограничиться кратким обзором данной проблемы.

На общий срок рассмотрения жалобы влияет время ее регистрации в органе прокуратуры. Так, в силу п. 2.3.3 приказа Генпрокуратуры России от 29 декабря 2011 г. № 450¹⁴ обращения и прочие документы, полученные работниками прокуратуры на личном приеме, при выезде в другие органы прокуратуры, учреждения и организации, доставленные нарочным, а также поступившие по различным каналам свя-

¹⁴ О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации : приказ Генпрокуратуры России от 29 декабря 2011 г. № 450 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

зи к информационным системам общего пользования, передаются в делопроизводственную службу не позднее следующего дня с отметкой о дате и месте получения документа. Даже если исполнителем будет соблюден 3- или 10-суточный срок рассмотрения жалобы, право заявителя будет нарушено, если обращение будет зарегистрировано не на следующий день с момента поступления, а позже.

При рассмотрении жалобы в срок свыше десяти суток исполнителем готовится извещение о продлении, постановление на продление и ответ заявителю.

По смыслу ч. 1 ст. 124 УПК РФ извещение заявителю о продлении срока рассмотрения его жалобы следует направлять по истечении трех, а не десяти суток, в противном случае заявитель не будет информирован о причинах задержки, по которым ему незамедлительно не поступил ответ. Если по результатам рассмотрения жалобы постановление в нарушение ч. 2 ст. 124 УПК РФ не выносится, то это является существенным нарушением закона, на которое как на бездействие прокурора заявитель может подать жалобу в суд в порядке ст. 125 УПК РФ¹⁵.

Возникает и еще один вопрос о том, кто должен подписывать ответ по жалобе? И здесь допускается немало нарушений закона.

Так, согласно п. 6.5 указанной выше Инструкции в прокуратурах городов, районов, других территориальных, приравненных к ним военных прокуратурах, иных специализированных прокуратурах решение об отказе в удовлетворении обращения принимает и дает ответы заявителям прокурор или лицо, его замещающее. После принятия решения руководителем данной прокуратуры повторные обращения подлежат направлению для рассмотрения в вышестоящую прокуратуру. Приведенное правило содержит одно изъятие. Если системно истолковать положения ч. 5 ст. 37 УПК РФ и п. 10 приказа Генпрокуратуры России от 24 августа 2021 г. № 487¹⁶, то возможен вывод, что полномочия прокурора по рассмотрению жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоя-

щими прокурорами. Из этого следует, что ответ об отказе в удовлетворении жалобы может подписать сначала заместитель прокурора, затем прокурор и уже затем руководитель структурного подразделения вышестоящей прокуратуры.

Таким образом, нормами УПК РФ и организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации предусмотрена трехступенчатая процедура обжалования ответа об отказе в удовлетворении первоначальной жалобы, если он дан курирующим заместителем горрайпрокурора. Отсюда следует, что нарушением данного порядка будет ситуация, когда должностные лица одного и того же уровня неоднократно дают ответы об отказе в удовлетворении жалоб, содержащих тождественные доводы (когда, например, это делают заместители, курирующие разные направления прокурорского надзора).

Также следует учесть, что полномочия прокурора по рассмотрению жалоб анализируемой категории ограничены досудебной стадией производства по уголовному делу. В данном случае следует исходить из того, что правовой механизм ст. 124 УПК РФ применим лишь только к стадиям предварительного расследования, которые начинаются с момента получения сообщения о преступлении и завершаются направлением прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения по существу (ст. 5 УПК РФ). Соответственно, ошибкой будет рассмотрение жалобы по существу после направления уголовного дела в суд, поскольку таким образом прокурор может предпринять позицию суда по уголовному делу.

Трудности возникают при анализе содержания жалобы, а также при принятии мер прокурорского реагирования.

Так, если жалоба содержит в себе доводы разного характера (как подпадающие под предмет рассмотрения жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ, так и выходящие за его пределы, касаясь гражданского, административного права и иных отраслей), то она рассматривается «расщеплено»: сначала заявителю дается ответ в порядке ст. 124 УПК РФ, а затем в соответствии с требованиями Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и соответствующей Инструкции заявителю дается ответ по другим вопросам.

Если по результатам удовлетворения жалобы прокурор принимает меры реагирования, то в силу требований п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, а также п. 1.17 приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544¹⁷ и ряда взаимосвя-

¹⁵ См., например: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 декабря 2022 г. № 88а-25656/2022 по делу № 2а-1337/2022; Апелляционное определение Московского областного суда от 30 марта 2022 г. по делу № 33а-9290/2022 и др. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁶ О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора : приказ Генпрокуратуры России от 24 августа 2021 г. № 487 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁷ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного след-

занных друг с другом пунктов приказов Генпрокуратуры России от 23 октября 2023 г. № 730¹⁸ и от 19 января 2022 г. № 11¹⁹ он обязан контролировать ход их рассмотрения. Одного факта принятия таких мер недостаточно, так как прокурору необходимо добиться реального устранения выявленных нарушений закона. Также в силу п. 6.2 указанной Инструкции заявитель извещается о результатах рассмотрения внесенных актов прокурорского реагирования в течение 7 дней с момента поступления сведений в прокуратуру.

В контексте данного требования авторы публикации обращают внимание на содержание ч. 21 ст. 124 УПК РФ, в соответствии с которой в случае удовлетворения жалобы, содержащей доводы о нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства, в постановлении прокурором должны быть указаны процессуальные действия, осуществляемые для ускорения рассмотрения дела, и сроки их осуществления. Вместе с тем при применении данной нормы возникает ряд проблем, обусловленных в основном внутренними противоречиями уголовно-процессуального закона.

Так, в силу ч. 1 ст. 38 УПК РФ следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной законом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. При этом в силу п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. Вышестоящим должностным лицом по отношению к следователю является руководитель следственного органа, который согласно п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении. Прокурор, напротив, таки-

ми полномочиями не обладает. Правом давать письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий прокурор наделен только в отношении дознавателя (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В этом и заключается суть рассматриваемой проблемы: как в постановлении об удовлетворении жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ с доводами о нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства прокурор может дать указание следователю совершить те или иные процессуальные действия?

Тут нельзя не согласиться с А. Н. Фоменко: споры о правовом положении прокурора (в части увеличения его функций и правомочий) в уголовном процессе сохраняют свою актуальность [14, с. 300]. В данном случае взаимоисключающие правила, закрепленные в ч. 21 ст. 124 УПК РФ, с одной стороны, и в ст. 37, 38 и 39 УПК РФ, с другой стороны, фактически делают невозможным приведение прокурором в постановление об удовлетворении жалобы указаний, адресованных следователю (а не дознавателю, что, заметим, было бы вполне логично). Все это приводит к тому, что на практике к ч. 21 ст. 124 УПК РФ почти не обращаются [3, с. 49–54].

Представляется, что описанный правовой механизм нуждается в совершенствовании: либо положения ч. 21 ст. 124 УПК РФ следует дополнить полномочиями прокурора по даче указаний следственному органу с одновременным наделением следственного органа правом их обжалования; либо сузить сферу действия данной нормы, распространив ее только на орган дознания.

Первый подход видится нам более правильным и логичным — право на судопроизводство в разумный срок имеют все участники уголовного судопроизводства независимо от формы расследования, и прокурор в этом случае служит гарантом реализации этого права.

В завершение следует осветить проблемы, связанные с применением УПК РФ и иных нормативных правовых актов и возникающие по рассмотрению первоначальной жалобы в порядке ст. 124 УПК РФ.

Как известно, по результатам рассмотрения жалобы прокурор выносит «постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении» [5, с. 71]. Однако заявители не всегда согласны с ответом об отказе соответствующим должностным лицом горрайпрокуратуры в удовлетворении жалобы. В этой связи необходимо учитывать, что согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, приведенной в кассационном определении его Судебной коллегии по административным делам

ствия : приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁸ Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия : приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2023 г. № 730 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

¹⁹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генпрокуратуры России от 19 января 2022 г. № 11 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

от 21 октября 2020 г. № 81-КАД20-4-К8²⁰, жалоба вышестоящему прокурору на постановление прокурора о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении, как не связанная с вопросами осуществления уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, не подлежит рассмотрению в порядке ст. 124 УПК РФ, и тем самым она рассматривается в общем порядке.

Важно отметить соотношение жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ и в порядке ст. 125 УПК РФ – «связку», обеспечивающую транспарентность и доступность правосудия [7, с. 391]. В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» с учетом того, что жалоба на основании ст. 125 УПК РФ может быть подана в суд, а также одновременно на основании ст. 124 УПК РФ – прокурору или руководителю следственного органа, рекомендовать судьям выяснять, не воспользовался ли заявитель правом, предусмотренным ст. 124 УПК РФ, и не имеется ли решения об удовлетворении такой жалобы. Соответственно, если доводы жалобы были удов-

летворены, производство по жалобе, поступившей в суд, прекращается.

Подводя итог изложенному, следует констатировать, что вышеописанные трудности, возникающие при рассмотрении жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 124 УПК РФ, не единственные в своем роде. Те, что обозначены авторами публикации и приведены в настоящей статье направлены на продолжение научной дискуссии по исследуемой тематике. В ее рамках представляется возможным выработать подходы к урегулированию вопросов об исчислении срока при рассмотрении соответствующего обращения (включать в него сутки регистрации или не включать) и соотношении положений ч. 21 ст. 124 УПК РФ со ст. 37, 38, 39 УПК РФ, и тем самым создать механизм, существующий и сегодня, но реализация которого на практике затруднительна. Кроме того, видится необходимым акцентировать внимание правоприменителя и на предмете жалобы: он может включать в себя не только данные о нарушениях уголовно и уголовно-процессуального закона, но и доводы иного характера, связанные с реализацией других отраслей права. Тем самым очерченные правовые границы предмета обращения являются залогом вынесения правильного юрисдикционного решения по существу уголовно-процессуального спора [4], а значит и восстановления прав участников уголовного судопроизводства при условии, что таковые были нарушены.

²⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 октября 2020 г. № 81-КАД20-4-К8 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2024).

Список литературы:

1. Горак Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 31 с.
2. Ибрагимова А. М. К вопросу о необходимости системного толкования норм об исчислении сроков разрешения жалоб в уголовном процессе // Искусство правоведения. 2023. № 3 (7). С. 57–63.
3. Комахидзе Т. А. Для борьбы с волокитой на стадии досудебного производства прокурору нужны дополнительные полномочия // Проблемы деятельности прокурора при обеспечении законности : сборник материалов круглого стола факультета подготовки научных кадров Университета прокуратуры Российской Федерации / под ред. С. Н. Будая. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2023. 84 с.
4. Масленникова Л. Н. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 448 с.
5. Николок В. В. Признание прокурором, руководителем следственного органа пра-

References:

1. Gorak N. V. Obzhalovanie prokuroru dejstvij (bezdejstviya) i reshenij organov predvaritel'nogo rassledovaniya : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2017. 31 s.
2. Ibragimova A. M. K voprosu o neobhodimosti sistemnogo tolkovaniya norm ob ischislenii strokov razresheniya zhalob v ugovolnom processe // The Art of Law. 2023. № 3 (7). S. 57–63.
3. Komahidze T. A. Dlya bor'by s volokitoy na stadii dosudebnogo proizvodstva prokuroru nuzhny dopolnitel'nye polnomochiya // Problemy deyatel'nosti prokurora pri obespechenii zakonnosti : sbornik materialov kruglogo stola fakul'teta podgotovki nauchnyh kadrov Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii / pod red. S. N. Budaya. M. : Un-t prokuratury Ros. Federacii, 2023. 84 s.
4. Maslennikova L. N. Dokazyvanie i prinyatie reshenij v sostyazatel'nom ugovolnom sudoproizvodstve : monografiya / отв. ред. L. N. Maslennikova. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Norma : INFRA-M, 2023. 448 s.
5. Nikolyuk V. V. Priznanie prokurorom, rukovoditelem sledstvennogo organa prava lica na vozmeshchenie vreda v poryadke ch.

- ва лица на возмещение вреда в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 1 (15). С. 70–73.
6. *Николук В. В.* Судебные производства в сфере оперативно-разыскной деятельности // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 3–10.
 7. Перспективы совершенствования механизма судебной защиты в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики / И. В. Смолькова, Т. Ю. Вилкова, Р. В. Мазюк [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 387–395.
 8. *Рудакова С. В.* Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. 564 с.
 9. *Рыжаков А. П.* Предусмотренный ст. 124 УПК РФ порядок рассмотрения и разрешения жалоб // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.04.2024).
 10. *Рябоконеv С. И.* Ходатайства и жалобы в реализации принципов состязательности, обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2021. 236 с.
 11. *Сычев Д. А.* Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 318 с.
 12. *Тарабан Н. А.* К вопросу о реализации руководителем следственного органа процессуальных полномочий в рамках статьи 124 УПК РФ // Российский следователь. 2014. № 6. С. 16–19.
 13. *Тутикова И. А.* Внесудебный порядок рассмотрения жалоб участников уголовного судопроизводства (в порядке ст. 124 УПК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 32 с.
 14. *Фоменко А. Н.* К вопросу о роли и значении прокурора в российском уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 300–302.
 15. *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 53–59.
 - 3 ст. 133 УПК РФ // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2010. № 1 (15). S. 70–73.
 6. *Nikolyuk V. V.* Sudebnye proizvodstva v sfere operativno-razysknoj deyatelnosti // Russian Justice. 2023. № 7. S. 3–10.
 7. Perspektivy sovershenstvovaniya mekhanizma sudebnoj zashchity v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve: problemy teorii i praktiki / I. V. Smol'kova, T. Yu. Vilkova, R. V. Mazyuk [i dr.] // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12. № 3. S. 387–395.
 8. *Rudakova S. V.* Ugolovno-processual'noe obzhalovanie i ego sistema v otechestvennom dosudebnom proizvodstve : dis. ... d-ra jurid. nauk. Krasnodar, 2023. 564 s.
 9. *Ryzhakov A. P.* Predusmotrennyj st. 124 UPK RF poryadok rassmotreniya i razresheniya zhalob // SPS Konsul'tantPlyus : sajt. URL: <http://www.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 19.04.2024).
 10. *Ryabokonev S. I.* Hodatajstva i zhaloby v realizacii principov sostyazatel'nosti, obespecheniya podozrevaemomu, obvinyaemomu prava na zashchitu v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam : dis. ... kand. jurid. nauk. Surgut, 2021. 236 s.
 11. *Sychev D. A.* Soderzhanie i realizaciya prokurorom funkcij nadzora i ugovolnogo presledovaniya v dosudebnyh stadiyah ugovolnogo processa : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2016. 318 s.
 12. *Taraban N. A.* K voprosu o realizacii rukovoditelem sledstvennogo organa processual'nyh polnomochij v ramkah stat'i 124 UPK RF // Russian Investigator. 2014. № 6. S. 16–19.
 13. *Tutikova I. A.* Vnesudebnyj poryadok rassmotreniya zhalob uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva (v poryadke st. 124 UPK RF) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2016. 32 s.
 14. *Fomenko A. N.* K voprosu o roli i znachenii prokurora v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve // Gaps in Russian Legislation. 2011. № 2. S. 300–302.
 15. *Himicheva O. V., Sharov D. V.* Pravo na obzhalovanie v dosudebnom proizvodstve: svoboda i zloupotreblenie // The laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. № 3. S. 53–59.

Для цитирования:

Грибунов Олег Павлович, Берестенников Алексей Геннадьевич, Агафонов Артем Сергеевич. О некоторых вопросах рассмотрения прокурором жалоб в порядке статьи 124 УПК РФ // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 134–144.

For citation:

Gribunov Oleg Pavlovich, Berestennikov Alexey Gennadievich, Agafonov Artem Sergeevich. On Some Issues of the Prosecutor's Consideration of Complaints in Accordance with Article 124 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 134–144.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

Ульянов Александр Данилович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Aleksandr Danilovich Ul'yanov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Organization of the Activities of the Internal
Affairs Bodies of the Center for Command
and Staff Exercises,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Мейрхан Данияр Мейрханулы,
заместитель председателя Комитета
по противодействию наркопреступности,
МВД Республики Казахстан,
Республика Казахстан, 010000, г. Астана,
проспект Тауелсиздик, д. 1

E-mail: mdm100@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Daniyar Meirkhanuli Meirkhan,
Deputy Chairman of the Committee
on Combating Drug Crime,
Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan,
Republic of Kazakhstan, 010000, Astana,
Tauelsizdik Avenue, 1
E-mail: mdm100@mail.ru

Scientific Specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

УДК 35:34

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-145-153

Дата поступления статьи: 5 марта 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

**Проблемы и основные направления
совершенствования управления
в органах внутренних дел Республики Казахстан
по противодействию наркопреступности
на базе инновационных технологий**

**Problems and Main Directions Management Improvements
in the Internal Affairs Bodies of the Republic of Kazakhstan
on Countering Drug Crime based on Innovative Technologies**

Аннотация

Актуальность: в современном мире наркопреступность представляет собой одну из наиболее значительных угроз общественной и государственной безопасности. В условиях ограниченности кадровых, финансовых и материальных ресурсов органов внутренних дел Республики Казахстан при одновременном повышении организованности и технической оснащенности преступного мира необходимы поиск новых мер по совершенствованию оперативно-служебной деятельности в противодействии наркоугрозе, активное выявление и внедрение новых инновационных технологий управления в практику работы всех подразделений.

Постановка проблемы: в сфере инновационного обеспечения управления по противодействию наркопреступности в МВД Республики Казахстан имеется ряд проблем, требующих своего разрешения: в ведомственных нормативных актах отсутствует понятийный аппарат, включающий определение ключевых категорий, такой как «инновационные технологии управления» и других, что обеспечивает системность и точность научного анализа; не сформулированы приоритетные направления совершенствования управления в органах внутренних дел Республики Казахстан в борьбе с незаконным оборотом наркотиков на базе инновационных технологий, включая методы математического моделирования и прогнозирования социальных процессов, анализа больших массивов данных и технологий искусственного интеллекта.

Цель исследования: выявление основных направлений и возможностей совершенствования управления в органах внутренних дел Республики Казахстан по противодействию наркопреступности на базе инновационных технологий.

Методы исследования: сравнительный анализ, метод суммарных оценок, контент-анализ законодательства и нормативных актов Российской Федерации и Республики Казахстан.

Результаты и ключевые выводы:

1. Инновационные технологии с использованием цифровых трансформаций влекут за собой корректировку системы государственного управления, напрямую затрагивая и сферу правоохранительной деятельности, в частности борьбу с наркопреступностью, которая представляет собой одну из наиболее значимых угроз общественной и государственной безопасности. В научной литературе исследованию вопросов противодействия незаконному обороту наркотических средств уделяется значительное внимание. В то же время проблемы, связанные с использованием инновационных технологий управления, таких как цифровизация процессов управления, применение аналитических систем, искусственного интеллекта, средств мониторинга и контроля, остаются недо-

Abstract

Relevance: in the modern world, drug crime is one of the most significant threats to public and state security. In conditions of limited human, financial and material resources of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan, while increasing the organization and technical equipment of the criminal world, it is necessary to search for new measures to improve operational activities in countering the drug threat, actively identify and introduce new innovative management technologies into the practice of all departments.

Problem statement: there are a number of problems in the field of innovation support for the department for combating drug crime in the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan that need to be resolved: departmental regulations lack a conceptual framework that includes the definition of key categories such as “innovative management technologies” and others, which ensures the consistency and accuracy of scientific analysis; priority directions for improving management in the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan in the fight against drug trafficking based on innovative technologies, including methods of mathematical modeling and forecasting of social processes, analysis of large amounts of data and artificial intelligence technologies, have not been formulated.

The purpose of the study is to identify the main directions and opportunities for improving management in the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan to combat drug crime based on innovative technologies.

Research methods: comparative analysis, summary assessment method, content analysis of legislation and regulations of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Results and key conclusions:

1. Innovative technologies using digital transformations entail an adjustment of the public administration system, directly affecting the sphere of law enforcement, in particular the fight against drug crime, which is one of the most significant threats to public and state security. Considerable attention is paid in the scientific literature to the study of issues related to countering illicit drug trafficking. At the same time, the problems associated with the use of innovative management technologies, such as the digitalization of management processes, the use of analytical systems, artificial intelligence, monitoring and control tools, remain insufficiently studied and require the formulation of priorities.

2. The main directions of improving management in the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan to combat drug crime based on innovative technologies are: digital transformation of the Department of Internal Affairs management

статочны изученными и требующими формулировки приоритетных направлений.

2. Основными направлениями совершенствования управления в органах внутренних дел Республики Казахстан по противодействию наркопреступности на базе инновационных технологий являются: цифровая трансформация системы управления ОВД; интеграция и централизация управления межведомственными структурами; цифровизация процесса принятия управленческих решений; совершенствование управления персоналом органов внутренних дел (включая сотрудников, специалистов); повышение управляемости кибероперациями против наркотрафика.

Ключевые слова: наркопреступность; национальная безопасность; цифровая трансформация; инновации; управление; инновационные технологии; интеллектуальная система; искусственный интеллект; кибероперации.

system; integration and centralization of management of interdepartmental structures; digitalization of the management decision-making process; improvement of personnel management of internal affairs bodies (including employees, specialists); increasing the manageability of cyber operations against drug trafficking.

Keywords: drug crime; national security; digital transformation; innovation; management; innovative technologies; intelligent system; artificial intelligence; cyber operations.

Процессы технологической трансформации оказывают значительное влияние на все аспекты человеческой жизни, причем не только в экономике, но и в ранее не формализуемых областях, таких как государственное управление, образование, культура, правоохранительная деятельность, изменяя привычные подходы и методы работы. Вместе с позитивными изменениями возникают и новые вызовы. Широкое распространение цифровых технологий, компьютерных сетей, бурный рост информационной среды расширяют угрозы информационной безопасности, связанные с киберпреступностью, использованием инновационных технологий в преступной деятельности террористических и экстремистских формирований. Кроме того, возрастают возможности совершения традиционных видов преступных деяний, таких как незаконный оборот наркотикосодержащих веществ, который становится более сложным и организованным благодаря

использованию анонимных сетей и мессенджеров. Цифровая сфера является той площадкой, с помощью которой можно дистанционно заниматься незаконной деятельностью, бесконтактно совершать наркопреступления. Преступники могут легко находить клиентов и поставщиков, не выходя из дома, что в значительной степени усложняет работу правоохранительных органов [2, с. 127].

В современном мире незаконный оборот наркотических веществ и их прекурсоров представляет собой одну из наиболее значительных угроз общественной и государственной безопасности. Рассмотрим состояние зарегистрированных наркопреступлений в Казахстане за последние пять лет в динамике развития (таблица 1).

Обращает на себя внимание заметный рост числа зарегистрированных преступлений за последние два года. Имеются другие цифровые показатели, связанные с общим количеством изъятых наркотических средств (рисунок 1).

Таблица 1

Год	Зарегистрировано	рост/снижение (%)
2020	7 353	12
2021	6 850	– 6,8
2022	6 469	– 5,6
2023	7 027	8,6
2024	7 920	12,7

Изъято наркотических средств (в тоннах)

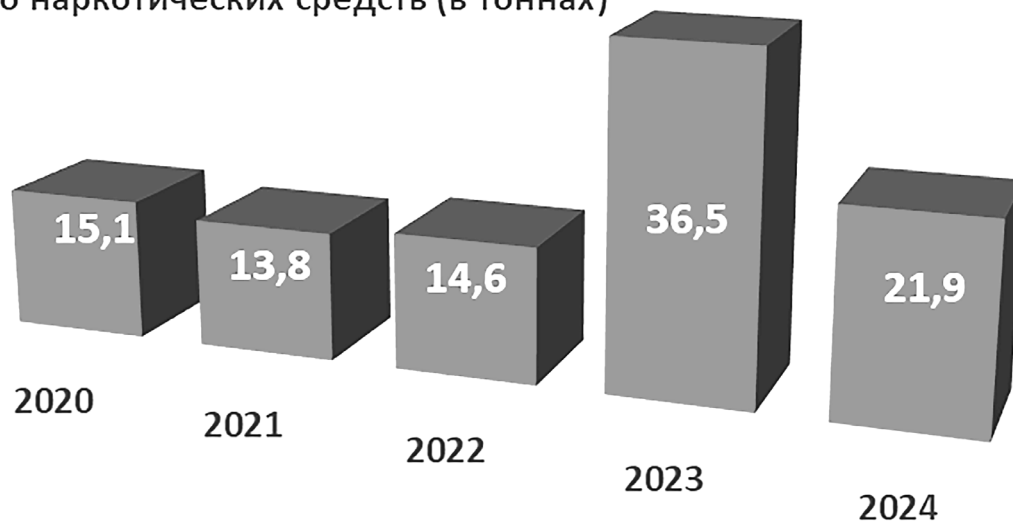


Рис. 1. Количество изъятых наркотических средств за 2020–2024 гг.

В условиях ограниченности кадровых, финансовых и материальных ресурсов органов внутренних дел Республики Казахстан при одновременном повышении организованности и технической оснащенности преступного мира появляется необходимость поиска новых мер по совершенствованию оперативно-служебной деятельности в противодействии наркоугрозе. Речь идет о возможностях использования всего спектра инновационных технологий в противодействии наркопреступности.

В настоящее время инновационные технологии с использованием цифровых трансформаций¹ стремительно ворвались во все сферы жизни общества и повлекли коренную перестройку системы управления его развитием. Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев в Послании народу Казахстана подчеркнул необходимость ускоренного развития цифровизации и инноваций для укрепления национальной безопасности, включая

¹ Под цифровой трансформацией понимается совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность в целях, определенных в п. 16 Положения о ведомственных программах цифровой трансформации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов» (вместе с «Положением о формировании и ведении реестра ИТ-расходов на создание, развитие, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию и вывод из эксплуатации ИТ-активов, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов», «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации»).

борьбу с транснациональными преступлениями². В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 г. установлено, что одной из целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы³.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на пленарном заседании Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению, касаясь сферы государственного управления, отмечал, что технологии генеративного искусственного интеллекта позволяют в полной мере перейти к управлению, на основе данных автоматизировать еще больше административных процедур. Максимально, просто вразы, ускорить процессы принятия решений, причем выверенных решений, основанных на больших данных, а значит, кардинально улучшить, изменить облик многих сфер⁴.

Не является исключением и сфера деятельности правоохранительных органов, поскольку в ней происходит пересмотр стратегических приоритетов развития; выдвижение и решение

² Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» от 1 сентября 2023 г. // Президент Республики Казахстан : офиц. сайт. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588> (дата обращения: 13.01.2025).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.01.2025).

⁴ Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Президент России : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/72811 (дата обращения: 03.01.2025).

качественно новых задач; внедрение в практику радикальных новшеств; коренные изменения процессов и технологий управления. Инновационная деятельность в органах внутренних дел представляет собой относительно самостоятельную область профессиональной деятельности, направленную на формирование и обеспечение достижения инновационных целей путем рационального использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Воздействуя на систему органов внутренних дел, инновации в управлении выступают непосредственной основой возникновения новых организационных структур и методов работы, постепенного отмирания одних и возникновения других.

Термин «инновация» уже давно вошел в научный оборот, но на практике еще широко не употребляется. Смысл, который в него вкладывается, пока не однозначен. Существует множество трактовок самого понятия «инновация», что в свою очередь не позволяет определить конкретные цели инновационной деятельности в правоохране, объективно проанализировать и оценить именно «инновационность» какого-либо нововведения. В Законе Республики Казахстан от 23 марта 2006 г. № 135-III ЗРК инновация — результат научно-технической деятельности, получивший реализацию в виде новой или усовершенствованной продукции (работы, услуги) или технологии, обладающей качественными преимуществами при использовании в практической деятельности по сравнению с применяемыми аналогами и имеющий экономическую и (или) общественную выгоду⁵.

В специальной литературе имеются различные трактовки определения смыслового содержания понятий «нововведение», «новшество», «новация» и «инновация» [3, с. 1–4; 8, с. 113–115; 7, с. 219–222]. В современном языке значение этих понятий схожи, и они интерпретируются как новое правило, новый метод или изобретение в области техники, технологии, работ или управления. В то же время, по мнению некоторых ученых, нововведение означает, что новшество используется, а с момента принятия к распространению новшество приобретает новое качество и становится инновацией.

Управленческие инновации являются необходимым условием внедрения любых новшеств. Инновационная деятельность в органах внутренних дел отражает качественное состояние процессов управления, которые обеспечивают эффективное решение правоохранительных задач, и включает в себя оптимизацию деятельности аппаратов управления, в том числе управленчес-

ких отношений [1, с. 160–164]. Под управленческой инновацией понимается качественное изменение содержания направлений деятельности (функций), организационных структур, методов, технологии и организации управления с целью достижения конечных результатов правоохранительной деятельности при наименьших ресурсных затратах путем коррекции элементов традиционной системы управления на основе использования современных информационных технологий [9, с. 80].

Инновационные технологии играют важнейшую роль в модернизации методов борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Современные аналитические системы, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта, позволяют эффективно выявлять цепочки поставок и преступные сети. Применение технологий машинного обучения поможет правоохранительным органам прогнозировать маршруты наркотрафика, основываясь на исторических данных. Кроме того, использование дронов, спутниковой навигации и других высокотехнологичных средств значительно повышает оперативные возможности силовых структур.

Эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков требует не только внедрения современных технологий, но и совершенствования организационно-правовых механизмов их применения. Комплексный подход, включающий анализ текущей ситуации, разработку инновационных решений и гармонизацию национального законодательства с международными стандартами, позволит значительно повысить эффективность борьбы с данным явлением в Казахстане. Таким образом, инновационные технологии являются одним из ключевых факторов в модернизации функционала в повышении эффективности деятельности, форм, методов противодействия незаконному обороту наркотических веществ и их прекурсоров в МВД Республики Казахстан.

Однако в сфере инновационного обеспечения управления по противодействию наркопреступности имеется ряд проблем, требующих своего разрешения: в ведомственных нормативных актах отсутствует понятийный аппарат, включающий определения ключевых категорий, таких как «инновационные технологии управления», «организационно-правовое регулирование в сфере противодействия незаконному обороту наркотических веществ» и другие, что позволит обеспечить системность и точность научного анализа; неурегулированность процесса внедрения и использования инновационных технологий, причиной которого является отсутствие концептуальных подходов к совершенствованию нормативно-правовой базы, регулирующей использование инноваци-

⁵ О государственной поддержке инновационной деятельности : Закон Республики Казахстан от 23 марта 2006 г. № 135-III ЗРК : в ред. от 5 июля 2011 г. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=11316 (дата обращения: 11.01.2025).

онных технологий управления, с учетом национальных и международных стандартов; субъекты научно-исследовательской деятельности слабо адаптируются к современным требованиям, не имеют достаточных кадровых и материально-технических ресурсов для проведения научных исследований на основе новых инновационных технологий, включая методы математического моделирования и прогнозирования социальных процессов, анализа больших массивов данных и технологий искусственного интеллекта. Данные проблемы носят системный характер и в значительной степени обусловлены в том числе снижением уровня управленческого контроля за качеством научных исследований, отсутствием действенных механизмов обеспечения обязательности внедрения результатов научно-исследовательских работ в практику.

В научной литературе исследованию вопросов противодействия незаконному обороту наркотических средств уделяется значительное внимание [4, с. 45–56; 6; 5]. В то же время аспекты, связанные с использованием инновационных технологий управления, таких как цифровизация процессов управления, применение аналитических систем, искусственного интеллекта, средств мониторинга и контроля, остаются недостаточно изученными. Современные исследования преимущественно сосредоточены на отдельных технологиях или их использовании в общем контексте деятельности правоохранительных органов, без комплексного подхода к их внедрению в борьбу с наркопреступностью и при недостаточной научной разработанности проблем использования инновационных технологий управления.

В Казахстане научные работы, посвященные противодействию незаконному обороту наркотиков, касаются в основном уголовно-правового регулирования, оперативно-розыскной деятельности и профилактики, однако интеграция инновационных технологий управления в данные процессы изучена весьма поверхностно. Кроме того, остаются малоисследованными вопросы разработки организационно-правовых механизмов, адаптированных к национальным особенностям, а также направления совершенствования нормативной базы для обеспечения эффективного использования инновационных технологий.

Анализ нормативной правовой базы дружественных государств, специальной литературы [7, с. 219–222; 8, с. 113–115; 9, с. 80] дает основания для формулирования основных направлений совершенствования управления в органах внутренних дел Республики Казахстан по противодействию наркопреступности на базе инновационных технологий. Они сводятся к следующему:

1. Цифровая трансформация системы управления ОВД в противодействии наркопреступности. Цифровизация процессов управления в органах внутренних дел Республики Казахстан является ключевым направлением в совершенствовании системы противодействия наркопреступности. Современные технологии позволяют автоматизировать процессы анализа данных, управления оперативными мероприятиями и координации взаимодействия между подразделениями, что значительно повышает эффективность работы правоохранительных органов.

Одним из основных аспектов цифровой трансформации является внедрение интеллектуальных систем управления, работающих на основе анализа больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта (AI). Такие системы позволяют автоматически собирать, обрабатывать и анализировать информацию о наркоситуации, выявлять закономерности в преступной деятельности и прогнозировать возможные угрозы. Использование машинного обучения помогает выявлять связи между различными элементами наркоиндустрии – от каналов поставки наркотиков до ключевых участников преступных схем. В результате сокращается время на принятие решений, а эффективность оперативных мероприятий возрастает.

Важным направлением является использование алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования преступности. На основе анализа данных о ранее совершенных преступлениях, поведении подозреваемых, финансовых транзакциях и других факторов искусственный интеллект сможет предсказывать возможные всплески преступной активности и рекомендовать соответствующие меры. Например, если система выявит рост интернет-продаж наркотиков в даркнете, она сможет автоматически инициировать оперативные мероприятия по мониторингу подозрительных аккаунтов, отслеживанию криптовалютных платежей и выявлению организаторов теневого бизнеса.

2. Интеграция и централизация управления межведомственными структурами в противодействии наркопреступности. Одной из ключевых проблем управления в сфере противодействия наркопреступности является разрозненность данных и слабая координация между различными государственными структурами. Для эффективного выявления, пресечения и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, необходимо создать централизованную систему управления, обеспечивающую оперативный обмен информацией и совместную работу всех заинтересованных ведомств.

Первым шагом в этом направлении должно стать создание Единого координационного центра по противодействию наркопреступности, который объединит базы данных и аналитические ресурсы МВД, прокуратуры, судебных органов, таможенной службы, финансовой разведки, министерства здравоохранения и других организаций. Такой центр позволит в режиме реального времени отслеживать наркоситуацию в стране, прогнозировать новые угрозы и обеспечивать оперативное взаимодействие между структурами. Он должен включать в себя не только аналитические инструменты, но и средства автоматизированного управления оперативными мероприятиями, позволяя координировать работу различных подразделений на национальном и региональном уровнях.

3. Цифровизация процесса принятия управленческих решений в противодействии наркопреступности. Одной из важных задач в сфере управления органами внутренних дел является оптимизация процесса принятия решений, особенно в условиях динамичной и быстро меняющейся наркоситуации. В традиционной системе управления многие решения принимаются вручную, что замедляет процесс реагирования, увеличивает вероятность субъективных ошибок и снижает эффективность работы правоохранительных органов. Цифровизация управленческих процессов позволяет автоматизировать анализ информации, минимизировать влияние человеческого фактора и повысить оперативность принятия решений.

Первым шагом в этом направлении является внедрение автоматизированных отчетных систем преимущественно оперативной информации, которые позволят избежать ручного сбора и обработки сведений, данных. В настоящее время составление отчетов и анализ статистики занимают значительное время у сотрудников правоохранительных органов, что замедляет процесс принятия решений. Автоматизированные системы позволят мгновенно формировать аналитические сводки, выявлять тенденции и прогнозировать возможные угрозы. Например, при резком росте числа задержаний за сбыт наркотиков в определенном районе система сможет автоматически предложить меры реагирования: увеличение количества патрульных нарядов, проведение оперативных мероприятий или ужесточение контроля за финансовыми операциями подозреваемых.

Одним из направлений является разработка цифровых дашбордов (панелей управления) для руководителей ОВД, которые обеспечат централизованный доступ к аналитическим данным о наркоситуации в стране, регионах и отдельных населенных пунктах. Эти дашборды будут собирать и визуализировать информацию

из различных источников, включая базы данных правоохранительных органов, таможенной службы, медицинских учреждений и финансовых организаций. Например, начальник ОВД сможет в режиме реального времени видеть динамику наркопреступлений, маршруты наркотрафика, уровень наркоугроз в конкретных районах, а также оценивать эффективность работы оперативных групп.

4. Совершенствование управления персоналом органов внутренних дел (включая сотрудников, специалистов) в сфере противодействия наркопреступности. Эффективность борьбы с наркопреступностью во многом зависит от профессионализма и компетентности сотрудников органов внутренних дел. Совершенствование кадровой политики и управления персоналом в ОВД Республики Казахстан требует внедрения современных цифровых технологий, автоматизированных систем управления человеческими ресурсами, прозрачных механизмов оценки эффективности и повышения квалификации сотрудников.

В традиционной системе оценка работы сотрудников ОВД часто носит субъективный характер, что может приводить к необъективным кадровым решениям. Внедрение цифровых инструментов для мониторинга деятельности сотрудников позволит более точно определять их вклад в борьбу с наркопреступностью. Например, система сможет анализировать количество раскрытых преступлений, скорость обработки дел, качество проведенных расследований и другие показатели, что позволит формировать объективную картину профессиональной деятельности каждого сотрудника.

Еще одной важной задачей является цифровизация процесса обучения и повышения квалификации сотрудников. Борьба с наркопреступностью требует от правоохранителей глубоких знаний в области криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, анализа данных, кибербезопасности и современных методов расследования. Внедрение онлайн-платформ для дистанционного обучения, виртуальных тренажеров и симуляторов позволит повысить уровень подготовки кадров без необходимости длительного отрыва от службы. Так, использование VR- и AR-технологий в обучении позволит моделировать реальные ситуации – от задержания наркоторговцев до расследования сложных финансовых схем наркокартелей.

Также необходимо развивать цифровые платформы для мотивации и карьерного роста сотрудников ОВД. В настоящее время карьерное продвижение в правоохранительных органах часто зависит от субъективных оценок руководства, что может приводить к несправедливым кадровым решениям. Внедрение прозрачной системы карьерного роста, основанной

на объективных показателях работы, поможет создать справедливую и мотивирующую среду для сотрудников. Например, система сможет учитывать количество раскрытых преступлений, уровень профессиональных знаний, участие в сложных оперативных мероприятиях и другие параметры, автоматически формируя рекомендации для продвижения по службе.

Для улучшения работы оперативных подразделений становится важным внедрение мобильных платформ для координации деятельности сотрудников в режиме реального времени. Например, цифровые системы смогут автоматически разрабатывать задачи, распределять ресурсы, передавать важные аналитические данные и координировать действия разных подразделений при проведении спецопераций. Это позволит повысить результативность и оперативность реагирования и снизить вероятность ошибок.

5. *Повышение управляемости кибероперациями против наркотрафика.* В современных условиях преступные сети, связанные с наркотрафиком, активно используют цифровые технологии, включая даркнет, криптовалюты, анонимные мессенджеры и зашифрованные каналы связи. Это делает традиционные методы правоохранительных органов менее эффективными и требует внедрения новых управленческих подходов к борьбе с наркопреступностью в цифровой среде. Для эффективного контроля за наркоугрозами в киберпространстве необходимо создать специализированную систему управления кибероперациями, основанную на современных аналитических технологиях, автоматизированных

системах мониторинга и взаимодействию различных государственных структур.

Одним из ключевых элементов данной системы должно стать создание Центра мониторинга даркнета и цифровых преступлений в сфере наркотрафика. Этот центр должен работать в режиме реального времени, собирая и анализируя информацию о нелегальной деятельности в Интернете, включая торговлю наркотиками через скрытые маркетплейсы, использование криптовалютных платежей и незаконные схемы распространения наркотических веществ. Центр должен быть оснащен искусственным интеллектом, который автоматически выявляет подозрительные активности в даркнете, анализирует транзакции и отслеживает связи между различными пользователями.

Таким образом, цифровая трансформация органов внутренних дел в сфере противодействия наркопреступности является одним из ключевых факторов повышения эффективности управления и координации подразделений. Внедрение современных технологий, таких как аналитические системы, искусственный интеллект, геоинформационные платформы и автоматизированные центры управления, позволит ускорить процессы принятия решений, минимизировать ошибки, повысить прозрачность работы и усилить борьбу с незаконным оборотом наркотиков. Централизация межведомственного взаимодействия и цифровизация процессов управления персоналом обеспечат комплексный подход к противодействию наркоугрозам, позволят минимизировать коррупционные риски и сформировать высокопрофессиональную команду специалистов.

Список литературы:

1. *Западнава Ю. А.* Инновационные аспекты совершенствования деятельности органов внутренних дел // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1 (37). С. 160–164.
2. *Захватов И. Ю., Мирзозода Ш. Б.* Современные вызовы наркопреступности и проблемы формирования системы правового регулирования и организационного механизма противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан // Государственное управление в правоохранительной сфере : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. А. М. Кононова. М. : Академия управления МВД России, 2024. С. 126–130.
3. *Князев С. Н., Ганчеренок И. И.* Управление инновациями и инновации в управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. Вып. № 11. С. 1–4.

References:

1. *Zapadnova Yu. A.* Innovacionnye aspekty sovershenstvovaniya deyatel'nosti organov vnutrennih del // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (37). S. 160–164.
2. *Zahvatov I. Yu., Mirzozoda Sh. B.* Sovremennye vyzovy narkoprestupnosti i problemy formirovaniya sistemy pravovogo regulirovaniya i organizacionnogo mekhanizma protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov v Respublike Tadjhikistan // Gosudarstvennoe upravlenie v pravoohranitel'noj sfere : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. A. M. Kononova. M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2024. S. 126–130.
3. *Knyazev S. N., Gancherenok I. I.* Upravlenie innovაციями i innovაცი v upravlenii // Public Administration. E-journal. 2007. Vyp. № 11. S. 1–4.
4. *Naumov A. V.* Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere protivodejstviya narkoprestupnosti // Journal of Russian Law. 2022. № 7. S. 45–56.

4. *Наумов А. В.* Международное сотрудничество в сфере противодействия наркопреступности // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 45–56.
5. *Ткачёв А. Г.* Оперативно-розыскная деятельность в борьбе с наркобизнесом: современные методы и технологии. Казань : Изд-во Казанского университета, 2023.
6. *Турлубеков Б. С.* Проблемы совершенствования уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2000. 202 с.
7. *Федорцова А. С.* Теоретико-методологическое обоснование методов управления инновациями // Modern Economy Success. 2021. № 2. С. 219–222.
8. *Хвисевич Н. Ю.* Инновационные технологии эффективности управления производственно-деловыми качествами личности // Вестник Брестского государственного технического университета. 2017. № 3. С. 113–115.
9. *Шарифзода Ф. Р., Улянов А. Д.* Инновационные технологии управления в органах внутренних дел // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2024. № 1 (61). С. 76–86.
5. *Tkachyov A. G.* Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v bor'be s narkobiznesom: sovremennye metody i tekhnologii. Kazan' : Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2023.
6. *Turlubekov B. S.* Problemy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovoj bor'by s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan: sravnitel'no-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2000. 202 s.
7. *Fedorcova A. S.* Teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie metodov upravleniya innovაციyami // Modern Economy Success. 2021. № 2. S. 219–222.
8. *Hvisevich N. Yu.* Innovacionnye tekhnologii effektivnosti upravleniya proizvodstvenno-delovymi kachestvami lichnosti // Vestnik of Brest State Technical University. 2017. № 3. S. 113–115.
9. *Sharifzoda F. R., Ul'yanov A. D.* Innovacionnye tekhnologii upravleniya v organah vnutrennih del // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2024. № 1 (61). S. 76–86.

Для цитирования:

Улянов Александр Данилович, Мейрхан Данияр Мейрханулы. Проблемы и основные направления совершенствования управления в органах внутренних дел Республики Казахстан по противодействию наркопреступности на базе инновационных технологий // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 145–153.

For citation:

Ul'yanov Aleksandr Danilovich, Meirkhan Daniyar Meirkhanuli. Problems and Main Directions Management Improvements in the Internal Affairs Bodies of the Republic of Kazakhstan on Countering Drug Crime based on Innovative Technologies // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 145–153.

ТРИБУНА

молодого ученого

Агабекова Людмила Григорьевна,
соискатель 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
заведующий кабинетом кафедры управления
деятельностью подразделений обеспечения
охраны общественного порядка,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: millena-89@mail.ru

Lyudmila Grigoryevna Agabekova,
Applicant of the 3rd Faculty (Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Personnel),
Head of the Office of the Department
of Management of the Activities of Public Order Units,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: millena-89@mail.ru

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific Specialty:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 340.1

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-154-160

Дата поступления статьи: 6 февраля 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

К вопросу о соотношении общерегулятивных, абсолютных и относительных правоотношений

On the Question of the Correlation of General Regulatory, Absolute and Relative Legal Relations

Аннотация

Актуальность: категория «правоотношения» давно вошла в понятийно-категориальный аппарат юридической науки, однако научный и практический потенциал ее изучения вовсе не исчерпан. Более того, он только повышается с учетом современных тенденций правового регулирования общественных отношений. В условиях стремительного развития общественных отношений и увеличения количества социальных связей правовое регулирование взаимодействия субъектов достаточно усложнилось. Представляется логичным правовую связанность субъектов выстраивать с помощью различных поливариативных, многообразных средств. Классическая конструкция относительного правоотношения как правовой связи между конкретными людьми в настоящее время уже не может рассматриваться в качестве универсальной правовой кон-

Abstract

Relevance: the category of “legal relations” has long been included in the conceptual and categorical apparatus of legal science, but the scientific and practical potential of its study has not been exhausted at all. Moreover, it is only increasing, taking into account current trends in the legal regulation of public relations. In the context of the rapid development of public relations and an increase in the number of social ties, the legal regulation of the interaction of subjects has become quite complicated. It seems logical to build the legal connectivity of subjects using various multivariate, diverse means. Currently, the classical construction of a relative legal relationship as a legal relationship between specific people can no longer be considered as a universal legal structure describing all possible forms of legal interaction. The integrity of legal regulation and its consistency

струкции, описывающей все возможные формы правового взаимодействия. Цельность правового регулирования и его системность обеспечиваются в том числе и за счет таких категорий, как абсолютные и общерегулятивные правоотношения. При этом существующая в юридической науке дискуссия о соотношении указанных понятий и до конца не разрешенные теоретические проблемы приводят к тому, что этот вопрос по-прежнему остается актуальным и не теряет своей правовой значимости.

Постановка проблемы: с учетом системности правового регулирования и многообразия социального взаимодействия возникает потребность в обосновании концепции общерегулятивных правоотношений и одновременном отграничении их от абсолютных правоотношений. При этом существующие узкоотраслевые (преимущественно цивилистические) исследования абсолютных правоотношений не раскрывают в полной мере потенциал данной категории как общетеоретической, что требует более глубокого теоретико-правового взгляда на данную категорию.

Цель исследования: обосновать теоретический подход соотношения общерегулятивных, абсолютных и относительных правоотношений, раскрыть его познавательную ценность.

Методы исследования: основу исследования составил диалектический подход, позволяющий в динамике проследить правовое регулирование и трансформацию общерегулятивных правоотношений в конкретные – абсолютные и относительные. Кроме того, использовался формально-юридический метод, позволяющий раскрыть саму конструкцию правоотношений. Метод анализа способствовал выявлению специфических черт структурных элементов рассматриваемых правоотношений.

Результаты и ключевые выводы: предлагается рассматривать общерегулятивные (общие) правоотношения сквозь призму конституционно-правового регулирования как родового понятия, тогда как относительные и абсолютные правоотношения предлагается рассматривать как производные от общерегулятивных отношений.

Результаты работы могут быть использованы в научно-исследовательской, преподавательской и правоприменительной деятельности. Они имеют теоретическое значение для дальнейшей разработки общих положений таких юридических конструкций, как общерегулятивное (общее) и абсолютное правоотношение.

Дифференциация правоотношений на общие и конкретные имеет важное методологи-

are ensured, among other things, by categories such as absolute and general regulatory legal relations. At the same time, the debate in legal science about the relationship between these concepts and the theoretical problems that have not been fully resolved leads to the fact that this issue remains relevant and does not lose its legal significance.

Problem statement: taking into account the systemic nature of legal regulation and the diversity of social interaction, there is a need to substantiate the concept of general regulatory legal relations and at the same time distinguish them from absolute legal relations. At the same time, existing narrowly sectoral (mainly civilistic) studies of absolute legal relations do not fully reveal the potential of this category as a general theoretical one, which requires a deeper theoretical and legal view of this category.

The purpose of the study is to substantiate the theoretical approach of the correlation of general regulatory, absolute and relative legal relations, to reveal its cognitive value.

Research methods: the research is based on a dialectical approach that allows us to dynamically trace the legal regulation and transformation of general regulatory legal relations into specific ones – absolute and relative. In addition, a formal legal method was used to reveal the very structure of legal relations. The analysis method helped to identify the specific features of the structural elements of the legal relations under consideration.

Results and key conclusions: it is proposed to consider general regulatory (general) legal relations through the prism of constitutional and legal regulation as a generic concept, while relative and absolute legal relations are proposed to be considered as derivatives of general regulatory relations. The results of the work can be used in research, teaching and law enforcement activities. They have theoretical significance for the further development of general provisions of such legal structures as general regulatory (general) and absolute legal relations. Differentiation of legal relations into general and specific ones is of great methodological importance. The presented classification contributes to a more accurate definition of the role of law in the life of society, all ways of its impact on social life.

ческое значение. Представленная классификация способствует более точному определению роли права в жизни общества, всех путей его воздействия на социальную жизнь.

Ключевые слова: общерегулятивные (общие) правоотношения; конкретные правоотношения; абсолютные и относительные правоотношения; субъекты правоотношения; права; обязанности; норма права; юридический факт.

Keywords: general regulatory (general) legal relations; specific legal relations; absolute and relative legal relations; subjects of legal relations; rights; duties; rule of law; legal fact.

Знаменито изречение, что от одного росчерка пера законодателя превращаются в макулатуру целые библиотеки. Тем не менее Н. М. Коркунов вполне справедливо утверждал: «Если бы изучение права ограничивалось одним толкованием, не только юристам каждого отдельного государства, но даже каждому новому поколению юристов одной и той же страны приходилось бы начинать дело изучения права сызнова, так как законы нередко меняются быстрее людских поколений. Между тем, несмотря на разнообразие и изменчивость права, в нем есть и постоянные или, по крайней мере, более устойчивые элементы, не меняющиеся с каждой переменной законодательных определений» [3, с. 413]. Это утверждение знаменитого русского ученого-юриста довольно интересно, особенно в свете заявленной темы.

Подобным прочным элементом в праве является дифференциация правоотношений на абсолютные и относительные. Данная классификация представляется настолько основополагающей и исторически известной, что ничто не способно пошатнуть ее устои.

Проблема абсолютных и относительных правоотношений уже более двух веков исследуется не только российскими, но и зарубежными авторами. Многие видные научные деятели обращались к изучению этого вопроса. К ним относятся Г. Хуфеланд, В. К. Райхер, Д. М. Генкин, В. А. Белов, Е. А. Флейшиц, Е. А. Суханов, С. А. Сеницын и многие другие.

Весьма образно и красочно в своем фундаментальном труде советский ученый-юрист В. К. Райхер писал: «Существующее деление прав на абсолютные и относительные является правильным и подлежит сохранению. Основанием, критерием этого деления является различие в субъектном составе тех и других правоотношений, а следовательно, и в самой структуре их, и вместе с тем в характере межличудской связи, образующей сущность всякого правоотношения. Эта связь устанавливается по типу прямых проводов, протянутых между определенными точками пространства, либо по типу «беспроволочной» связи, соединя-

ющей данную точку пространства с абсолютно неопределенным числом всех "прочих точек"» [11, с. 303]. В. К. Райхер справедливо пишет о сохранении дифференциации на абсолютные и относительные права¹, с чем нужно скорее согласиться, нежели спорить.

Так, в относительных правоотношениях конкретному управомоченному субъекту противостоит определенное обязанное лицо, то есть данные отношения — двусторонне индивидуализированные. Абсолютные правоотношения не являются двусторонне индивидуализированными и характеризуются тем, что в них определены, четко обозначены, как правило, управомоченные субъекты, а обязанные лица не определены — в их качестве выступают все потенциально возможные субъекты. Данные категории по отношению друг к другу являются парными, полностью противоположными в своих значениях.

Немаловажно также отметить, что дихотомия отраслевых юридических связей обеспечивает их непосредственную преемственность от так называемых общерегулятивных правоотношений. Данные правоотношения базируются на общих правах и обязанностях, субъекты которых поименно не индивидуализированы. В представленных правоотношениях каждый находится в отношении с каждым².

Обязанность в общерегулятивных правоотношениях является всеобщей и распространяется на каждого. Она подразумевает собой требование к любому субъекту права, а именно воздержание от действий, которые так или иначе нарушают права других субъектов.

«Общерегулятивные, или просто общие, правоотношения, — утверждает Н. И. Матузов, — выражают юридические связи более высокого уровня между государством и гражданами... Они возникают главным образом на основе норм Конституции РФ, других основопола-

¹ Когда В. К. Райхер пишет про абсолютные и относительные права, в целом он отождествляет их с правоотношениями (абсолютными и относительными).

² Субъектами таких правоотношений выступает каждый гражданин государства как носитель возложенных на него прав и обязанностей (в отношении к государству и к остальным другим лицам).

гающих актов и являются базовыми, исходными для отраслевых правоотношений» [7, с. 511]. Их содержанием являются права, которые принадлежат всем субъектам без исключения, независимо от пола, расы и национальности. Положение каждого субъекта общерегулятивного правоотношения отличается от субъектов конкретных правоотношений (абсолютных и относительных) особым юридическим состоянием и статусом.

Наличие общих правоотношений является темой для дискуссий со времен советской юридической науки. Не все авторы считают выделение этого вида отношений научно убедительным и практически полезным. К примеру, некоторые из них подчеркивают возможность отождествления абсолютных и общих правовых отношений [4, с. 60].

Отметим, что это две совершенно разные и самостоятельные категории. Не допустимо смешение классического теоретического подхода абсолютных и общерегулятивных правоотношений, так как при этом нарушается принцип определения субъектного состава правоотношений: «один к каждому» (абсолютные) и «каждый к каждому» (общерегулятивные).

Общерегулятивные правоотношения признаются не всеми учеными ввиду их несколько абстрактного характера. Оппонентами концепции общерегулятивных правоотношений являются В. К. Бабаев, Л. С. Явич, А. Б. Венгеров, А. С. Пиголкин, Ю. И. Гревцов. Так, например, А. С. Пиголкин утверждал, что конструкции представленных видов правоотношений схожи по признаку отсутствия непосредственной правовой связи между субъектами [10, с. 21] и круг таких субъектов в своем количестве не определен и не ограничен. По мнению Р. О. Халфиной, правоотношение всегда конкретно — это отношение между конкретными субъектами в конкретной области [12, с. 265]. Соглашаясь с убеждениями Р. О. Халфиной и критикуя точку зрения С. С. Алексеева, К. И. Наменгенов утверждает: «...субъективные права не могут механически возникать непосредственно из норм объективного права и тем более не могут находиться за пределами правоотношений» [9, с. 31]. О. А. Красавчиков отмечает: «...норма права (общее предписание) не может, помимо юридических фактов, ни наделить субъектов правами и обязанностями, ни освободить их от существующей правовой связи» [5, с. 27]. Л. С. Явич, также являясь противником общерегулятивного правоотношения, считает, что искусственность конструкции общего правоотношения доказывается тем, что нельзя охватить правоотношением связь всех со всеми, которая служит причиной конструирования общего правоотношения [13, с. 209].

Позиция авторов, отрицающих общие правоотношения, считается спорной. Следует подчеркнуть, что данные отношения служат основой, базисной средой для возникновения абсолютных и относительных правоотношений. Общие правоотношения являются такой частью юридической среды, без которой существование правового демократического государства немислимо и невозможно.

Деление правоотношений на абсолютные и относительные обеспечивает их непосредственную преемственность от общерегулятивных правоотношений. Последние имеют форму длящегося состояния правовой связанности в ожидании конкретного юридического факта. Общие правоотношения определяют правовой статус личности, компетенцию государственных органов до возникновения конкретных (относительных и абсолютных) правоотношений³. С. С. Алексеев справедливо отмечает: «... если общие правоотношения образуют основу правопорядка, характеризуют его главные черты, то конкретные правоотношения — это содержание правопорядка, главное, что выражает его живую ткань» [1, с. 103–104].

Стоит сказать, что в рамках нормотворческого процесса сама норма права представляет некую абстрактную модель, на основе которой и появляется такая теоретическая конструкция как общерегулятивное правоотношение. Справедливо пишет В. Н. Кудрявцев: «Так, уже диспозиция нормы большей частью указывает на правомочия и корреспондирующие им обязанности не одного, а по меньшей мере двух лиц — участников правоотношения... Таким образом, в норме заключена модель не столько индивидуального акта, сколько взаимодействие лиц и коллективов» [6, с. 24]. Одной из сторон в рамках такой правовой связи выступает государство, которое устанавливает требование к обществу поступать соответственно издаваемым нормам. Другой стороной является множественный и неопределенный круг лиц, обязанных исполнять такие правовые нормы. В правоприменительной практике общерегулятивные правоотношения преобразуются в абсолютные или относительные правоотношения.

Общие правоотношения возникают как первоначальный вид правовой связи субъектов права (в частности, связи государства и граждан — членов социума). Представляется достаточно спорным суждение, что для всех подобных правоотношений между государством и гражданами характерно подчинение последних перво-

³ В основном общерегулятивные правоотношения приводят в пример в качестве противоположности конкретным (относительным и абсолютным) правоотношениям — отдельным, единичным.

му. Все чаще встречаются в жизни и такие отношения, где государство выступает не только принуждающей стороной, но и обязанным субъектом в отношении членов общества.

Еще раз следует подчеркнуть, что вопрос наличия правового института общерегулятивных правоотношений в юридической науке представляется довольно спорным. Длительное время правоотношение среди ученых-правоведов понималось только лишь как отношение между конкретными лицами, со строгой определенностью взаимного поведения его субъектов. На сегодняшний день юридическая конструкция общих правоотношений имеет все же больше сторонников, нежели противников. Факт существования общерегулятивных правоотношений подробно рассматривается в трудах известных ученых, таких как С. С. Алексеев, И. Сабо, Н. И. Матузов, И. Е. Фарбер, В. С. Основин, И. Ф. Рябко, в том числе у представителей уголовного права – В. Г. Смирнова, С. Г. Келяна, В. А. Елеонского, М. И. Ковалева и других. Зачастую с неким недоверием к правовой категории общих правоотношений относится цивилистика, что не удивительно. Для представителей гражданского права такие правоотношения необычны, и в цивилистической практике они встречаются крайне редко. Однако правовой феномен общерегулятивных правоотношений всецело поддерживается теоретиками и государствоведами: О. Е. Кутафиным, Ю. П. Еременко, О. О. Мироновым, Л. Д. Воеводиным, В. А. Бобровой и другими.

В советское время лишь малая часть ученых-юристов признавали и отстаивали такие правоотношения. В дальнейшем в связи с развитием гражданского общества и правового государства появилась потребность в урегулировании правоотношений «нового типа»: «государство – гражданин», «государство – государство». Таким образом, категория общерегулятивных правоотношений продолжила свое существование, исследование и развитие.

Представляется, что двустороннее взаимодействие между государством и гражданами придает таким отношениям особую важность, ценность и актуальность. Так, в качестве примера обратимся к ст. 2 Конституции Российской Федерации, в которой говорится, что соблюдение и защита прав человека и гражданина является обязанностью государства⁴.

Государство по отношению к гражданам выступает не только носителем властных полномочий, но и еще правообязанным субъектом. Граждане же обязаны в свою очередь вести

себя должным образом в соответствии с нормами Конституции РФ – уважать права друг друга, исполнять свой долг. В представленном примере правам одних субъектов соответствуют обязанности других. Таким образом, государство и граждане находятся в определенных правоотношениях: они взаимосвязаны друг с другом правами, обязанностями, ответственностью. Непризнание данной связи в общерегулятивных правоотношениях подобно отрицанию данных отношений.

Конкретные правоотношения (абсолютные и относительные) возникают и формируются в результате применения норм права к частным случаям, событиям и фактам, а общие правоотношения, по сравнению с первыми, появляются в результате воздействия норм, которые направлены на регулирование явлений более широкого и масштабного спектра. Общерегулятивные правоотношения вызываются действием конституционных норм, а относительные и абсолютные правоотношения являются их детализацией.

Иначе говоря, если абсолютные и относительные правоотношения возникают на основе юридических фактов, то для возникновения общерегулятивного правоотношения, как показывает практика, юридический факт не требуется, оно берет свой исток «напрямую из закона». По сроку действия абсолютные и относительные правоотношения, по сравнению с общерегулятивными, имеют краткосрочный характер, тогда как вторые – долгосрочный (их действие равносильно времени существования правовой нормы).

Как правило, общерегулятивные правоотношение «живут» сами по себе и только при определенных обстоятельствах трансформируются в относительные или абсолютные. Так, примером таких правоотношений является принятие к производству соответствующей компетентной инстанцией обращения гражданина в отношении защиты своих прав и законных интересов. После разрешения спора конкретное (в вышеупомянутом случае относительное правоотношение) прекращается, а общерегулятивное остается и продолжает свое существование.

Общерегулятивным правоотношением является соблюдение правовых актов-предписаний неопределенным кругом лиц. В таких отношениях стороны четко не определены и не обозначены, субъектным составом выступает «каждый к каждому». В качестве примера отметим, как общее плавно перетекает в абсолютное правоотношение с относительно неопределенным кругом обязанных лиц. Так, «в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях прокурор или его заместитель направля-

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2025).

ют в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона»⁵. Управомоченной стороной, носителем субъективных прав выступает прокурор (выносящий предупреждение), а другой стороной является относительно неопределенный круг обязанных лиц (должностные лица, руководители общественных (религиозных) объединений)⁶.

Следует подчеркнуть, что абсолютные правоотношения, по сравнению с относительными, носят более длительный характер существования, но по отношению к общерегулятивным являются краткосрочными.

Справедливое разграничение проводит Н. И. Матузов — один из наиболее настойчивых сторонников теории общих правоотношений: «Различия между конкретными и общими правоотношениями заключаются также в том, что если первые связаны в основном с такой формой реализации юридических норм, как применение, то вторые — с тремя остальными: соблюдением, исполнением и использованием. Соответственно, конкретные правоотношения носят правоприменительный характер, а общие — правоохранительный и правообеспечительный» [8, с. 37]. Следует согласиться с аргументированной позицией Н. И. Матузова и С. С. Алексеева и, в свою очередь, сказать, что наряду с конкретными правоотношениями в правовой действительности существуют и общерегулятивные.

На основании вышесказанного важно отметить, что хотя абсолютное правоотношение и вытекает из общего, тем не менее для возникновения первого необходимы дополнительные юридические основания — акт применения правовой нормы и юридический факт, индивидуализирующий это правоотношение. Такие основания позволяют различать и дифференцировать конкретные правоотношения (абсолютные и относительные) от общерегулятивных.

Классификация правоотношений на общерегулятивные и конкретные имеет немаловажное значение и для понимания правопорядка. Так, справедливо замечает Л. С. Явич: «При такой постановке вопроса становится понятным, что государственно-правовая охрана обще-

ственного порядка не может сводиться только к обеспечению правомочий участников правоотношений, но и включает обеспечение условий для реализации правоспособности, гарантирование правового статуса и реализации субъективных прав, возможной вне конкретных правоотношений» [14, с. 22–23]. Понятие правопорядка в целом намного шире конструкции абсолютных и относительных правоотношений, так как правомерные действия субъектов права, их права и обязанности нельзя сводить только к правомочиям и обязанностям участников конкретных правоотношений. Правопорядок относится к конструкции общерегулятивных правоотношений, где на одной стороне выступает государство, а на другой «каждый», который обязан соблюдать законность и выражать правомерное поведение в данных правоотношениях.

Поддержание общественного порядка — задача многогранная и непростая. Субъектами формирования безопасной среды, как известно, выступают органы местного самоуправления, внутренних дел, подразделения МЧС и ФСБ России и т. д. Так, на сотрудника органа внутренних дел (управомоченного субъекта) возложена абсолютная обязанность в обеспечении охраны общественного порядка и безопасности населения. Остальными субъектами являются неперсонализированный, множественный круг лиц, который должен соблюдать, не нарушать общественный порядок и подчиняться сотруднику полиции. Правоотношения такого характера из общерегулятивных плавно, постепенно перетекают в абсолютные.

Важно подчеркнуть, что в процессе правового воспитания нужно обратить внимание людей на то, что в реальной действительности и «жизни на них оказывает постоянное воздействие не только атмосферное давление, но и огромный комплекс внешне незаметных правовых связей с обществом, и государством, и себе подобными. Это не просто «узы социальной солидарности», но вполне предметное поле непрерывного правового взаимодействия» [2, с. 86].

Ключевое методологическое значение имеет разграничение правоотношений на общие и конкретные. Такая дифференциация способствует более точному определению роли права в жизни общества, выяснению всех путей его воздействия на социальную жизнь.

Подводя итог сказанному, отметим, что общерегулятивные правоотношения являются тем самым базисом и фундаментом для возникновения и существования разнообразных конкретных правоотношений. Они имеют теснейшую связь с абсолютными и относительными правоотношениями, зачастую обуславливая и плавно переходя друг в друга.

⁵ О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1: в ред. от 30 сентября 2024 г. // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 19.01.2025).

⁶ В приведенном примере круг обязанных лиц четко не определен, но в то же время Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в ст. 25.1 четко ограничивает круг обязанных субъектов.

Список литературы:

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юридическая литература, 1982. 360 с.
2. *Вопленко Н. Н.* Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2003. № 6. С. 76–89.
3. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. 2-е изд. М. : Юрайт, 2018. 422 с.
4. *Кочнева А. А.* Абсолютные правоотношения: современные подходы к пониманию и реализации // Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань : Отечество, 2022. С. 57–64.
5. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М. : Госюриздат, 1958. 183 с.
6. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология. М. : Наука, 1982. 287 с.
7. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. 640 с.
8. *Матузов Н. И.* Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. 1996. № 3. С. 37–46.
9. *Наменгенов К. Н.* Абсолютные и относительные изобретательские правоотношения : монография. Алма-Ата : Наука КазССР, 1978. 238 с.
10. *Пиголкин А. С.* Правоотношение – индивидуализированная правовая связь / А. С. Пиголкин, В. А. Кучинский // Проблемы совершенствования советского законодательства. Вып. 7. М. : ВНИИСЗ, 1976. С. 15–28.
11. *Райхер В. К.* Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. I (XXV). С. 273–306.
12. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении : монография. М. : Юридическая литература, 1974. 352 с.
13. *Явич Л. С.* Общая теория права : учебник. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1976. 288 с.
14. *Явич Л. С.* Социалистический порядок. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1972. 80 с.

Для цитирования:

Агабекова Людмила Григорьевна. К вопросу о соотношении общерегулятивных, абсолютных и относительных правоотношений // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 154–160.

References:

1. *Alekseev S. S.* Obshchaya teoriya prava : v 2 t. T. 2. M. : Yuridicheskaya literatura, 1982. 360 s.
2. *Voplenko N. N.* Pravovye otnosheniya: ponyatie i klassifikaciya // Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence. 2003. № 6. S. 76–89.
3. *Korkunov N. M.* Lekcii po obshchej teorii prava. 2-e izd. M. : Yurajt, 2018. 422 s.
4. *Kochneva A. A.* Absolyutnye pravootnosheniya: sovremennye podhody k ponimaniyu i realizacii // Pravootnoshenie: teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kazan' : Otechestvo, 2022. S. 57–64.
5. *Krasavchikov O. A.* Yuridicheskie fakty v sovetском grazhdanskom prave. M. : Gosyurizdat, 1958. 183 s.
6. *Kudryavcev V. N.* Pravovoe povedenie: norma i patologiya. M. : Nauka, 1982. 287 s.
7. *Matuzov N. I., Mal'ko A. V.* Teoriya gosudarstva i prava : uchebник. 3-e izd., pererab. i dop. M. : Norma: INFRA-M, 2013. 640 s.
8. *Matuzov N. I.* Prava cheloveka i obshcheregulyativnye pravootnosheniya // Pravovedenie. 1996. № 3. S. 37–46.
9. *Namengenov K. N.* Absolyutnye i otnositel'nye izobretatel'skie pravootnosheniya : monografiya. Alma-Ata : Nauka KazSSR, 1978. 238 s.
10. *Pigolkin A. S.* Pravootnoshenie – individualizirovannaya pravovaya svyaz' / A. S. Pigolkin, V. A. Kuchinskij // Problemy sovershenstvovaniya sovetского zakonodatel'stva. Vyp. 7. M. : VNIISZ, 1976. S. 15–28.
11. *Rajher V. K.* Absolyutnye i otnositel'nye prava // Izvestiya ekonomicheskogo fakul'teta Leningradского politekhnicheskogo instituta. 1928. Vyp. I (XXV). S. 273–306.
12. *Halfina R. O.* Obshchee uchenie o pravootnoshenii : monografiya. M. : Yuridicheskaya literatura, 1974. 352 s.
13. *Yavich L. S.* Obshchaya teoriya prava : uchebник. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradского universiteta, 1976. 288 s.
14. *Yavich L. S.* Socialisticheskij pravoporyadok. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradского universiteta, 1972. 80 s.

For citation:

Agabekova Lyudmila Grigoryevna. On the Question of the Correlation of General Regulatory, Absolute and Relative Legal Relations // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 154–160.

Шакиров Артур Галиевич,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: ashakirov6@mail.ru

Artur Galievich Shakirov,
Adjunct of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Staff),
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: ashakirov6@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Scientific Speciality:
5.1.2. Public
Law (State Law) Sciences

УДК 342.951

DOI 10.24412/2072-9391-2025-375-161-168

Дата поступления статьи: 17 января 2025 г.

Дата принятия статьи в печать: 18 сентября 2025 г.

О сущности оперативного управления органами внутренних дел Российской Федерации в особых условиях

On the Essence of Operational Management of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Special Conditions

Аннотация

Актуальность исследования сущности оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях обусловлена ростом угроз национальной безопасности России, а также необходимостью противодействия современным вызовам. Эффективное оперативное управление – это не просто административная функция, а ключевой элемент, оказывающий непосредственное влияние на способность государства защитить своих граждан и обеспечить стабильность в кризисной ситуации.

Постановка проблемы: существующие теоретико-методологические основы оперативного управления органами внутренних дел недостаточно адаптированы к специфике функционирования в особых условиях, что требует комплексного научного анализа данного феномена с позиций современной управленческой науки и административного права. Анализ научной литературы показывает, что концепции оперативного управления, разработанные А.Ф. Майдыковым, Л.Л. Грищенко, В.Б. Княжевым, К.М. Холостовым, требуют дальнейшего развития применительно к специфике особых условий деятельности органов внутренних дел.

Abstract

The relevance of the study of the essence of operational management of internal affairs bodies in special conditions is due to the growing threats to Russia's national security, as well as the need to counter modern challenges. Effective operational management is not just an administrative function, but a key element that has a direct impact on the State's ability to protect its citizens and ensure stability in a crisis situation.

Problem statement: the existing theoretical and methodological foundations of the operational management of internal affairs bodies are insufficiently adapted to the specifics of functioning in special conditions, which requires a comprehensive scientific analysis of this phenomenon from the perspective of modern management science and administrative law. An analysis of the scientific literature shows that the concepts of operational management developed by A. F. Maidikov, L. L. Grishchenko, V. B. Knyazhev, K. M. Kholostov require further development in relation to the specifics of the special conditions of the internal affairs bodies.

The purpose of the study is to develop a scientifically based concept of operational management of internal affairs bodies in special

Цель исследования: разработка научно обоснованной концепции оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях на основе комплексного анализа правовых основ, теоретических подходов и практики правоохранительной деятельности.

Методы исследования: системно-структурный анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, статистический анализ, экспертный опрос, метод моделирования.

Результаты и ключевые выводы: разработана трехуровневая модель оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях, включающая нормативно-правовую, организационно-функциональную и технико-технологическую уровни; предложена авторская типология особых условий с учетом управленческой специфики; в результате экспертного опроса 47 руководителей территориальных органов МВД России выявлены ключевые проблемы системы оперативного управления: правовые, организационные и технико-технологические; обоснованы направления совершенствования системы оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях.

Ключевые слова: оперативное управление; органы внутренних дел; особые условия; чрезвычайные ситуации; чрезвычайное положение; система управления; управленческие решения.

conditions based on a comprehensive analysis of the legal foundations, theoretical approaches and practice of law enforcement.

Research methods: system-structural analysis, formal legal method, comparative legal analysis, statistical analysis, expert survey, modeling method.

Results and key conclusions: a three-level model of operational management of internal affairs bodies in special conditions has been developed, including regulatory, organizational, functional, and technical and technological levels; an author's typology of special conditions has been proposed, taking into account managerial specifics; as a result of an expert survey of 47 heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, key problems of the operational management system have been identified: legal, organizational and technical and technological; the directions of improving the system of operational management of internal affairs bodies in special conditions are substantiated.

Keywords: operational management; internal affairs bodies; special conditions; emergencies; state of emergency; management system; management decisions.

В современных условиях деятельность органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) все чаще осуществляется в обстоятельствах, которые характеризуются высокой степенью напряженности и требуют особых подходов к организации управления. Именно органы внутренних дел должны обеспечить гибкое и централизованное руководство силами и средствами МВД России для своевременного реагирования на чрезвычайные ситуации с целью стабилизации обстановки, защиты прав и свобод граждан в условиях повышенной опасности, неопределенности, а также дефицита времени и ресурсов.

Методологические основы исследования оперативного управления в кризисных ситуациях заложены в фундаментальных работах отечественных ученых. А. Ф. Майдыков определяет оперативное управление как «систему целенаправленных управленческих воздействий, обеспечивающих достижение поставленных целей в условиях динамично изменяющейся обстановки» [6].

Л. Л. Грищенко развивает концепцию ситуационного управления, подчеркивая, что «эффективность управления в правоохранительной сфере определяется способностью системы адаптироваться к изменяю-

щимся условиям внешней среды» [2]. Данный подход получил дальнейшее развитие в исследованиях В. Б. Княжева, который обосновал необходимость применения адаптивных моделей управления в экстремальных условиях [5].

К. М. Холостов в работах по кризисному управлению акцентирует внимание на временном факторе, отмечая, что «в условиях дефицита времени качество управленческих решений должно обеспечиваться за счет применения типизированных алгоритмов действий при сохранении творческого подхода к нестандартным ситуациям» [10].

Синтез указанных подходов позволяет сформулировать авторское понимание оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях.

Под особыми условиями в контексте деятельности органов внутренних дел следует понимать юридически значимые обстоятельства, характеризующиеся повышенной общественной опасностью, требующие мобилизации дополнительных сил и средств ОВД и применения специальных форм и методов управления, регламентированных федеральным законодательством и ведомственными нормативными актами. К таким условиям относятся:

- чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера (наводнения, землетрясения, техногенные катастрофы);
- социальные конфликты, сопровождающиеся массовыми беспорядками;
- террористические акты и контртеррористические операции;
- введение режима чрезвычайного или военного положения;
- проведение массовых мероприятий с высоким уровнем угроз безопасности;
- иные ситуации, создающие угрозу безопасности граждан, конституционному строю и требующие экстренного реагирования со стороны ОВД.

Правовую основу оперативного управления ОВД в особых условиях составляет комплекс нормативных правовых актов различного уровня. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» устанавливает особый правовой режим деятельности органов государственной власти, при котором органы внутренних дел наделяются дополнительными полномочиями: установление комендантского часа (пп. «а» п. 1 ст. 11), ограничение свободы передвижения (пп. «б» п. 1 ст. 11), усиление охраны общественного порядка (пп. «в» п. 1 ст. 11)¹.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» регламентирует особенности управления силами и средствами при проведении контртеррористической операции. Согласно ст. 13 указанного закона руководитель оперативного штаба имеет право привлекать силы и средства органов внутренних дел, определять тактику проведения контртеррористической операции².

Вместе с тем анализ нормативной правовой базы позволил выявить следующие пробелы в правовом регулировании: отсутствие единой терминологии для обозначения различных видов особых условий; недостаточная регламентация порядка создания и функционирования временных органов управления (оперативных штабов, мобильных пунктов управления); неопределенность в распределении полномочий между различными уровнями управления при возникновении чрезвычайных ситуаций межрегионального характера.

¹ О чрезвычайном положении : Федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ : в ред. от 2 ноября 2023 г. : принят Гос. Думой 26 апреля 2001 г. : одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

² О противодействии терроризму : Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. от 28 февраля 2025 г. : принят Гос. Думой 26 февраля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

В данной статье сосредоточимся на исследовании сущности и специфики оперативного управления органами внутренних дел именно в контексте особых условий, что позволит выявить его отличительные характеристики и сформулировать рекомендации по повышению эффективности.

Для понимания сущности оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях необходимо рассмотреть общие теоретические положения об управлении и выделить специфические особенности, характерные для ситуаций повышенной сложности.

Управление в системе органов внутренних дел представляет собой целенаправленную деятельность руководителей всех уровней по организации и координации действий личного состава для эффективного решения задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Как отмечает Ю.Е. Аврутин, «управление в системе МВД России – это особый вид государственно-управленческой деятельности, направленной на обеспечение реализации функций органов внутренних дел по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности» [1].

Оперативное управление органами внутренних дел в особых условиях существенно отличается от управления в повседневной деятельности. По мнению И.Ю. Захватова, «особые условия создают качественно новую управленческую ситуацию, требующую применения специальных методов, форм и средств управления» [3].

Ключевые особенности оперативного управления ОВД в особых условиях предполагают:

1. Повышенную интенсивность управленческих процессов. В условиях чрезвычайных ситуаций или при проведении контртеррористических операций руководителям приходится принимать и реализовывать значительно большее количество решений в единицу времени по сравнению с обычными условиями.

2. Дефицит времени на принятие решений. Если в повседневной деятельности руководитель имеет возможность хорошо проанализировать ситуацию и рассмотреть различные варианты действий, то в особых условиях время на принятие решений резко сокращается.

3. Высокую степень неопределенности. Особые условия характеризуются недостатком информации о развитии ситуации, что затрудняет прогнозирование и планирование действий.

4. Повышенный уровень риска. Решения, принимаемые в особых условиях, часто связаны с риском для жизни и здоровья граждан и сотрудников ОВД, а также с возможностью значительного материального ущерба.

5. Необходимость координации действий с другими правоохранительными органами и государственными структурами. В условиях чрезвычайных ситуаций или при проведении специальных операций ОВД взаимодействуют с подразделениями МЧС России, ФСБ России, Росгвардии и другими ведомствами, что требует особых механизмов координации.

6. Применение специальных методов и форм управления. В особых условиях часто создаются временные органы управления (оперативные штабы, группы управления), применяются нестандартные схемы подчиненности и взаимодействия.

Анализ современной научной литературы и практики управления органами внутренних дел позволяет выделить несколько ключевых подходов, применяемых в контексте оперативного управления в особых условиях.

Системный подход рассматривает органы внутренних дел как сложную социальную систему, функционирующую во взаимодействии с внешней средой. В контексте оперативного управления в особых условиях системный подход позволяет:

- рассматривать ситуацию целостно, учитывая все факторы и взаимосвязи;
- анализировать влияние внешней среды на деятельность ОВД;
- оценивать эффективность управленческих решений с точки зрения их влияния на систему в целом.

С.А. Потапова отмечает, что «применение системного подхода в условиях чрезвычайных ситуаций позволяет руководителям органов внутренних дел принимать более обоснованные и эффективные решения, учитывающие все аспекты сложившейся обстановки» [8].

Ситуационный подход предполагает выбор методов и форм управления в зависимости от конкретной ситуации. В особых условиях этот подход приобретает исключительную значимость, поскольку каждая чрезвычайная ситуация или специальная операция имеют уникальные характеристики, требующие гибкого реагирования.

В рамках ситуационного подхода в особых условиях часто применяются специальные алгоритмы действий, разработанные для типовых ситуаций, которые корректируются с учетом конкретных обстоятельств. Например, при ликвидации последствий техногенных катастроф существуют типовые схемы развертывания сил и средств ОВД, которые приспособляются к масштабам происшествия, географическим и климатическим условиям, наличию пострадавших и другим факторам.

Деятельностный подход рассматривает управление как непрерывную серию взаимос-

вязанных управленческих функций: планирования, организации, координации, мотивации и контроля. В контексте оперативного управления в особых условиях этот подход позволяет структурировать управленческую деятельность, обеспечивая последовательность и системность действий [7].

В последние годы в практике управления ОВД все чаще применяется проектный подход, рассматривающий каждую специальную операцию или мероприятие по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации как отдельный проект с определенными целями, сроками и ресурсами.

О.В. Филимонов указывает, что «проектный подход позволяет более эффективно распределять ресурсы, контролировать сроки выполнения задач и оценивать результаты в особых условиях» [9].

Механизм оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях представляет собой совокупность организационных структур, методов, процедур и инструментов, обеспечивающих эффективное реагирование на возникающие угрозы и вызовы.

В особых условиях создаются специальные организационные структуры управления, обеспечивающие концентрацию усилий на решении приоритетных задач. К таким структурам относятся:

1. Оперативные штабы – временные органы управления, создаваемые для координации действий сил и средств ОВД при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, проведении специальных операций или обеспечении безопасности массовых мероприятий. Оперативный штаб является основным центром принятия решений и контроля за их исполнением.

2. Мобильные пункты управления – специально оборудованные транспортные средства или комплексы, обеспечивающие руководство силами и средствами ОВД непосредственно в районе проведения специальной операции или ликвидации чрезвычайной ситуации.

3. Группы оперативного управления – небольшие мобильные группы руководителей и специалистов, направляемые в отдельные районы для организации и координации действий подразделений ОВД на местах.

4. Ситуационные центры – стационарные комплексы, оснащенные современными информационно-коммуникационными технологиями, обеспечивающие сбор, анализ и визуализацию информации о развитии ситуации, моделирование возможных сценариев и поддержку принятия управленческих решений [4].

Эффективность оперативного управления в особых условиях во многом определяется рациональностью построения организаци-

онных структур, их возможностью приспособляться к изменяющейся обстановке и обеспечить оперативный сбор и анализ информации.

Ключевым элементом механизма оперативного управления в особых условиях является система информационно-аналитического обеспечения, включающая:

сбор информации о развитии ситуации из различных источников;

анализ поступающей информации и оценку обстановки;

прогнозирование развития ситуации;

подготовку аналитических материалов для принятия управленческих решений.

В современных условиях для информационно-аналитического обеспечения управления все шире применяются автоматизированные информационные системы, геоинформационные технологии, системы видеонаблюдения, беспилотные летательные аппараты и другие технические средства.

На основе анализа теоретических работ и практической деятельности автором разработана трехуровневая модель оперативного управления ОВД в особых условиях:

Первый уровень — нормативно-правовой: федеральное законодательство; ведомственные нормативные акты; региональные нормативные документы; типовые алгоритмы действий.

Второй уровень — организационно-функциональный: постоянные органы управления (дежурные части, ситуационные центры); временные органы управления (оперативные штабы, группы управления); мобильные пункты управления; системы координации межведомственного взаимодействия.

Третий уровень — технико-технологический: автоматизированные системы управления; средства связи и передачи данных; геоинформационные системы; системы видеонаблюдения и мониторинга.

Автором предложена типология особых условий деятельности ОВД с позиций управленческой специфики:

Тип 1. Природно-техногенные чрезвычайные ситуации. Управленческая специфика: необходимость координации с МЧС России, медицинскими службами; приоритет спасательных операций; территориальный принцип организации управления.

Тип 2. Социально-политические конфликты. Управленческая специфика: повышенные требования к информационной безопасности; необходимость взаимодействия с органами прокуратуры; применение специальных средств.

Тип 3. Террористические угрозы. Управленческая специфика: ведущая роль ФСБ России; режим секретности; применение специальных тактических приемов.

Тип 4. Обеспечение безопасности массовых мероприятий. Управленческая специфика: превентивный характер мер; взаимодействие с организаторами мероприятий; гражданский контроль.

Для выявления проблем современной системы оперативного управления ОВД в особых условиях автором был проведен экспертный опрос 47 руководителей территориальных органов МВД России различных уровней. Результаты исследования позволили выявить следующие проблемы:

1) правовые проблемы (отмечены 34 респондентами — 72,3 %): неопределенность правового статуса временных органов управления; недостаточная регламентация межведомственного взаимодействия; пробелы в правовом обеспечении применения технических средств;

2) организационные проблемы (отмечены 41 респондентом — 87,2 %): недостаточная гибкость организационных структур; проблемы координации между различными уровнями управления; дефицит квалифицированных кадров для работы в экстремальных условиях;

3) технико-технологические проблемы (отмечены 29 респондентами — 61,7 %): устаревшее техническое оснащение; недостаточная интеграция информационных систем; проблемы связи в условиях чрезвычайных ситуаций.

Планирование действий ОВД в особых условиях характеризуется следующими особенностями:

- сокращение сроков разработки планов;
- повышенные требования к детализации и конкретности планов;
- необходимость разработки нескольких вариантов действий;
- повышенное внимание к вопросам материально-технического и ресурсного обеспечения.

В особых условиях возрастает роль координации и взаимодействия как между различными подразделениями ОВД, так и с другими правоохранительными органами, государственными структурами и организациями. Для обеспечения эффективной координации используются:

- совместные командные пункты и оперативные штабы;
- единые системы связи и обмена информацией;
- офицеры связи, направляемые для взаимодействия в другие ведомства;
- совместные инструктажи и тренировки.

В особых условиях эффективность деятельности ОВД во многом определяется качеством координации и взаимодействия всех задействованных сил и средств.

Анализ современной практики оперативного управления ОВД в особых условиях позволяет

выделить ряд проблем и определить перспективные направления совершенствования.

Основные проблемы оперативного управления ОВД в особых условиях:

1. Недостаточная гибкость организационных структур управления. Существующие организационные структуры не всегда позволяют оперативно реагировать на быстро меняющуюся обстановку.

2. Проблемы информационно-аналитического обеспечения. Отмечаются трудности в сборе, обработке и анализе информации в реальном времени, особенно в условиях массовых чрезвычайных ситуаций.

3. Недостаточная автоматизация процессов управления. Несмотря на внедрение современных информационных технологий, многие процессы управления по-прежнему осуществляются с использованием традиционных методов, что снижает оперативность и эффективность.

4. Проблемы координации и взаимодействия. Существуют определенные трудности в организации эффективного взаимодействия между различными подразделениями ОВД, а также с другими правоохранительными органами и государственными структурами.

5. Недостаточная подготовка руководителей к управлению в особых условиях. Многие руководители не имеют достаточного опыта и специальной подготовки для принятия эффективных решений в экстремальных ситуациях, что приводит к снижению качества управления.

6. Правовые пробелы в регламентации деятельности ОВД в некоторых видах особых условий. Не все аспекты деятельности органов внутренних дел в особых условиях имеют четкую нормативно-правовую регламентацию, что создает определенные трудности при организации управления.

7. Психологические аспекты управления в экстремальных ситуациях. Высокий уровень стресса, дефицит времени и повышенная ответственность за принимаемые решения создают дополнительную психологическую нагрузку на руководителей, что может негативно сказываться на качестве управления.

На основе проведенного исследования определены следующие направления совершенствования системы оперативного управления ОВД в особых условиях.

Правовое направление:

1) разработка проекта федерального закона «Об особенностях управления органами внутренних дел в особых условиях»;

2) принятие межведомственных соглашений о порядке взаимодействия;

3) создание единого реестра типовых алгоритмов действий.

Организационное направление:

1) внедрение адаптивных структур управления;

2) создание специализированных учебных центров;

3) развитие системы резерва управленческих кадров.

Технологическое направление:

1) внедрение единой цифровой платформы управления;

2) модернизация систем связи;

3) развитие технологий искусственного интеллекта для поддержки принятия решений.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о сущности оперативного управления органами внутренних дел в особых условиях:

1. Оперативное управление органами внутренних дел в особых условиях представляет собой специфический вид управленческой деятельности, направленный на обеспечение эффективного функционирования системы ОВД в экстраординарных обстоятельствах, требующих мобилизации дополнительных сил и средств и применения особых форм и методов управления.

2. Специфика оперативного управления в особых условиях определяется характером и масштабами возникающих угроз, временными ограничениями, высокой степенью неопределенности и риска, необходимостью координации действий с другими правоохранительными органами и государственными структурами.

3. Разработанная автором трехуровневая модель оперативного управления ОВД в особых условиях включает нормативно-правовой, организационно-функциональный и технико-технологический уровни, что позволяет системно подходить к совершенствованию управленческих процессов.

4. Эффективность оперативного управления в особых условиях определяется качеством информационно-аналитического обеспечения, оперативностью принятия решений, гибкостью реагирования на изменения обстановки, уровнем подготовки руководителей к действиям в экстремальных ситуациях.

5. Совершенствование системы оперативного управления ОВД в особых условиях должно осуществляться по нескольким ключевым направлениям: нормативно-правовое обеспечение, внедрение современных информационных технологий, развитие ситуационных центров, совершенствование системы подготовки руководителей, развитие форм и методов взаимодействия с другими ведомствами.

Учитывая динамический характер оперативной среды и меры, применяемые системой органов внутренних дел для обеспечения стабильности в особых условиях, наиболее подходящим представляется использование ситуационного подхода в сочетании с системным и процессным подходами. Это позволяет учитывать не только формальную правовую базу, но и широкий спектр внешних факторов, влияющих на деятельность ОВД, обеспечивая более целостный и контекстный анализ ситуации и принятие эффективных управленческих решений.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования для совершенствования системы оперативного управления органами внутренних дел в условиях чрезвычайных ситуаций, при проведении специальных операций и обеспече-

нии безопасности массовых мероприятий. Материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе образовательных организаций МВД России при подготовке сотрудников к действиям в особых условиях.

Научная новизна исследования заключается в разработке системной модели оперативного управления ОВД в особых условиях, интегрирующей правовые, организационные и технологические аспекты; впервые проведена типологизация особых условий деятельности ОВД с позиций управленческой специфики; предложена авторская концепция трехуровневого механизма оперативного управления; научно обоснованы направления совершенствования системы оперативного управления на основе комплексного анализа правовых основ и результатов экспертного опроса практических работников.

Список литературы:

1. Аврутин Ю. Е. Основы управления в органах внутренних дел : учебник для среднего профессионального образования. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 249 с.
2. Грищенко Л. Л. Современные тенденции в развитии управления правоохранительными органами Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 497–500.
3. Захватов И. Ю. К вопросу о критериях и показателях оценки эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 262–264.
4. Костенников М. В. Организационно-правовые основы профилактики правонарушений органами внутренних дел. М. : Юрайт, 2025. 142 с.
5. Княжев В. Б. О перспективных направлениях совершенствования ситуационного управления в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 75–83.
6. Майдыков А. Ф. О полномочиях органов оперативного управления (оперативных штабов) органов внутренних дел Российской Федерации и их руководителей в особых условиях (при возникновении чрезвычайных обстоятельств) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 139–144.
7. Передня Д. Г. Деятельностный подход как теоретико-методологическая основа исследования управленческой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 196–203.

References:

1. Avrutin Yu. E. Osnovy upravleniya v organah vnutrennih del : uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Yurajt, 2023. 249 s.
2. Grishchenko L. L. Sovremennye tendencii v razvitii upravleniya pravoohranitel'nymi organami Rossijskoj Federacii // Law and State: The Theory and Practice. 2024. № 11 (239). S. 497–500.
3. Zahvatov I. Yu. K voprosu o kriteriyah i pokazatelyah ocenki effektivnosti deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Law and State: The Theory and Practice. 2024. № 11 (239). S. 262–264.
4. Kostennikov M. V. Organizacionno-pravovye osnovy profilaktiki pravonarushenij organami vnutrennih del. M. : Yurajt, 2025. 142 s.
5. Knyazhev V. B. O perspektivnyh napravleniyah sovershenstvovaniya situacionnogo upravleniya v organah vnutrennih del // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 2 (58). S. 75–83.
6. Majdykov A. F. O pravomochiyah organov operativnogo upravleniya (operativnyh shtabov) organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i ih rukovoditelej v osobyh usloviyah (pri vozniknovenii chrezvychajnyh obstayatel'stv) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2 (62). S. 139–144.
7. Perednya D. G. Deyatel'nostnyj podhod kak teoretiko-metodologicheskaya osnova issledovaniya upravlencheskoj kul'tury // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. № 1. S. 196–203.
8. Potapova S. A. Planirovanie kak element upravlencheskoj deyatel'nosti v organah vnutrennih del // Ekonomicheskaya bezopasnost':

8. *Потапова С.А.* Планирование как элемент управленческой деятельности в органах внутренних дел // Экономическая безопасность: опыт, проблемы, перспективы : сборник статей. М. : ИП Черняева Ю.И., 2022. С. 124–128.
9. *Филимонов О.В.* Влияние управленческой культуры на содержание культуры управления в органах внутренних дел России // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 8–11.
10. *Холостов К.М.* Ситуационное управление как составляющая стратегического развития МВД России // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления России, 2020. С. 733–738.
- опыт, проблемы, перспективы : сборник статей. М. : ИП Черняева Ю.И., 2022. С. 124–128.
9. *Filimonov O.V.* Vliyanie upravlencheskoj kul'tury na sodержanie kul'tury upravleniya v organah vnutrennih del Rossii // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. № 5. S. 8–11.
10. *Holostov K.M.* Situacionnoe upravlenie kak sostavlyayushchaya strategicheskogo razvitiya MVD Rossii // Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostoyanie, tendencii, perspektivy : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M. : Akademiya upravleniya Rossii, 2020. S. 733–738.

Для цитирования:

Шакиров Артур Галиевич. О сущности оперативного управления органами внутренних дел Российской Федерации в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). С. 161–168.

For citation:

Shakirov Artur Galievich. On the Essence of Operational Management of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Special Conditions // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2025. № 3 (75). P. 161–168.